



16+

ВЕРА ВОЛХОВЕЦ

ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ ПУСТЫНИ

Вера Волховец

Холодное сердце пустыни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67601702

SelfPub; 2022

Аннотация

Она – Судья Пустыни, она защищает женщин в мире бесчинства мужчин.

За её плечами – много боли, много потерь, много тех, кому она просто не успела помочь. И она проклята. Жестоко проклята. Все боги равнодушны к её беде, все, кроме одного – того, кто уже давно хочет заполучить её как трофей в свою коллекцию. Он заключает с ней пари, поставив на кон её свободную волю.

Один вопрос: а что в этой истории забыл этот беглый гладиатор?

Содержание

Часть 1. Оазис	6
Пролог	6
1. Глава, в которой герой совершает подвиги не по расписанию	22
2. Глава, в которой герой пытается немножко умереть	32
3. Глава, в которой герой вне игры	42
4. Глава, в которой герой приходит в себя	56
5. Глава, в которой герой ужасно бдителен	65
6. Глава, в которой герой находит ночлег	77
7. Глава, в которой герой караулит у двери	89
8. Глава, в которой герой начинает говорить	102
9. Глава, в которой герой еще юн и неопытен	115
10. Глава, в которой герой откровенен до самого конца	127
11. Глава, в которой герой чего-то не понимает	138
12. Глава, в которой намечаются неприятности	147
13. Глава, в которой герой пытается простаться	158
14. Глава, в которой герой выживает, как умеет	167

15. Глава, в которой героя все-таки загоняют в угол	176
16. Глава, в которой у героя появляются проблемы	187
17. Глава, в которой герой улучшает момент	201
18. Глава, в которой герой остается непонятым	210
19. Глава, в которой враг, как всегда, насмехается	219
Часть 2. Пустыня	231
20. Глава, в которой происходят встречи	231
21. Глава, в которой герой не ищет легких путей	242
22. Глава, в которой появляется брат героя	251
23. Глава, в которой ради героя ничего не жалко	261
24. Глава, в которой заключается сделка	271
25. Глава, в которой герой играет с собачкой	281
26. Глава, в которой герой гуляет по саду	289
27. Глава, в которой герой слышит отказ	302
28. Глава, в которой герою спешат на помощь	314
29. Глава, в которой герой все видит	324
30. Глава, в которой открытия не заканчиваются	334
31. Глава, в которой судьба капризничает	348
32. Глава, в которой герой называет цену	358

33. Глава, в которой "вместо тысячи слов..."	367
34. Глава, в которой не осталось ни времени, ни выбора	378
35. Глава, в которой Судья говорить не хочет	387
36. Глава, в которой герой обретает силу	397
37. Глава, в которой находится ответ на старую загадку	408
38. Глава про очевидное, невероятное и несбыточное	420
39. Глава про свадьбу, свадьбу, кольца, кольца	432

Вера Волховец

Холодное сердце пустыни

Часть 1. Оазис

Пролог

На рассвете песок был холодный, почти ледяной. И идти по нему босиком осмеливались только бродячие аскеты, пытающиеся своими добровольными пытками заслужить внимание богов.

Некоторые боги и вправду ценили подобные знаки внимания, исполняли желания своей паствы, правда нередко оказывалось, что тем только того и надо было.

Впрочем, та, что сейчас шагала по желтому песку босой, не была никаким аскетом. Вот только именно ей в этой пустыне никто не осмеливался диктовать правила. Слишком резка она была, слишком скоро на расправу.

Да и вообще... Если по секрету— она не была человеком. И к храму, что высился впереди неё, она шла пешком просто потому, что ей так хотелось, а не потому, что она не могла иначе.

Храм Эльяса эль Мора темным куполом, будто покрытым

каменными перьями, вздымался к небу. Он был черен и мрачен, ровно как и нутро его хозяина.

Этот храм появился недавно, она еще помнила то время, когда на месте этого величественного, претенциозного строения стоял один только темный идол, высеченный из грубого камня, да камень-жертвенник.

И вот пожалуйста... Храм. И у кого? У вчерашнего демона, что за хорошую жертву мог подарить смертному запретный дар, да и просто не погнушаться какой-нибудь грязной работой.

Но сейчас он— бог. Очень могущественный. И к нему она пришла за помощью, ни за чем больше. Так что... Так что в уме она сомневаться в промысле судьбы не будет. Раз демон смог вознестись до бога— значит, так надо. Хоть это и ужасно странно...

У ступеней храма девушка остановилась и повела плечами. На её шее из-под длинной чадры вдруг выполз аспид, а на синем покрывале, прикрывавшем лоб и волосы,— появился скорпион. Впрочем, как мы уже говорили, человеком эта девушка не была, поэтому абсолютно не испугалась, а бережно, с лаской, ссадила на песок сначала аспида, а потом и скорпиона.

Секунда— и цветной змей обратился в нага, а черный маленький скорпион— в деву со скорпионьим хвостом.

– Госпожа, вам не следует идти к нему без реликтов, – испуганно пискнула девушка-скорпион, – возьмите нас с со-

бой, позвольте заботиться о вас и там.

– Алима, я— Судья Пустыни. Даже без реликтов я могу дать отпор кому угодно, – вздохнула та, кого называли госпожой, – я пришла сюда за помощью. И нести свои реликты в чужой храм— непорядочно. Ждите меня здесь.

По лицам обоих было ясно— они не согласны со своей хозяйкой, но спорить— попросту не решаются. А Судья Пустыни спокойно ступает босыми ногами на ступени храма.

Все было просто. Не было сгущающихся туч, молний, никто не спрашивал, зачем она явилась— некоторые боги так реагировали на её появление в их резиденциях. Особенно те, коим было что предъявить.

Значило ли это, что тот, к кому пришла Судья— не имел никаких прегрешений за спиной? О нет. Это значило просто, что он не боялся за них отвечать. Или— был уверен, что о них никто не знает.

Эльяс эль Мор даже не пытался изображать из себя благодетельного бога. Он— Король-Ворон, Король Голода, исчадие порока и все-такое-прочее.

Если вы еще не поняли— он был ужасный хвостун и обожал, когда слава о его деяниях разносилась даже не на всю пустыню— но и далеко за её пределы.

В храме было темно.

Еще не встали служки, не проснулся жрец, и свечи на алтаре догорели уже до медных чаш подсвечников. Впрочем, даже если бы кто-то и проснулся— шагающую по темному

храму Судью они бы не заметили. Ей нужно было торопиться, на самом деле. Ей чудом удалось выкроить эти два часа, один— она потратила на прогулку, второй— собиралась потратить на переговоры. Потом...

“Потом” – как она надеялась, все-таки её не догонит.

У бронзовой чаши жертвенника она остановилась и вздохнула. В опущенной ладони появился красивый кривой кинжал, и им она провела по ладони, заставляя кровь струйкой сбежать вниз и упасть в чашу.

Кровь полубогини— не такая уж малая жертва. Он не сможет её проигнорировать, он же алчный Король Голода, он в принципе не отказывался ни от одной из жертв, тем более— от таких.

– Ну, надо же... Ты и вправду пришла, Сальвадор...

Бархатистый голос Эльяса эль Мора раздался тут же, стояло только каплям крови в его жертвеннике нагреться.

Он стоял за её спиной.

Судья лишь закатила глаза, сетуя на излишний драматизм богов, а после развернулась и уставилась на Короля-Ворона глаза в глаза.

Он вышел к ней в полном облачении, за плечами его гордо вздымались три пары черных крыльев. Эльяс даже надвинул на лицо белую костяную маску ворона с длинным клювом, но и минуту не выдержал в таком виде. Пальцы на руке щелкнули, маска растаяла, и на Судью уже прямо уставились яркие лиловые глаза.

– Здравствуй, Эльяс, – ровно произнесла девушка.

– Мне кажется, или того, к кому ты приходишь за помощью, следует приветствовать как-то любезней? – нагло улыбнулся Ворон, отбрасывая с плеча длинную прядь темных волос. – Попробуй еще раз.

– Еще любезней?– Сальвадор подняла бровь. – Боюсь, для мужчин в этой пустыне у меня нет более учтивых слов, Эльяс, я и этими-то не разбрасываюсь. Здравствуй и процветай, пусть верующие твои протопчут к храму твоему широкую дорогу, и жертвы твои вознесут тебя еще выше, чем ты сидишь сейчас. Так сойдет?

– Надо было поспорить с Салладом, что ты все-таки это скажешь, – Ворон чуть усмехнулся, милостиво кивнул, а затем повел ладонью, и в глухой стене храма появилась узорчатая черно-белая дверь, – прошу пожаловать в мой Чертог, Судья, мы поговорим там.

– Надеюсь, у тебя там не вертеп, – вздохнула Сальвадор, поправляя покрывало.

– Я тебя не ждал, так что, увы, вертепа нет, – Ворон с сожаленьем развел руками. Она ощутила, как он покривил душой, но, на его счастье, ложь была в первой части фразы, а не во второй.

В чертоге Эльяса— точнее в той зале, в которую он «заманил» Сальвадор, было, конечно, накурено, но по крайней мере здесь не творилось ничего, чего можно было ожидать от бывшего демона. Ну, там... Сотни голых девиц, оргия,

половина участников которой позже становилась жертвами для хозяина Чертога...

Нет. Все чинно, скромно, шелковые подушки, сильнейший запах фруктовых кальянов, от которого к горлу тут же подкатила тошнота. Даже девушка была всего одна— и одетая. В абсолютно приличную светлую тунику и темные шаровары. Она пила чай, сидя у невысокого столика.

Судья не удержалась. Потянулась к ладони девушки, провела по тонким пальцам своими. Все хорошо. Девушку не удерживали насильно, она вообще была очень довольна жизнью.

– Падме здесь по своей воле, Судья, – тон Эльяса эль Мора стал холоднее, – в следующий раз спрашивай разрешения, когда что-то трогаешь в моем Чертоге.

– Защита женщин от несправедливости— мой промысел, – бесстрастно откликнулась Сальвадор, – и если ты хочешь обсудить это— можешь обратиться к Шии-Ра. Это ей я давала предсмертную клятву, именно она даровала мне бессмертие и мою силу. До тех пор пока я— Судья, судьбы дочерей этой пустыни волнуют меня вопреки чьим-то капризам и вопреки даже моей собственной судьбе. Так ты хочешь об этом поговорить, Эльяс? Или позволишь мне сказать о моем деле?

Эльяс уставился на неё изучающе.

– Хочешь, прогуляемся по моему Чертогу? Обсудим твое дело по ходу, – неожиданно предложил он, но Сальвадор по-

качала головой.

– Лучше давай просто поговорим. Ходить при этом мне не обязательно.

– Сколько мы не виделись?– вдруг спросил Эльяс вкрадчиво. И это был неправильный вопрос. Такой, от которого заныли виски. Как и всегда, когда вопросы касались прошлого.

– Я не знаю, – морщась, откликнулась Судья, – лет сорок, не меньше. Сорок из тех ста, что я служу Махасару. Кажется...

– Не помнишь точно?– тонкие брови Эльяса взлетели на его высокий лоб. – Я слышал что-то о проклятии, тебя сразившем, но подробности как-то ускользали от моих ушей.

– Мы можем сесть?– Сальвадор вымученно улыбнулась. Вся её сущность гудела, эхом откликаясь на вскипевшее внутри проклятие.

– Да уж прошу, – Ворон широким жестом повел в сторону подушек, и сам не без удовольствия развалился на них.

Он рисовался. Он ведь мог явиться к Судье в приличном виде, а явился— как явился. Обнаженный до пояса, в одних только черных шароварах, от пояса и до кистей рук исписанный черными узорами. Одна из гибких татуировок под взглядом Сальвадор обрела объем, поднялась над плечом Эльяса и скользнула меж подушек, будто что-то разыскивая. Вернулась с длинной трубкой, которую Эльяс тут же зажал между зубов.

Курил он не только кальяны...

– И так... – Ворон жестом показал, что говорить уже можно, он, мол, внимательно слушает.

Вместо ответа Сальвадор просто подняла руку.

Он был богом. Он не мог не видеть золотой магической вязи, покрывавшей её тело. А еще— темного, тонкого, неприятного узора, что пробрался под эту вязь.

Проклятие.

Эльяс просто присвистнул.

– Глубоко ушло, – он качнул головой, – и как оно действует? Чем тебе вредит?

– Это сложно описать, – Сальвадор чуть скривилась, – ты когда-нибудь рождался смертным? Проживал целую их жизнь от начала и до конца?

– Для развлечения?– Эльяс зевнул. – Нет, спасибо, я еще божественными регалиями не наигрался. В смертных играют уж совсем от скуки.

– Я не играю, – Сальвадор стиснула зубы, – но тем не менее, за последние семь лет я переживаю уже десятое перерождение. Жизнь за жизнью. Одна другой хуже.

– Тебя смущает нищета смертных или их убогая магия?– насмешливо спросил Эльяс.

– Меня смущает десять насильственных смертей, и то, что ни в одной жизни я не доживаю даже до одиннадцати лет, – устало откликнулась девушка. – Меня смущает, что я не могу этому воспрепятствовать. Меня смущает, что после каж-

дой такой реинкарнации я теряю больше памяти и сил. На восстановление уходит время, в которое я не могу следовать своему долгу. Не могу помогать тем, кто зовет меня. Не могу защищать дочерей пустыни как должно. И...

– И?..– Эльяс поторопил её рассказ.

– Я забываю все больше, – Сальвадор ударила ладонью по колену, – я забываю лица тех, кто приходил ко мне. Кому я дала обет помощи, кому дала благословение, кому просто помогла и должна навещать. Сейчас я не помню тринадцать лет. В прошлом году— не помнила десять. Если забуду слишком много...

– В тебя перестанут верить, – Ворон кивнул, констатируя это как факт, – на твое капище перестанут ходить, потому что ты перестанешь отзываться, когда забудешь, что должна это делать, а потом тебя и вообще не станет. На Поле Забытых Богов появится камушек с твоим именем.

– Мне плевать на себя, – Судья встряхнула волосами, – но мое дело продолжать некому. И женщин пустыни оставлять нельзя, им нужна защита...

– Давай перейдем сразу к сути, – Эльяс глубоко затянулся фруктовым табачным дымом и пустил к потолку своей курильни целую флотилию маленьких фрегатов, – что мне будет, если я сниму с тебя проклятие?

– Ты можешь?– Она подобралась, потому что на самом деле не ожидала. – Мне уже отказали многие...

– Не равняй меня по многим, Судья, – Ворон криво усмех-

нулся, – да, я могу исполнить твою просьбу. Могу избавить тебя от проклятия. Но чем ты мне заплатишь?

– Цену назови сам, – Сальвадор пожала плечами, – мои возможности ты знаешь.

– Дашь мне индульгенцию на все то время, что я буду богом, и со своим Судом будешь огибать мой Чертог за четыре фарса?– мягко предложил Ворон.

– Исключено. Мой Суд не ведает помилований и возможностей уклонения от правосудия.

– Исполнишь одно мое желание и прикончишь того бога, который мешает мне больше прочих?

– Я не одолею бога, если меня к нему привела не дорога моего Суда.

– Сальвадор, ты вообще уверена, что хоть что-то можешь мне предложить?– Эльяс в явном сомнении хмыкнул. – Предлагаешь мне тратить на тебя магию задаром? Так дела не ведутся.

Демон, одним словом. Но в чем-то он был прав.

– Придумай что-то еще, – тем не менее упрямо повторила девушка, – моя плата не может касаться моего Суда. Никаким образом.

С пару минут Эльяс просто смотрел на неё, прокручивая трубку в длинных пальцах, а потом подался вперед, вытягивая вперед ладонь.

– Помнишь это, Сальвадор?– но запястье Ворона появился черно-белый браслет. Узорчатый, широкий. Обручаль-

ный.

– Помню, – Судья Пустыни пожала плечами и проявила свой. Особый нюанс положения полубогини или богини— смертные могут придумать про тебя «легенду». Миф. Сказку. Баечку. И судьба— не удержится, судьба заставит тебя этой баечки слушаться. Ведь без смертных— нет и не будет богов. А значит воля смертных должна богами чтиться.

Эту связь придумал какой-то глупец. Из тех, верно, кто ушел с капища Сальвадор посрамленным и наказанным. Кто-то, кто дал Судье Пустыни имя Королевы Ядов и решил, что она отличная партия для могучего Короля Голода.

Лишь один раз они встречались после этой баечки с Эльясом и нашли друг друга совершенно неподходящими друг другу.

– Хочешь, чтобы я рассекла эту связь?– Сальвадор вытянула пальцы, материализовывая кинжал судьбы, Трего. Её священное оружие, данное ей Верховной Богиней, один из двух парных кинжалов.

Она уже рассекала эту связь, но она возникала снова и снова. Это должно было прекратиться, когда Сальвадор нашла бы себе мужа, но... С этим у неё имелись известные проблемы.

– Нет, – Эльяс покачал головой, – я хочу, чтобы мы эту связь укрепили. Станешь моей женой, Сальвадор, а я сниму с тебя проклятие.

В повисшей тишине в курильню вошла Падме, расстави-

ла на низком столике между полубогиней и богом пиалы и блюдечки со сладостями, водрузила в центр стола чайник с настоявшимся чаем, бросила взгляд на Эльяса, а потом кивнула и вышла вон.

– Тебе лучше сказать, что ты пошутил, – отрешенно произнесла Сальвадор, глядя на алую занавесь за плечом Ворона. Из всех вариантов, бывший демон озвучил именно тот, что был наиболее возмутителен. Стать женой в уплату – да он бы еще её по лицу ударил.

– Ну отчего же пошутил? – Эльяс насмешливо передернул плечами. – И потом, разве тебе это не выгодно? Никаких больше полумер и сил полубогини, станешь полноценной богиней, женой бога.

– Потрясающее предложение, – усмехнулась Сальвадор, жестко щурясь, – даже не могу себе представить, что же я хочу больше— бросить свой промысел, потому что стану женой бога, или бросить свой промысел, потому что просто забуду о нем. Что же мне выбрать... Ах, ну точно, спасибо, но я не стану твоей игрушкой, Эльяс. Даже ради исцеления от проклятия.

Она поднялась на ноги и шагнула было к той узорчатой двери, через которую вошла, но дверь тут же исчезла. А ведь правила гласили, что выйти из Чертога бога можно только тем же способом, что и вошел...

– Мы не договорили, Судья, – настойчиво повторил Эльяс за спиной Сальвадор, – и я не позволял тебе уходить.

Она опустила вниз вторую руку. Второй кинжал, Тейлат, возник в ней.

– Мне стоит тебе разъяснить, что бывает с теми, кто пытается навязывать мне свою волю?– сухо поинтересовалась Сальвадор. – Или ты в курсе?

– В курсе ли я, что ты самая упрямая женщина в Махасаре?– Эльяс рассмеялся. – Да, слышан. Знаю ли, сколько мужчин проклинаят твое имя? Да, дорогая, еще как. Потому мне и интересно заполучить тебя в жены. Чем строптивее девица, тем мне интереснее её сломить.

У неё было только одно оправдание тому, что именно сейчас она твердо выстояла, а не развернулась и не метнула в Ворона кинжал. Только одно!

Она пришла к нему сама!

Знала ведь куда шла!

Еще удивительно, как она столько с ним выдержала, должна была выдержать меньше.

Все боги были одинаковы. Ровно как и мужчины. Впрочем, нужно сказать, Эльяс бил все рекорды...

– Раз, – тихо произнесла Судья, только потому, что именно с богами— она должна была предупреждать о нападениях, – два...

Дверь возникла там же, где и была, но и Эльяс появился перед ней, не давая даже прикоснуться к дверной ручке.

– Последнее предложение, Судья, – усмехнулся он криво, – самое последнее, и настолько щедрое, что я диву даюсь,

что иду на это. Готова слушать?

– Отойди с моей дороги, – процедила сквозь зубы Сальвадор. Нужно запомнить— Эльяса эль Мора можно употреблять раз в сорок лет по чайной ложке, точнее – по пять минут, не дольше.

– Я ничего с тебя не возьму за снятие проклятия, – быстро выдохнул Ворон, и на это Сальвадор только задрала бровь, – просто сниму его и все. Только после...

– После чего?

– Пари, – Эльяс пожал плечами, – простое пари. Ты ведь слышала о таком?

– О развлечении скучающих бездельников?

– Один год ты проведешь в смертном теле, – Эльяс прищурился, прикидывая условия, – я буду рядом, на аналогичных условиях. Тебе будет дозволена магия, но только через иное, созданное тобой тело, что станет твоим сосудом. Никто не должен узнать в тебе Сальвадор, по крайней мере, ты этому способствовать не должна. Выдержишь год— и считай, снятие проклятия тебе досталось просто так, за мое развлечение.

– А если не выдержу?

– А не выдержишь, станешь моей женой, – Эльяс развел руками, сетуя, что других условий ему не завезли, – моей покорной женой, согласно пути, избранному для тебя судьбой.

– Это тот же бред, только...

– Только с возможностью выигрыша и выхода без ущер-

ба?— ехидства в голосе Эльяса эль Мора, пожалуй, было даже слишком много. — Один год, Судья. Один год ты развлекаешь меня, и все. Умрешь раньше— считай победила. На реинкарнациях ты потеряешь больше времени и выхода там у тебя не будет. Неужели ты не выдержишь один год? Ради своих-то драгоценных дочерей пустыни?

Она молчала пять минут. А потом...

— Идет, — Сальвадор крепко сжала протянутую вперед ладонь Ворона, — год так год.

И ничто, и никто не заставит её сдаться и отказаться от победы в этом споре. И пусть Эльясу это будет уроком!

— Выпьем чаю, раз уж мы с тобой договорились, — Эльяс поднял руку, протягивая ей пиалу.

Ну, чай так чай...

Она выпила его залпом и отправила посудину на столик.

— Мне нужно идти. Создание сосуда для магии и замыкание дара под печатями требует времени, а у меня его мало.

— Я зайду к тебе, когда ты отправишься в перерождение, — Эльяс кивнул все с той же скучающей улыбочкой и отошел наконец от двери, — задам твоей следующей жизни интересные для меня условия.

Судья ушла.

А сам Король Воронов шагнул к столику, поднял с него пиалу Сальвадор, а потом просто дохнул внутрь неё, заставляя глину вдруг начать испускать клубы пара. Белесого, со-

бирающегося в плотное облако пара. А потом в центре облака прояснилось и стало видно строение, высящееся огромным кольцом.

– Око Бога?– негромко спросила Падме, заходя в курильню и останавливаясь в нескольких шагах за спиной Эльяса, – что же ищет Король Воронов?

– Кажется, Харибскую Арену, – задумчиво откликнулся Эльяс, продолжая глядеть в шар из пара, – Ты слышала, что Шии-Ра обещала Судье Пустыни за сто лет верной службы одну смертную счастливую судьбу?

Он говорил неторопливо, пока картинка в центре облака постепенно росла, будто спускаясь внутрь этого огромного амфитеатра.

– Очень приблизительно, – осторожно откликнулась Падме, – думала, что это только слух.

– Солнцеликая всегда выполняет свои обещания. – Эльяс эль Мор с жестким прищуром уставился на уже четко видную в Оке широкоплечую мужскую фигуру в гладиаторском доспехе, – Вот этот парень— та самая судьба Судьи. В которую она не верит, кстати. Или забыла...

– Зачем же этот гладиатор нужен Королю Воронов?– негромко спросила Падме опуская взгляд.

– Затем, чтобы Король Воронов выиграл в споре с Судьей, конечно, – Эльяс еще раз глянул внутрь облака и удовлетворенно кивнул, – судьба— та еще шутница, ты не находишь?

1. Глава, в которой герой совершает подвиги не по расписанию

Оазис Турфан был самым известным оазисом на Белом Шелковом Пути. Здесь притаился город, и непонятно, что называли в честь чего: город в честь оазиса или оазис в честь города. И все тут было красиво: и пузатенькие глиняные дома, похожие на перевернутые кувшины и отделанные цветной мозаикой, и зеленые пальмы, и два озера, вокруг которых и гнезился городок.

Пауль шагал по Турфану без особого удовольствия. Ему не было дела до здешних красот или красоток, щеголявших то тут, то там тяжелыми черными косами, шелковыми шароварами и голыми животами.

Какие уж тут красоты, Паулю нужен был только продавец воды, а потом... Потом – держаться подальше от местной стражи. Наверняка в этом городе есть кто-то вроде мэра, и он наверняка захочет выслужиться перед халифом и вернуть беглого раба, принадлежащего Харибской Арене.

Неизвестно, конечно, как быстро сюда идут вести из Хариба, но магии в Турфане тоже есть, а морок, скрывающий выжженную руну раба-гладиатора на правом предплечье, развеять довольно просто.

Пауль кожей ощущал назойливое внимание местных жителей. Все эти пристальные взгляды, упирающиеся ему в спи-

ну сразу, как только проходил мимо. И дело было даже не в том, что он бросался в глаза слишком воинской мускулатурой. Все-таки были в Турфане воины, магиками же нужно было родиться, а меч в руках научиться держать мог едва ли не любой.

По сравнению с местными Пауль слишком резко выделялся своей светлой кожей. Даже проведя несколько недель в пустыне, обгорев несколько раз и покрывшись золотистым загаром, Пауль все равно отличался от смуглых коренных пустынных жителей.

Да и доспех... Гладиаторский... С одной стороны – не страшно, бывало, халиф дарил некоторым гладиаторам свободу, с другой стороны, бывшие рабы – народ зависимый. Любой магик может подойти, проверить – а что с твоей рабской печатью, развеяна ли она, как это положено, или её выжгли с кожи каким-то варварским методом?

В общем, доспехи Пауля выдавали. А без доспеха и без короткого гладиаторского клинка Пауль бежать не решился. Не стал брать с Арены тяжелого оружия – и был прав. За время скитания по пустыне, познав такую вещь как голод, Пауль оценил достоинства легкого меча.

О, а помимо голода были еще такие две идущих рука об руку проблемы: жажда и жара.

Жара...

Пауль ненавидел Махасар в основном за жару. Пустыня была его тюрьмой, а жара её – жестоким тюремщиком, не да-

ющим Паулю ни малейшей надежды на возвращение в родные земли.

Нет, ничего невозможного в этой задаче не было. Все было вполне посильно, если ты не беглый раб и можешь передвигаться по течению полноводного Дульха, а для пополнения запасов провианта можешь заходить в любой крупный город, типа Хариба или Кали, проходя через магические купола, снимающие чары с путников и отпугивающие пустынных духов.

Если ты беглый раб, когда ты пройдешь через купол, в ту же секунду соскользнут чары с выжженного клейма, тут же налетят стражники, отволокут обратно на Арену, и... И живым с неё Пауль уже не уйдет. Он видел гладиаторов, которых возвращали после побегов. Их держали на цепях, в ошейниках, выпускали только на бои со зверьми на потеху толпе.

Это с Турфаном повезло – солевые озера сами по себе защищают от дальше от Хариба – чем дальше, тем лучше. И без мажиков. Такой, в котором можно было бы и осесть. Духов, здесь нет защитного купола, но именно в таких оазисах и ищут прежде всего. Нужно было пополнить запас воды, а уж потом, потом – можно и подумать, что делать. Найти бы спутника, который знает оазис

А еще нужно найти работу. Хоть какую-нибудь временную, неприятную, хоть охотником на шакалов.

В оазисах, в которые забредал Пауль по пути в Турфан,

была в них нужда. Большим спросом пользовались охотники на нечисть и убийцы духов, но для того, чтобы стать таким, нужно было зачарованное оружие. Которое покупалось у магов, к которым Пауль в своей гладиаторской броне приближаться не собирался.

Десять шакальих сердец обеспечивали тебе пару медных колонов от главы городской стражи и пару плотных мясных обедов – в основном потому, что тебе отдавали только два сердца из десяти. Пара колонов – запас воды на неделю. Если поэкономить – хватит до следующего оазиса.

Какая жалость, что работать так у Пауля получилось недолго. Сейчас из всего богатства у Пауля в котомке была только пара сушеных желез арахнида, забитого пару дней назад. Их можно попробовать продать на черном рынке. Заदेशево, конечно, задорого взяли бы магики напрямую. Но про магов и отношение к ним Пауля мы уже говорили.

– Отпустите...

Пауль остановился и нахмурился. Треп зевак и зазывающие вопли торговцев он особо не слушал, пропускал мимо ушей. А тут – тоненький голосок, девичий. Где-то между глиняными домами...

Не то чтобы у Пауля было желание вмешиваться и привлекать внимание стражи, но все-таки. Если бы Мег была жива, если бы был шанс её найти, он бы её защищал, зря, что ли, боги дали ему “бычью силу”, которой он и прославился на Арене?

– Отстаньте, – снова вскрикнула девушка, и Пауль, четко определив направление, нырнул в ближайший переулок по пути. Глиняные дома Турфана, конечно, имели свойство вылезать откуда ни возьмись, не было у них никакой упорядоченности, как на улицах родных для Пауля белокаменных Эффинов, но все-таки два проулка – и вот уже Пауль оказывается в темноватом тупичке, где, судя по неприятной магической вони, разве что жертвоприношений не устраивали.

А кроме Пауля здесь была еще девушка. И двое явно местных ублюдков...

Ублюдок покрупнее держал девчонку, второй ублюдок, неприятно хихикая, снимал с девчонки звенящий фальшивыми монетками пояс. Ну, монетки-то фальшивые, а пояс денег стоит, ага. Кстати, вон та блестящая цацка, что торчала из кармана у тощего, уж не приходилась ли этой девице каким-нибудь ожерельем?

Девушка была...

Красивая?

Да о чем вы вообще?

Девушка была заплаканная. Это все, на что обратил внимание Пауль, пока переводил взгляд с одного лица на другое. Как уже упоминалось, Пауль тут был не ради красоты этой “восточной чаровницы”, как непременно называли бы её в Эффинах, а просто чтобы отдать дань памяти сестре. Сейчас у него была сила защищать. Семь лет назад – не было. И до сих пор эти воспоминания не давали спать спокойно.

Короче говоря, Паулю было сейчас не до девушки. Он просто глухо кашлянул и красноречиво опустил ладонь на рукоять меча. Достаточно ли ясны его намерения?

– Слышь, хасстар, гуляй отсюда, – враждебно рыкнул тот ублюдок, который был покрупнее. Видимо, сжал запястья девчонки крепче, потому что она взвизгнула от боли, дернулась, пытаясь освободиться. Куда там. Ручки-то – как веточки тонкие.

Хасстар. Словечко не из турфанского диалекта. Пауль не очень различал языки кочевников, пять лет жизни в казематах Арены заставили его выучить ругательства на бесчисленном количестве языков. В основном, конечно, большинство оазисов общалось на языке объединенного Магриба, чьей столицей и был Хариб.

Но случались и вот такие вот... Отклонения от привычного.

Ильдар, кажется, как-то называл Пауля хасстаром, уже после того, как получил мечом под ребра. Его народ вообще имел такую традицию – оскорблять перед смертью.

Кажется, на языке выходцев из сердца пустыни это было что-то вроде “белый пес” или “белый шакал”. Хотя разницы нет. С какой стороны ни глянь – с любой оскорбление. Нет, серьезно? Вот никаких глаз нет, ведь Пауль даже в росте обгонял этого щенка на полголовы, про силу и искусство боя мы скромно умолчим. Пауль уже по тому, как стоит соперник, видел, что боец из него никудышный. А туда же – лезет

оскорблять. Или типа “вдвоем мы сильнее”? Ну-ну.

На Арене были воины, которые бы на оскорбление ответили оскорблением, и вообще – наверняка бы с полчаса протанцевали бы вокруг врага, изощряясь остроумными унижениями, вот только Пауль усвоил одно: острый язык – это, конечно, хорошо, но лучше, чтобы рука не дрожала и меч был хорошо наточен. На болтовню он распыляться не стал, просто потянул меч из ножен.

Хороший меч, надежный, верный, увесистый. Паулю-то, привыкшему уже, он казался легким, но действительно легкий меч урона не нанес бы.

Сколько крови было на этой полированной стали? Сколько памяти о недругах, да и о друзьях, чью жизнь пришлось оборвать этим клинком. Этот друг был из тех, которые не умирали.

Нужно сказать, что язык простых жестов ушлепки поняли прекрасно. Девчонку отпустили. Сами схватились за оружие. Ну, у них оно тоже было, да. У щуплого – пара кинжалов, у того, что покрупнее, – кривая сабля.

– Уходи, – глухо рыкнул Пауль, замершей у стены девчонке.

С Арены у него ненависть к тому, что за его боем кто-то смотрит. А эта стоит себе, как статуя, глаза свои раскосые пучит. Не дело девке наблюдать резню. Еще потом кошмарами будет мучиться.

– Так ты разговариваешь, хасстар, – ядовито рычит тот

самый, который идет за главаря этой недобанды, – а я уж думал, что тебе кто язык отрезал. Ну ладно, погоди, я отрежу.

Ну вот. Вот оно, о чем и говорил Пауль. Болтун. Чем слабже рука, тем длиннее язык. Смерть же напротив – довольно молчалива.

Главарь ринулся на Пауля первым. И сожри его шакалы, его было стыдно убивать. Таких неумех – именно что стыдно, но увы, если что Пауль и делал уже привычно – так это убивал. И нет ничего особенного в том, чтобы скользнуть чуть в сторону, нырнуть под руку противника и полоснуть его острием по животу – неприкрытому броней. Здесь в пустыне броню вообще почти не носили, в ней жарко.

Паулю вот было жарко. Но за сохранность собственного брюха он переживал больше.

Глухой шлепок за спиной – свидетельство того, что все сделано правильно. И стыдно. Стыдно, что пришлось убить чьего-то сына, но Пауль уже привык делать этот выбор. Понятно же, что или он, или его...

После побега – это было первое убийство человека, Пауль искренне надеялся, что больше их убивать ему не придется. Лучше – духов, шакалов, но... Если уж честно и откровенно, разбойников в пустыне было полно, да и вечно избегать стражи вряд ли получится.

– Осторожно.

Высокий вскрик девушки заставляет Пауля вздрогнуть и обернуться.

Зря он зевал во время боя.

Пауль задумался всего на секунду, замер, отдавая честь падающему к ногам врагу. А второй-то противник про него не забыл, второй-то уже очнулся от ошеломления тем, что на его глазах убили его приятеля, и...

От кинжала Паулю удалось уйти. Почти. Все-таки по тыльной стороне запястья лезвие полоснуло. Да, наручей не хватало...

Кинжал метнули – приближаться к Паулю второй ублюдок побоялся, равно как и расставаться со вторым мечом, и поняв, что Пауль ушел от удара – соперник нырнул между двумя глиняными домами и дал деру.

Шакал...

Пауль не стал его догонять. Здесь, сейчас – он в тупике, в котором нету стражи. Вылетит на людную улицу с окровавленным мечом наголо – и все, конец. Хотя и сейчас нужно отсюда уходить побыстрее. Один ублюдок ушел, если не идиот – бросится к страже. Плевать, что они тут делали, и что делали с этой девчонкой. Беглый гладиатор – это в любом случае приговор.

– Господин... – слабый голос девчонки за спиной заставил Пауля вздрогнуть.

– Ты еще тут? – хрипло выдохнул он, оборачиваясь. – Велел же проваливать.

Девушка, бледная как смерть, теребила пальцами краешек сбившегося шелкового покрывала, которым были прикрыты

её плечи и волосы.

– Ваша рана, господин...

– Да ерунда, царапина, – Пауль отмахнулся, а потом все-таки глянул на полосу от кинжала и замер. Рана кровила – в этом не было ничего удивительного. Обычное дело. А вот едва заметный бледно-зеленый оттенок кожи вокруг той раны – дело уже не обычное.

Да сожри Сальвадор этого тощего ублюдка и можешь даже не подавиться. Кинжальчик-то отравлен был.

2. Глава, в которой герой пытается немножко умереть

После озарения про яд, на Пауля напал какой-то ступор. Он смотрел на то, как медленно зеленеют его вены, и размышлял о превратностях судьбы.

Нет, ну это ж надо было... И трех недель ведь не прошло с момента побега.

Ну...

Хоть умрет свободным, а не на проклятой Арене...

– Господин... – девушка тронула его тонкими пальчиками за кисть раненой руки.

Пауль глянул на неё и до него дошло... До него вообще некоторые вещи доходили не сразу, видать крюк по дороге закладывали.

Девушка была красивая. Потрясающая, на самом деле.

Да, чаровница, не иначе. Метиска, светлокожая, на фоне многих местных смуглых красоток смотрелась почти что белой вороной.

Нет, ослепительной звездой, не меньше.

И понятно, что не обошлось без пудры на этой нежной коже, и без помады тоже – Мег тоже регулярно подкрашивала губы этими прикупленными у магигов красочками, чтобы губы казались сочнее и ярче, но... Эти губы, алые, как налитая вишня – если смыть с них помаду, вряд ли станут

менее мягкими, менее манящими.

И темные уголки сурьмы, конечно, украшали спасенную Паулем девушку, но её глаза вряд ли бы стали менее яркими, если бы всю эту сурьму с век стереть. Не исчезнет из них этот заметный лукавый ум, эта чарующая искренность, таящаяся на дне этих бездонных темных озер.

Пауль глядел в глаза незнакомки и пытался в них не тонуть. Хотя... Сейчас ведь можно было и утонуть. Какая разница? Уж сейчас-то.

Интересно, сколько ему осталось? Десяток минут? Пара часов? День-два?

Сейчас можно и полюбоваться на неё, и даже побыть собой довольным. Этот дивный цветок пустыни он из беды выручил.

Пальцы целой руки скользнули по щеке девушки. Нежной щеке. Какая жалость, что совсем нету времени отдать этой дивной красоте должное. Нету времени, да и свободы тоже нету. Если бы была возможность... Если бы было, что предлагать этой женщине...

А что он может ей предложить сейчас? Свою отравленную клейменную шкуру беглого гладиатора?

Поцеловать бы её хотя бы, да даже от простого прикосновения у дурочки взгляд вдруг стал каким-то затравленным.

Пауль отвел и опустил руку. Он спасал её не для того, чтобы угрожать уже самому. Да и страх ей не шел, портил её нежное лицо.

– Ну что ж, красивая, за тебя умереть не жалко, – усмехнулся Пауль и только было собрался отвернуться, как незнакомка схватила его за локоть.

– Я знаю хорошего врачевателя, совсем рядом.

– Нет, малышка, мне ему платить нечем, – Пауль усмехнулся, – да и у тебя вряд ли найдется плата, за противоядие пояском не расплатишься. Их травы и знания стоят дорого.

– А если к целителю-магику? Мы успеем дойти. У них недорого...

– Нет, – Пауль качнул головой, – любой магик первым делом колданет на меня снятие чар. А мне... – ладонь коснулась груди слева, в том месте, где был шрам от выжженного клейма, – мне есть, что скрывать, красивая.

– Ты раб? – Девушка оказалась на редкость догадливая. – Беглый?

Неделю назад её прозорливость сыграла бы с ней плохую шутку. Ведь она была из неплохой семьи, это было видно по дороговому синему покрывалу, которым были прикрыты волосы и шея. А неплохие семьи беглых рабов не любили. И Пауль мог закрыть глаза и свернуть девчонке шею. Сейчас... Сейчас список душ, за которые Паулю предстояло вот-вот отвечать перед судом предков удлинить не хотелось.

– Да, я – беглый, – Пауль кивнул, пристально глядя девушке в глаза, – я бежал с Арены двадцать три дня назад. Тебе не понять, красивая, но я лучше умру свободным, чем пойду к магу и останусь живым рабом.

Губы девушки дрогнули.

– Мне не понять тебя? – она невесело рассмеялась и потянула вниз скрывающую её горло синюю полосу покрывала.

На обнаженной шее Пауль увидел черный ошейник из рун, которыми клеймили женщин.

Изящное клеймо, дорогое. Смотрится как этакое украшение на белой коже. Говорят, что если хозяин пожелает – это клеймо станет и вовсе бесцветным, не теряя при этом магии.

Мужские клейма дешевые, их может поставить даже тот, кто ничего кроме пары заклятий не освоил, они стоят совсем мало магии, но редкому рабу-мужчине берегут тело и клеймят такой дорогой штуковиной как рунный ошейник. Только тем, кого берегут для гаремов содомитов.

Клеймо Пауля было проще, его удалось сжечь с верхним слоем кожи.

Вот эту дрянь выжечь бы не удалось. Для этого пришлось бы просто сжечь всю шею, все жилы... Проще было оторвать девчонке голову, чтобы не мучилась.

– Ну, значит, поймешь, красивая, – Пауль усмехнулся, – поцелуешь на прощанье? Хочешь, попробую убить твоего хозяина? Если успею, конечно.

– Меня зовут Мун, – бесцветно ответила девушка, – и я умру вместе с хозяином, таково условие заклятия. Иначе бы я его уже отравила.

Отравила бы. Какой очаровательно опасный пустынный цветок. Интересно, все женщины пустыни такие? Или только

эта?

Мун. Красивое имя. Пусть короткое, простое, как сказал бы Рик – не изысканное, но все равно красивое. С какого же языка оно переводилось как “луна”? Еще бы помнить. Это знание осталось в детстве, в прохладной тени библиотеки отцовского особняка в Эффинах.

Даже в пустынях была луна, и после побега Пауль двадцать четыре ночи любовался ею в темном холодном небе. Как же хороша она была, если смотреть на неё не сквозь решетку.

– Значит, остается тебе меня поцеловать, Мун, – Пауль развел руками, – в чертоге предков, я буду вспоминать, что умер ради тебя.

Он на самом деле больше пытался посмеяться перед смертью, чем настаивал. Не ради поцелуев он её выручал. Это был долг сильного – не давать в обиду слабым. Что поделать, кто-то должен был платить за справедливость своей жизнью.

Значит, скоро Пауль увидит и Рика, и Мег...

– Знаешь, у меня есть идея получше, – девушка стиснула запястье Пауля, и потянула его за собой, – идем. Я знаю того, кто может тебе помочь.

Пауль не то чтобы поверил Мун с первого же слова, но что-то было в её словах, за что хотелось уцепиться.

– И это не магик? – спросил, шагая вслед за девушкой.

– Магик, – Мун пожала плечами, – но он тоже раб моего хозяина, так что тебя не выдаст.

– Раб-магик? Так бывает?

Честно говоря, в свободных Эффинах рабства не было вообще. Но за семь лет жизни в пределах объединенного Магриба Пауль тут магиков в рабах не видел. Да, некоторые из них были не очень богаты, но и не нищенствовали. А чтобы еще и в рабах. Ну странно слышать, правда.

– Анук был рожден рабом, – спокойно пожала плечами девушка, – в таких случаях магия не является поводом для освобождения. Его жизнь и магия принадлежат господину али Хмару. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Нормально, – хладнокровно солгал Пауль.

На самом деле он чувствовал себя не очень. Но разумеется, признаваться девчонке в собственной слабости Пауль не собирался. И понимал, что это по-мальчишески, по-детски, но... Хотелось, если что, запомниться ей не слабаком.

В конце концов, хоть одна красивая женщина запомнит Пауля сильным и свободным.

А вообще Пауль уже привычно отмечал свойственные отравлениям сильными ядами головокружение, потихоньку немели кончики пальцев.

Все-таки “вторая категория ядов”, как любил умничать Думиса из алхимического подвала Арены. Мечник из него был никакой, зато в ядах он толк знал и стрелял хорошо. Противоядие от той дряни, которой он успел травануть Пауля во время их поединка, подбирали три дня, хорошо, что Пауль дотянул.

Иногда быть любимым гладиатором халифа – полезно. Обеспокоенный халиф тогда прислал магика для исцеления. А Пауль...

Пауль использовал этого магика в своих целях...

Итак, в его кровь проникал яд второй категории – значит, было у Пауля чуть больше часа, в лучшем случае. Немного. Но после некоторых ядов можно умереть за считанные минуты. Так что можно сказать, что ему повезло.

– А как зовут тебя, мой герой? – с теплом в голосе поинтересовалась Мун. Вот на этот вопрос ответить можно было.

– Пауль. Пауль Ландерс.

Как же непривычно звучит родное имя.

Он больше не Ариш Тель Лан – Белая Смерть на языке Магриба. Уже не отдается кровавым эхом в душе чужое, такое ненавистное имя.

И будь проклята Сальвадор за каждый из тех двух с половиной тысяч дней, что Пауль провел в рабстве.

– Не наше имя, северное, – задумчиво произнесла Мун.

– Я родился в Эффинах.

Было удивительно, когда девушка кивнула, будто зная, о чем речь. А меж тем даже до Хариба эффинские корабли доходили нечасто. Нужно была преодолеть одно море и спуститься вниз по руслу полноводного Дульха. Некоторые рабы Арены были уверены, что Пауль лжет, мол, Махасар бесконечен, неужели есть города где-то еще? Неужели есть моря? И в них что, воды больше, чем в Дульхе? Да нет, так же

не бывает.

Мун шла чуть впереди, покачивая бедрами в черных шароварах. И бисерные нити, нашитые по краю её покрывала, подрагивали и метались из стороны в сторону, привлекая внимание к очень манящей области тела рабыни.

Пауль же как замороженный смотрел выше. На талию девушки. Туда, где то и дело во время ходьбы выбивался из-под синего покрывала кончик черной косы.

Длинные у неё волосы, раз даже в заплетенном виде до талии достают...

Поймал себя Пауль на этой мысли и отвесил себе подзатыльник, потому что нечего пялиться на чужих рабынь. Тем более, что она скорей всего наложница. К чему смотреть на заведомо чужую женщину?

– Ты была в Эффинах? – чтобы отвлечься, спросил Пауль.

Ну, вдруг? Кто его знает, кто хозяин этой красотки, и как давно. В Харибе торговали даже опытными наложницами, кто его знает, сколько хозяев сменила эта пустынная лилия.

А думать об этом оказалось не очень приятно...

– Я слышала, в Эффинах запрещено рабство, – Мун качнула головой, – знаешь, многим рабам Махасара и его оазисов про Эффины рассказывают как про сказочный город. Все мы грезим о нем, белом городе свободных людей. Мечтаем однажды в него сбежать, если боги вдруг сведут клеймо.

– Только богам на нас плевать, – скривил губы Пауль. Уж он-то за семь лет это прочувствовал.

– Ну не всем, – возразила Мун, – некоторые пытаются нас защищать. Великие духи ,например.

Паулю много было чего рассказать этой глупышке про эту “защиту”. Про загадочные законы, распространяющиеся на одних и забывающие про других – ох, да, Пауль мог рассказать. Вот только не посреди пустыни топтаться по светлым именам некоторых великих духов.

– Знаешь, даже тому, кто заклеил меня рабским клеймом, я доверюсь больше, чем защите и справедливости той же Сальвадор, – скупно выдавил Пауль, и его вдруг резко повело в сторону.

– Держись за меня, Пауль, – Мун нырнула под его руку.

Ох, позор-то какой, идти и опираться на хрупкую девушку. Которая внезапно оказалась достаточно сильной, чтобы вести Пауля, у которого подкашивались ноги.

– Чуть-чуть осталось, потерпи, герой, – шептала Мун на ухо Паулю и вела-вела его вперед по узкой улочке.

Туда, к широким воротам, по обе стороны от которых стояло два черных, как эбеновое дерево, стража.

Паршиво.

Дом большой, хозяин у Мун наверняка знатный. Может быть, даже маг...

И сейчас Паулю подумалось, уж не завела ли его эта змея в ловушку. Типа, чего этот раб свободный бегаёт, когда мне плохо?

– Анук, помоги, – рявкнула Мун, совершенно не безобид-

ным голосом хрупкой девушки, и один из двоих, таких похожих на эбеновые изваяния, стражей, шелохнулся, пришел в движение и шагнул вперед. И Пауль, подумав с секунду, на него упал. Потому что ноги дальше идти отказывались.

Было холодно...

Впервые за семь лет жизни в городах Махасара Пауля была ледяная дрожь. Аж зубы стучали.

– Мансул вернулся? – напряженно шепнула Мун, и Пауль услышал этот шепот, только потому что и он, и безмолвный Анук, и Мун, едва не сталкивались головой.

Анук лишь качнул головой влево-вправо. Немой он, что ли?

– Он отравлен, – тонкий голос Мун уже начал отдаваться в голове Пауля раскатистым эхом, будто у Пауля и не голова была, а огромная пещера, – сможешь вылечить?

А дальше...

А дальше Пауля окончательно накрыл ледяной туман.

Мун, даже не увидев, а плечом ощутив, что Пауль окончательно потерял сознание, тихо выдохнула, вытерла пот со лба и прошептала: “Ну, наконец-то”...

3. Глава, в которой герой вне игры

– Тащи его к себе, – для вида приказала Мун, потому что второй стражник у дверей дома Мансула был человеком. Для него она и соблюдала все эти ненужные формальности.

Анук потащил.

Каул не возразил ни словом.

Во-первых, северянина притащила Мун, она знает правила, ей и отвечать потом перед Мансулом за этого странного незваного гостя.

Во-вторых, Каул попросту не решался возражать именно Мун. У него будто язык отсыхал при виде её. И что с этим делать – ей было непонятно.

Управлять вторым телом было удобнее без слов. Не нужно было отвлекаться на голосовые команды вроде “Анук подойди”, “Анук возьми”, “Анук, жги этого идиота”.

Это было просто, как вдохнуть и ощутить свои вторые руки.

Анук перехватил Пауля на плечи и потащил в сторону низкого барака, в котором жили рабы второго ранга. На самом деле там было довольно неплохо, если сравнивать с рабами из самого низа иерархии.

По крайней мере у Анука была своя личная каморка, пусть и тесная. Мансул не экономил на том, чтобы его стража хорошо отдыхала. Ну, градоначальник он или нет?

И хорошо, что градоначальник, хорошо, что у Анука была своя отдельная комнатка. Самым важным сейчас было поскорее спрятаться от человеческих глаз. Потому что, пока она была на виду – магию ей использовать было нельзя.

В комнате Анука все было просто. Два тюфяка на полу, чтобы было не так жестко спать – знак особого расположения за силу и магический дар, который Анук использовал для охраны дома господина. Обычные рабы довольствовались одним тюфяком.

У Мун комната была поизысканней, но и цена у этой роскоши тоже имелась. Мансул берег и холил её тело для определенной цели. Если Мун не оправдает его надежд – её продадут на невольничьем рынке, ну или Мансул сделает её своей наложницей. Та еще мерзость, тоже.

И нет, Мансул не был отвратителен внешне, даже наоборот, в Турфане он считался завидным красавцем – худощавый, темноокий, с изящной бородкой вокруг рта. Украшенная синим сапфиром чалма градоначальника тоже добавляла ему “красоты” в глазах горожанок.

А Мун же прекрасно знала, какой Мансул убудок по характеру и как погано он обращался с первой женой. Лея не заслуживала такого. Она славная девушка. Поэтому даже от мысли быть его наложницей подташнивало.

Вот только, кто ж виноват, что в городах Махасара действовали такие законы, что замуж отдавали без особого согласия женщины? Ну и что, что мужчину и убудком-то на-

звать было стыдно. Главное же, что этот ублюдок водился с деньгами.

Так.

К шайтану Мансула.

Тут северянина надо было вытаскивать, его дух скоро должен был начать отслаиваться от тела, и это будет сложно исправить.

Анук опустил Пауля на собственный тюфяк и замер, глядя на Мун черными блестящими глазами. Её глазами.

Нужно было его отправить к воротам, когда Мансул вернется – он будет недоволен тем, что стражник покинул пост.

Вот только Мун было нужно это тело, то, в которое она вложила большую часть могущества Королевы Скорпионов. Ну, куда-то же его нужно было девать.

Она торопливо сняла покрывало. Ей сейчас ужасно мешала вся эта ткань.

Они с Ануком встали спина к спине, затылок к затылку, переплелись пальцами, сливаясь в единую сущность. Не внешне – только магией...

Собой быть ей было восхитительно.

Она слышала все, что слышали её скорпионы, её змеи, её тушканчики и пустынные лисы. Но только пока была рядом с Ануком.

Чтобы вернуть себе все это – нужно было снять сдерживающие печати с сущности, стать цельной и проиграть в этом проклятом споре.

Пока Тариас полз к хозяйке, Мун смотрела на северянина. Пауль Ландерс...

Махина. На самом деле он не очень высокий – если сравнивать с Ануком, но в конце концов, не всем быть такими огромными, как он.

Все равно северянин был рослый. Если сравнивать с хрупким тельцем, которое досталось самой Мун.

Волосы у северянина были светлые, сухие, выгоревшие почти по всей длине, но темные на корнях. Так бывало у людей, что родились не в Махасаре, но провели под местным солнцем не один день.

Волосы были так туго связаны в узел на голове Пауля, что очевидно – в первую очередь ему нужно было, чтобы они не мешали. Но почему-то он их не стриг...

Итак, у ног Мун лежал рослый, широкоплечий и по меркам смертных весьма привлекательный воин. На такого наверняка заглядывались глупые девчонки, убежденные, что сильный – значит, добрый.

Дуры...

Руки у северянина были в крови по плечи, Мун это чуяла чутьем духа. Но не женщин, нет. Ей спрашивать было не за что. Будто бы даже наоборот.

Почему этот смертный казался ей таким знакомым? Еще тогда, в том тупичке, стоило только его увидеть – и будто зазвенела невидимая нить, о чем-то напоминая. Она уже встречала этого человека. Когда-то.

И Мун смотрела на него и пыталась вспомнить, но не вспоминалось. Скорей всего, это одна из прошлых жизней давала о себе знать, что-то, что ей очень хотелось забыть, и потому она память о встрече с этим северянином просто запечатала.

Что это значило?

Да ничего хорошего для него. Последние три жизни у неё были краткие и неприятные. Даже не жизни вовсе. Что это такое – год-два в человеческом теле.

Обидно только, что сейчас ей нечего было ему предьявить.

В этой жизни он ей помог. Его прошлые грехи она не помнила. Значит... Значит, теперь она должна была помочь ему. Такие законы были у духов. Не хватало ей еще одного проклятия. С прошлым еще не разделалась.

Яд в крови Пауля Мун чувствовала хорошо. Значит, яд был не искусственный, не намешанный из трав. Яд был её, яд её скорпионов, её змей. Хорошо, меньше возни.

Анук подал Алимму – любимая скорпиониха Королевы явилась на зов быстрее аспида. Её место – в волосах Мун, над самым лбом.

В углу комнаты Анука была нора. Её продолбили специально для Тариаса, и когда наконец аспид по-царственному неторопливо выползает из отверстия в стене – это тот самый момент, когда позже уже нельзя.

Мун и Анук наклонились одновременно, сейчас было во-

обще не до того, чтобы второе тело двигалось как-то отлично от первого, и Тариас скользнул по их подставленным рукам, витками поднялся к плечам, а потом обнял шею Мун двумя витками тела, опустил голову чуть ниже шеи, в ямку между ключицами

Все было готово.

Если бы Мун сейчас увидел Мансул – с аспидом на шее, с Алимой на голове, и с сияющей каплей-чартой над переносицей, он бы, наверное, все сразу понял. И с кем связался, и какая судьба его ждет. Вот только он не мог её такой увидеть, у Сальвадор были слишком жесткие условия сделки.

В том числе и то, что она может прибегать к магии, только через сосуд и так, чтобы ни один из смертных не смог догадаться об истинной её сущности, а это очень ограничивало.

Мун поднесла к морде Тариаса ладонь, и аспид тут же впился в неё зубами.

Его яд был ключом, открывавшим ей доступ к магии на некоторое время.

Мир стал ярче. Кожа северянина – прозрачнее, и Мун увидела яд, проникающий в его кровь.

Глубоко пробрался...

Ох, уж эти хрупкие смертные. Так немного им надо, чтобы умереть.

Любой магик за отравленного в таком состоянии бы не взялся. Ну, или бы денег слупил много.

Она не была магиком.

Она была Сальвадор.

Одна ладонь Королевы Ядов легла на сердце северянина – чтобы не вздумало остановиться.

Вторая, укушенная – на его рану, чтобы заставить яд вернуться тем же путем, что он и проник в его тело.

По жилам побежало тепло. С магией хорошо. Очень хорошо. И какая же она была дура, что согласилась её запечатать. Но ничего не поделаешь – придется доигрывать игру без неё.

Яд – её кровь, яд – её собственность, и никто в пустынях не умирал от яда без её разрешения.

Сегодня странный день, сегодня она выдавала помилование.

Сегодня яд убитой тем ушлепком пустынной кобры вновь вернется в кровь своей королевы.

Капля за каплей яд покинул тело Пауля Ландерса, влился в кровь Мун, той, что в ипостаси духа звали Королевой Скорпионов.

Пауль начал дышать и сердце его забилось ровнее.

Мун выдохнула.

Смертный остался жив.

Она успела, она вывернулась – а это было непросто, с учетом условий её пари. Проклятия не будет, смертный выживет.

– Са-а-ал-ли, – зазвенел в эфире голос Эльяса. Он почуял, что она воспользовалась силой из-под печати. Судя по всему – он был уже близко. Сейчас явится разбираться.

И вот только этого ей сейчас и не хватало.

Эльяс материализовался у самой двери каморки Анука, скрестив руки на груди. Каморка и без этого была тесна, а с появлением нового гостя стала тесна просто невыносимо.

Мун никак не могла привыкнуть к этому телу Эльяса. Смазливый, худющий парень, будто состоящий из одних только костей, держащихся вместе только силами магии да длинного языка их хозяина. В бесформенном широком халате чародея и пурпурном тюрбане на лысом затылке.

Он был совершенно не похож на Эльяса эль Мора в его истинной ипостаси, с развевающимися на ветру длиннющими черными волосами, в облаке черных крыльев за спиной.

Одно только осталось глаза Эльяса остались неизменны, ярко-лиловые, блестящие, и сейчас они глядели на Мун настолько насмешливо, что уже за это хотелось материализовать короткий кривой кинжал души и вогнать его ехидному Королю Воронов ровно под горло, между ключицами. Туда, где располагалось магическое ядро этого божка.

Самомнение у него зашкаливало. А давно ли Эль божок? Семь лет назад он был всего лишь демоном, заключавшим сделки со смертными, раздававшим запретные дары за кровавые жертвы. Человеческие причем. Когда этот ублюдок успел вознестись вообще? И что конкретно он натворил, чтобы все-таки преодолеть этот рубеж?

Мун пришлось себе напомнить, что вообще-то она Элья-

су была должна. Что если она не доиграет это пари на его условиях – он не снимет с неё проклятие.

Она-то дух, а Эльяс – все-таки божок.

И это он считался хозяином пустыни Махасар. Он и никто другой. А она была всего лишь одной из сотен духов, блуждающих в его песках.

Да – у неё было свое капище.

Да, туда ходили и ходят просить справедливости.

Но богиней это её не сделало.

Даже наоборот – то, что она так активно вмешивалась в жизнь смертных, её отодвигало от перспективы вознесения все дальше и дальше.

И хорошо, что отодвигало. Быть безразличной она бы не смогла.

– Са-а-ал-ли, – снова протянул Эльяс ласково, склоняя голову набок.

И мало того, что он переврал её истинное имя, так еще и орал его во весь голос здесь, посреди человеческого сарая. Шии-Ра, как же он притомил её за эти несколько месяцев. А год еще и не думал обрываться...

– Прикрой клюв и не ори, будь любезен, – Мун подставила ладонь, чтобы Алима слезла на неё, – тебя могут услышать.

Алима выбралась из волос королевы весьма неохотно. Мун очень хотелось шепнуть любимице, что и она скучает, но под пристальным взглядом Короля Воронов ей это делать не хотелось. Все равно что подставить ему уязвимое место.

– Да брось, он в отключке, – Эльяс глянул на Пауля сверху вниз, а потом задумчиво склонил голову набок, – помочь?

– Пошел ты со своей помощью, – устало выдохнула Мун. Цена помощи Эльяса ей была известна. Нужно было признать свое поражение. огласиться на его условия. И ему с его условиями надлежало пойти пустынному шайтану в пасть и выйти с другой стороны.

– Всегда поражался, как при твоей сущности у тебя настолько грязный язык, Салли, – рассмеялся Эльяс, а затем присел, разглядывая Пауля. – Ты плохо обо мне думаешь. Один раз я бы тебе и просто так помог.

В воздухе запахло чарами временной дремы. Ну, надо же, Эльяс позаботился о том, чтобы северянин не проснулся раньше срока.

Значит, рассчитывает поболтать.

Проклятье.

– Не приходило в голову, что я просто не хочу быть вежливой с тобой? – едко поинтересовалась Мун. – Зря ты явилась, Эль, я не нарушила тайну и пользовалась силой не для себя.

– Я знаю, – отмахнулся Эльяс. – Не приходило в голову, что я просто соскучился?

Да, точно. Они же считались друзьями.

Королева Ядов и Король Голода. Оба тесно обручены со смертью, и пустыня убивала своих гостей в основном руками Сальвадор и Эльяса эль Мора.

Какой-то кретин придумал чушь, что из них двоих выйдут отличные друзья. И распространил эту идею среди смертных. Некоторые даже считали их любовниками. Кто-то – совсем одаренный придумал между ними помолвку.

И не было более глупой идеи, порожденной смертными за всю их тысячелетнюю историю. Это за последние несколько месяцев частого соприкосновения с этим типом осознала Сальвадор.

Эльяс эль Мор не мог быть её другом.

Насколько могут быть друзьями ворон и скоропион? Орел и змея?

Эльяс игрался в великого бога, а ей приходилось своими руками разбираться с несправедливостью, на которую подобные ему не обращали внимания. И получать за это “в награду” такие дивные вещи как сущностные проклятия, подобное последнему.

Мир померк. Магия вновь заснула. Как же мешало ей сейчас это неуклюжее человеческое тело.

– Ты явился посмотреть на северянина? – поинтересовалась Мун, когда молчание затянулось.

– Ты жульничала, – Эльяс выпрямился, сунул руки в карманы узорчатого шелкового халата и уставился на девушку, – зачем ты хотела убиться об тех людишек?

– А при чем тут я? – Мун округлила глаза. – Кто виноват, что это отродье настолько предсказуемое?

Эльяс выгнул бровь.

Очень красноречиво.

Хотелось только взвыть от того, насколько хорошо он её знал.

Потому что да, она нарвалась нарочно сегодня.

Потому что именно сегодня утром Мансул все-таки озвучил Мун её судьбу.

Она должна была стать подарком.

Для халифа.

И это было мерзко. Настолько, что от этой судьбы хотелось избавиться, положить конец этому глупому спору.

– Ты жульничал тоже, Эль, – вспыхнула Мун. – Зачем ты привел северянина?

– А при чем тут я? – Эль улыбался настолько паскудно, что снова захотелось его ударить. – Кто ж виноват, что этот мужчина услышал крики попавшей в беду девушки и решил прийти на выручку?

И глядеть в ясные насмешливые глаза Эльяса было тошно.

Разумеется, явление Пауля подстроил он.

Сама Мун не кричала. Смысла не было. Ей нужно было, чтобы телу смертной свернули шею. Тогда она и смогла бы стать самой собой, вновь взять в свои руки весы пустынной справедливости и покарать бандитов.

А сейчас – придется побыть в этом теле еще некоторое время.

– Это ничего не меняет, – девушка качнула головой, – ты прекрасно знаешь, что одно только разовое обострение бла-

городства ничего не доказывает.

– Ты идешь по легкому пути, искушая смертных так безыскусно, Салли, – Эльяс рассмеялся, – да, ты права, ублюдки есть. Но ты же помнишь, почему мы поспорили?

– Потому что ты любишь нести чушь? – Мун произнесла это со всей возможной неприязнью.

– Ну, как сказать, чушь, – Эльяс фыркнул, – вот посмотри, ты, Великая Сальвадор, защитница одних только женщин, та самая, что почитает за врага абсолютно всякого встречающегося на твоём пути мужчины. И ты возишься с жизнью какого-то смертного? Ничего себе. Что с тобой, Салли, не заболела?

– Есть законы, – огрызнулась Мун, – он меня спас. Поставил жизнь под удар. И ничего не потребовал взамен. Я не могу в нашей с тобой игре убивать тех смертных, которые передо мной грехов не имеют. Я вообще никого не могу убивать, пока ты не снимешь с меня печати клятв.

– Да-да, – ехидно откликнулся Эльяс. – Я помню. И ты совершенно точно не испытывала ни расположения к этому человеку, ни благодарности? Поставила под удар пари ради мужчины? Не натирает тебе твое проклятие, как я погляжу.

– Я же говорю, что ты любишь нести чушь, – Мун вздохнула, взяла из рук Анука покрывало, снова набросила его на волосы и плечи, – Эль, сгинь. Не трать мое время.

Эльяс постоял еще секунду, а затем кивнул на прощание и исчез. Ровно затем, чтобы спустя секунду Мун почувство-

вала его за своей спиной.

Не его человека, а его настоящего. Высокого, источающего могущество, нежно касающегося её щек и плеч самыми кончиками шести огромных черных крыльев.

– Ты же понимаешь, все будет как предрешено, – шепнул Эльяс, и от этого его шепота по плечам побежали мурашки. – Нити судьбы не перепрясть. Тебе придется смириться. Ты будешь моей королевой, Сальвадор.

Трего, черный кривой кинжал души лег в пальцы, как будто всегда тут был. Нет, нельзя сейчас на Эля бросаться, но он уже основательно притомил.

– Убирайся, Эльяс эль Мор, – выдохнула Мун устало, – не искушай. Я – только своя. И ничья больше.

– Ты просто еще не усвоила этот урок, – рассмеялся Эль и исчез. Уже окончательно.

И в ту же секунду Анук схватился за предплечье, где красовалось его рабское клеймо. Боль второго тела Мун ощущала как свою. Будто кто-то плеснул расплавленного масла на кожу.

Мансул вернулся.

Не в духе.

А Мун еще не успела вывести северянина.

Проклятье!

Вот наверняка это подстроил шайтанов Эль.

4. Глава, в которой герой приходит в себя

– Иди, – велела Мун Ануку. Вслух, потому что ощутила, как зашевелился Пауль, как бодро задышал. Ушел Эль, ушли и его дремотные чары. Пауль почти проснулся.

Анук ушел, Мун отпустила поводок своего контроля, полагаясь на магию. Перед этой реинкарнацией, создавая Анук, она потратила очень много сил, чтобы он выглядел нелюдимым, немым, но все-таки живым человеком. Чтобы ей не приходилось контролировать его круглые сутки напролет.

Анук ушел, Алима уползла, и даже Тариас скрылся в норе, возвращаясь в подвал дома, у него там не доедена какая-то мышь.

Они – её реликты, ключи её силы. И без них она чувствовала себя ничтожной и слабой.

Ох, как же плохо ей было быть человеком. Человеком, без права в любой свободный момент покинуть смертное тело. Но у неё спор висел не закрытый – она должна прожить в теле смертной без применения магии для себя один год либо до физической смерти.

И судя по бдительности Эля – просто так умереть он ей не даст.

А ведь утром она проснулась с четким намереньем найти каких-нибудь самых лютых местных ублюдков, которые точ-

но перережут глотку девушке, которую ограбили.

Пауль, Пауль, ну вот зачем тебя принесло в Турфан, такого благородного?

И чем же ты в прошлом провинился перед Сальвадор, что она тебя предпочла забыть?

Кстати, почему ты жив в таком случае?

Одни вопросы, шайтан тебя раздери.

По широкому лбу северянина совсем ничего не прочитать. Она могла бы зачерпнуть силы из-под печати, могла бы прочитывать его память, но пари...

Анук подошел к воротам – и Мун, посматривающая его глазами, увидела там Мансула.

Она вообще редко испытывала теплые чувства к мужчинам, искренне считая, что “сильные этого мира” прекрасны лишь в возрасте лет до двенадцати, да и вообще по своему долгу предсмертной клятвы куда чаще сталкивалась с мужскими предательствами.

Но Мансул был каким-то самым неприятным представителем мужского племени из всех, попадавшихся ей в трех последних реинкарнациях. Даже обидно было, что прямо сейчас его покарать нельзя.

Нет, в том, что Мансул был градоначальником, взяточником и казнокрадом, ничего удивительного не заключалось, это было очень по-человечески, но все-таки должны же были быть хоть какие-то границы?

Оказавшись в его рабынях, Мун прониклась сочувствием

абсолютно к каждому рабу Мансула. А самой себе она вообще не очень завидовала, потому что тела у неё было два, и доставалось ей за двоих.

Вот и сейчас.

Мансул любил наказывать самостоятельно. Он носил плеть за поясом, любил сечь рабов до крови, до потери сознания, вырывать из их глотки вопль за воплем.

На коленях, уткнувшись лбом в песок, стоял Анук, и на его голую спину падал хлыст, но эта боль принадлежала Мун. Вся. До последнего глотка.

Что называется, наслаждайся, дорогая Сальвадор, припомни “чудные деньки” своей самой первой смертной жизни. Помнишь, как тебя порол твой драгоценный батюшка, пытаешься унять “шайтанову девку”?

И это все тоже было частью наказания, назначенного ей Эльясом. Да-да, наказания. Каждое условие их пари было её наказанием. Элю было плевать на дела смертных. Но духов он держал под пятой. И только Сальвадор ему не покорялась. За это и платила сейчас.

Северянин шевельнулся, и Мун пришлось сосредоточиться на нем, а не на пылающей спине Анука и собственном разуме, затопленном болью.

Пауль смотрел на неё пронзительно-синими глазами.

Таким синим цветом цвел раз в год священный лотос в оазисе Ахиллам, обители пустынных богов.

Сальвадор бывала там лишь изредка, мельком, не особен-

но там задерживаясь, чтобы полюбоваться красотами божественных садов. Там жили полукровные боги, и они не особенно привечали в своем саду Судью, что уродилась человеком.

Итак, глаза у северянина были синие.

И Пауль смотрел на девушку этими своими синими льдинками ужасно пристально. Она не любила такого настойчивого мужского внимания. Хотелось, чтобы он поскорее прекратил это делать. Это невысказанно раздражало.

– Куда ты меня притащила, красивая? – голос у Пауля прозвучал очень слабо, от отравления он еще не оправился. Нужно, чтобы он отсиделся тут, но... Но как это сделать, если у мужчин вечно зудит броситься вперед и в бой?

Запечатать бы дверь чарами, но нельзя ведь было прибегать к магии для себя, не для спасения хрупкой жизни смертного, встрявшего в их с Эльясом пари.

Придется уговаривать.

– Меня зовут Мун, помнишь? – мягко спросила девушка, касаясь ладонью влажного мужского лба. – Я говорила тебе имя, ты говорил мне свое, так почему ты упорно это забываешь?

– Может, я не хочу, чтобы ты забывала, что хороша, как самый волшебный мираж?

Самое занятное, что ведь сначала все было хорошо. Она его не заинтересовала. А потом началось вот это. “Красивая”, “поцелуй”, “не хочу, чтобы забывала”.

Мужчины...

– Ну-ну, осади, герой, – девушка рассмеялась как можно непринужденней, – я так забуду, что рабыня, подумаю, что ты меня замуж взять хочешь.

Вот так. Пауль, ошеломленный этими её словами, замолчал, потихоньку разбираясь со своим дыханием.

Ну и хорошо, что сработало.

Мун глянула глазами Анука – Мансул уже оставил негодного стража и шагал в сторону дома. Шею начало покалывать – хозяин приказывал Мун срочно явиться к нему.

Спина Анука была исполосована до крови, ему надо было достоять караул, больше его подставлять под удар и выводить Пауля его руками было нельзя. Еще одна порка – и Анок может попросту истечь кровью. Умрет его тело, придется отдавать свою магию на хранение Эльясу, а это был совершенно не заманчивый вариант.

– Пауль, мне нужно идти к хозяину сейчас, – тихо шепнула Мун северянину, – я даю тебе слово, как только хозяин ляжет спать – я выведу тебя отсюда. А до той поры ты можешь побыть тут? Никуда не выходи и желательно вообще сядь в угол за дверь и не двигайся с места, чтобы тебя не услышал никто.

Северянин посмотрел на неё пристально, а потом кивнул. Просто кивнул, без лишних слов.

Понял? Да неужели?

Рунный ошейник на горле начал жечь совсем нестерпимо.

Кажется, пришла пора и самой Мун получить от хозяина заслуженное.

Мансул, возвратившийся из управы, был зол как кобра, у которой мангуст сожрал все яйца.

Именно поэтому Мун успела только войти в трапезную, в которой ужинал хозяин.

А потом горло стиснула удавка заклятья.

Мансул никогда не наказывал её плетьюми, только магией – он не хотел портить тело, предназначенное в подарок халифу.

Человеческое тело рухнуло на колени, и ноги подкосились, и сама Мун знала – если хозяин уверен в её виновности, лучше демонстрировать покорность.

– Тебя видели на рыночной площади, – в обычном общении с рабами Мансул не опускался до оскорблений. Он просто втапывал в песок каждым звуком сказанных им с искренней яростью слов. Вот если Мансул начинать поминать шайтанов – значит до плети осталось совсем недолго.

Мун промолчала.

Ну, как промолчала, просто ловила ртом воздух, в то время как магическая удавка этот воздух из её горла выживала.

И в уме прикидывала время.

Еще секунд десять – и она умрет.

И будет свободна.

От Мансула, от этого пари-наказания и от противного

обязательства сдерживать свою жажду справедливости в руках.

Пять. Четыре. Три...

Мансул щелкнул пальцами, распуская магическую петлю на горле рабыни. А тело – это жалкое человеческое тело, тут же со свистом вдохнуло воздух полной грудью.

Какое разочарование...

От этой петли даже синяков не останется. Такая вот особенность у магических наказаний.

– Ну, – скучающе поинтересовался Мансул, – будешь врать мне, что не выходила из дома, шайтанова дочь?

Да, да, скучающе. Ему не особенно интересно, почему она вышла на улицу, но послушать униженные оправдания ему приятно.

– Простите, господин, – сипло выдохнула Мун, держась за горло, – я забылась и вышла. Пришла в себя – вернулась в ваш дом.

Растирать было нечего, душила ведь её только магия, но пальцы так и тянулись к шее. К тем местам, которых когда-то касалась удавка.

Будь ты проклят, Эль, мог дать тело мужчины, им было попроще даже в рабах. Порка была не настолько отвратительна, как магическая петля, вызывающая слишком плохие ассоциации.

– Я взял тебя с улицы, помнишь, шайтанова дочь, – презрительно скривил губы Мансул, – ты болталась по улицам,

не помня ни своего имени, ни своего отца. И никто в Турфане не признал тебя своей женой или дочерью. Я взял тебя в свой дом, я дал тебе имя, я кормлю тебя, хотя ты почти бесполезна. А ты позоришь меня своей непокорностью?

– Простите, господин, – она говорила это, даже не задумываясь, все эти оправдания были припасены заранее, – это было какое-то наваждение. Видимо, духи, похитившие мою память, все еще одерживают меня.

– Я продам тебя в дом утех, если не прекратишь сходить с ума, поняла? – раздраженно бросил хозяин, а затем потрянул головой. – Возьми лютню. Я должен ужинать в тишине, по-твоему?

– Сию секунду, господин, – торопливо откликнулась Мун, поднимаясь на ноги.

На самом деле отчасти именно к ней Мансул и относился милосерднее прочих его рабов. Она – была его ставкой, он надеялся задобрить халифа и остаться градоначальником Турфана еще на десять лет.

Именно поэтому он проявил это “милосердие”. Другого раба за недозволенную отлучку из дома могли засечь до полусмерти, и это при том, что рабское клеймо все равно сожгло бы его, посмей он шагнуть за городскую черту Турфана. А Мун не только позволили дышать, но и даже милосердно разрешили усладить слух хозяина музыкой.

И она услаждает, ведь вопреки бесполезности, музыка – и её личная слабость. Она может понять Мансула, который не

любит ужинать в тишине.

Но, пусть у неё были послабления, как же она хотела, чтобы сегодня Мансул сорвался... Ведь другой возможности обрести свободу до истечения пятилетнего срока у нее нет.

Все равно быть вот такой, слабой, уязвимой, вынужденной терпеть унижения от червяка Мансула и ублажать его – было противно до тошноты. А то, что в будущем – противнее стократ.

Она пойдет в гарем халифа. Наложницей.

Что бы там ни говорили о ней, но не Сальвадор, а Эльяс эль Мор был самой жестокой тварью в пустыне Махасар. И Мун была уверена – он замешан в этом повороте её судьбы. Ведь он-то знал, насколько омерзительно ей быть чьей-то игрушкой.

Он знал, и ему все равно.

Он на все был готов пойти ради победы в этом споре.

И хотелось Мун шепнуть, хотя бы про себя, ту фразу, которую ей сказал синеглазый северянин. И пусть её никто не услышит, кроме неё самой. Хорошо. Никто не узнает, что она согласна с человеком, да еще и с мужчиной.

И все-таки ты был прав, Пауль Ландерс, богам на нас плевать. На всех нас.

5. Глава, в которой герой ужасно бдителен

Пауль провел весь вечер так, будто сидел на раскаленных углях. А если выдала его черноокая лукавая ведьма? Вдруг сболтнул тот Анук, или второй стражник, что стоял на воротах, что Мун приволокла в хозяйский дом подозрительного и очень похоже что беглого гладиатора.

К ночи так стало и вовсе тревожно, за дверью начали ходить возвращающиеся в свои комнатки рабы. Откуда-то запахло едой, и Пауль вспомнил, что так и не дошел до торговца водой. А пить меж тем хотелось...

Каморка, в которой он оказался, была не особенно лучше камер в подземельях Арены. Почти пустая, с составленными в угол несколькими кувшинами и глиняной миской на окне. Как у многих жителей пустыни миска у Анука стояла кверху дном, чтобы не дай никакой пустынный бог, змея в ней не устроилась.

Решетка на окне была совсем простая, два прута, которые было легко вырвать. Но, по всей видимости, хозяин попросту не переживал, что Анук может сбежать. Видимо, та часть магического дара, что позволила бы ему выжечь клеймо, у раба господина али Хмара была попросту перекрыта.

Явился Анук. Темный как ночь, и такой же безмолвный. Взгляд Пауля зацепился за печать на предплечье Анука – та-

кую же, как та, что выжгли ему. Теперь-то есть время разглядеть. Да-да, один в один. Анук же растянулся на своих тюфяках, повернулся к Паулю иссеченной до крови спиной. Знатно его исполосовали...

– Из-за меня досталось, брат? – шепотом спросил Пауль, а Анук молча дернул плечом. Ерунда, мол. Ну, да, Пауль бы тоже не открыл свою боль кому попало. И все-таки он замолчал, потому что представлял, как тяжело уснуть после тесного столкновения с хозяйской плетью. Особенно когда рядом всякие придурки никак не могли заткнуться.

Махасар... Даже имя этой пустыни было самым лютым ругательством, а для Пауля – даже более грязным, чем имя ненавистной ему Сальвадор.

Эта пустыня была просто рассадником замшелых традиций и работорговли.

Поневоле вспомнились слова девчонки.

Духи нас защищают.

От них бы кто защитил.

Уже даже урожденные пустынные, верующие в могущество духов, ставили вокруг своих городов защитные магические купола, уже каждый, даже самый захудалый оазис на Белом Шелковом Пути приглашал к себе и умелого чародея, и охотников на духов – в таком количестве, каком только мог потянуть.

Все боялись духов. Даже те, кто жили рядом с ними, даже те, кто приносили им жертвы и просили их о помощи.

Звяканье Пауль услышал издалека. Ритмичное такое, негромкое, будто кольчуга позвякивала при ходьбе всеми тысячами своих колец.

Наемник?

Ну точно выдала его девчонка, и её хозяин послал за Паулем своего воина...

И Пауль сам не заметил, когда все его существо вдруг оказалось напряженным, как натянутая гулкая струна на арфе.

Скрипнула дверь, приоткрываясь, и быстрое тело скользнуло в комнату Анука.

Пауль больше из инстинктов шатнулся вперед, зажимая гостя у двери, прижимая к его горлу кинжал.

– Ну-ну, полегче, мой герой, – насмешливо шепнула Мун, и над её пальцами зажегся магический светляк, на создание которого были способны даже такие магические неумехи, как сам Пауль.

Звякал, видимо, пояс девчонки, украшенный мелкими монетками. Новый? Тот-то, вроде, так и остался в переулке.

Пауль опомнился лишь три секунды спустя, понял, что слушает, как бьется сердце девчонки и... Выдыхает. Неведомо почему, Мун действовала на него как крепкий успокоительный настой, коими в Эффинах приторговывали некоторые ведьмы.

Пауль шагнул назад, опуская руку с ножом и отчаянно на себя ругаясь. Вот надо же так видеть во всем опасность. Взял и напугал девчонку.

Сказались эти несколько недель после побега, когда держаться приходилось от каждого шороха.

– Ты долго, – проворчал Пауль, возвращая кинжал в ножны на поясе.

– Хозяин не засыпает без моей флейты, – Мун пожала плечами, – я говорила, что приду ночью.

Говорила. Да и Пауль сейчас недоволен был больше собой, чем ею.

Девушка была все в тех же черных шароварах и синем покрывале, обернутом вокруг головы так, чтобы скрыть волосы и шею. Только сейчас сверху была не коротенькая кофточка-чоли, открывающая плечи и живот, а просторная белая рубаха, спрятавшая абсолютно все, на что можно было втихомолку попялиться.

И это было даже немножко обидно, но все понятно – во-первых, кто такой этой девушке Пауль, чтобы она брала и открывала ему свое тело, а во вторых, вечера в пустыне прохладные. Что ей, мерзнуть из-за капризов чужого ей Пауля, которому глаза покормить приспичило?

Да и в рубахе этой Мун не была хуже, отнюдь. Её красота будто стала меньше лезть в глаза, стала какой-то приглушенной, но отнюдь не менее волнующей.

– Идем, герой, – Мун чуть улыбнулась своими яркими губами и шагнула к окну Анука. Перед этим лишь ненадолго склонилась к чернокожему рабу, заботливо провела ладонью по его плечу. Что-то шепнула.

Анук дернулся, кажется, кивая, и простенькая решетка из двух прутьев, крест накрест, что перегородивала окно, стала прозрачной и почти невидимой. И сам проем круглого окна вдруг резко стал шире.

– Пролезешь? – Мун кивнула на окно, снимая с плеча холщовую сумку.

Пауль пролез.

В это окошко пролез бы даже Анук с его разворотом плеч. Нет, если он был способен на такие трюки даже без обучения, магик из него вышел бы способный, если бы не рождение рабом.

Все было не просто, за окном барака оказался лишь только задний двор дома, и где-то неподалеку кто-то переговаривался.

– Эй, герой, лови, – тихонько крикнула Мун с той стороны окна, и в руки Пауля шлепнулась её сумка. Объемная. И пахнущая хлебом. Пауль, не евший со вчерашнего вечера, этот запах ощутил сразу же, как сумка пролетела мимо его лица. И даже удивился, что не унюхал сразу. Хотя... Так ли это удивительно?

Зато он помнил, что от Мун пахло апельсиновым маслом и сандалом...

Девушка выскользнула из окна и сама, продемонстрировав гибкость песчаной змеи.

Выскользнула, соскочила на землю, забрала у Пауля сумку и, качнув головой, повела его между низенькими круглыми

и прямоугольными домишками слуг.

Поместье хозяина Мун окружала высокая каменная стена. Вся обмазанная глиной, чтобы если что – не получилось по ней просто так забраться. И если центральные ворота утром стояли нараспашку, только два стражника по бокам вели караул, то задняя дверь была скромная и небольшая.

Мун вывела Пауля к ней, обернулась и прижала палец к губам.

У калитки спал, звонко похрапывая, крепкий широкоплечий мужик в воинском доспехе.

Рука Пауля легла на рукоять кинжала быстрее, чем он успел сообразить.

– Не вздумай, – шикнула на него Мун, сверкнув глазами, – я на него столько сонного зелья потратила не для того, чтобы его прирезал.

Ох ты. Какая занятная девочка, в зельях разбиралась...

– Ты случайно не ведьма, милая? – с любопытством поинтересовался Пауль.

Нежные губки девушки насмешливо скривились.

– Не угадал, герой, – мурлыкнула она, – какая жалость. Угадал бы, я бы тебя поцеловала. Может быть, даже в губы. Бесовка.

– Идем, – шепнула Мун, взмахивая тонкой рукой и указывая на калитку, – и помалкивай, Саллем, конечно, крепко спит, но петь мне серенады над его ухом все-таки не стоит.

По губам Пауля пробежалась улыбка. Девчонка все-таки была ужасно забавная.

Она дернула за ручку двери, но было заперто. Мун метнулась к стражнику и склонилась к нему, зашарила по карманам шаровар.

И вроде все было понятно, все логично. Было что-то, от чего Паулю захотелось, чтобы девчонка закончила с этим своим обыском побыстрее. Уж больно неприлично смотрелись эти ладошки, щупающие спящего мужика за бедра. И попробуй еще выскажи претензию, она ведь для Пауля это делала.

– Ты скоро? – недовольно буркнул Пауль, и видимо, слишком громко – потому что спящий вдруг вздрогнул, встрепенулся, глядя осоловелыми глазами вперед. На Пауля.

Пальцы снова стиснулись, теперь уже на рукояти меча. Сейчас стражник вскочит, заорет и придется прорываться с боем... Девчонку жалко, с собой не возьмешь – её убьют ошейником, а здесь оставишь – и её убьют за то, что провела в дом чужака...

– Спи, мой сладкий, спи, мой сахарный, спи, чего вскочил? – мягко и певуче шепнула Мун на ухо стражнику и замурлыкала какой-то успокаивающий мотивчик.

Это не должно было сработать.

Но сработало.

Саллем снова осел на спинку скамьи, на которой сидел, моргнул пару раз и опустил голову на изящное плечико Мун.

Это было лишнее...

Мун стояла, закостенев, явно боясь разбудить спящего, но потом цокнула языком, привлекая внимание Пауля и махнула свободной рукой в его сторону. Что-то блеснуло в лунном свете. Пауль поймал это на чистом рефлексе, даже не сообразив, что конкретно ему кинули, и только глянув в ладонь, увидел ключ. Нашла все-таки...

– Открой дверь, – Пауль даже не услышал это, прочитал по губам девчонки. – И уходи.

– А ты?

– Иди, – Мун убийственно округлила глаза и ткнула пальцем в сумку, которую повесила на ручку калитки, – не забудь.

– Выйди хоть на минутку, – настойчивым шепотом взмолился Пауль.

– Зачем?

И правда, зачем ему лишняя минутка с чужой рабыней? Она его вывела, кажется, даже хлеба припасла на дорожку. Что еще надо?

И все-таки, не хотелось уходить не попрощавшись.

– Пожалуйста.

Мун посмотрела на него пристально, улыбнулась самым краешком губ, как-то слегка странно.

– Иди, – снова одними губами велела девушка, – я выйду.

– Обещаешь? – Мун закатила глаза, видно, впечатленная настырности Пауля. Он и сам себе удивлялся. Свобода дур-

манила рассудок, но как же хорошо, что она была – эта свобода. Можно было и на глупости её чуть-чуть растратить.

– Клянусь. Выйду. Иди.

Пауль чуть улыбнулся и шагнул к калитке. Ключ провернулся в замочной скважине совершенно беззвучно. А потом Пауль шагнул в ночной темный Турфан.

Тишина окутала его. Тишина полная, абсолютная, лишенная всяческих шепотков. Горожане явно побаивались духов, которые просыпались вместе с луной.

Там, во дворе поместья таинственного господина али Хмара, горели костры, у которых сидели рабы и слуги. Сидели, переговаривались, ничего не боясь, ведь по периметру стены, защищающей дом, снаружи была прокопана канавка, и по ней текла вода. Где-то работал насос, приводящий эту воду в движение. Дорогая вещь, даже в родных Паулю Эффинах стоившая больших денег – он знал, ведь именно его отец был одним из механиков, создававших такие механизмы. А здесь, в Турфане насос, обеспечивающий вокруг дома защитный контур из подвижной воды и не пропускающий духов, стоил, наверное, как хороший дом.

Пауль же лишь втянул прохладный воздух с удовольствием. Духи почему-то казались ему меньшей опасностью, чем человеческие патрули стражи. И если в Харибе, накрытом магическим куполом, стража ходила и по ночам, распугивая вечерних воришек, то в Турфане так никто не рисковал.

Что воришки – о них побеспокоятся голодные вайги или

хорлы, коих тут наверняка хватает.

Плохо, конечно, было оказаться на улице в такое время без зачарованного оружия. Но если вести себя тихо и быстро найти какой-нибудь пустой заброшенный дом, в котором есть очаг для огня и твердый пол, на котором можно начертить углем защитный круг – то в принципе Пауль сможет там скоротать ночь. Еще бы найти такой дом...

Тихонько скрипнула дверь за его спиной.

Пауль обернулся и прямо ощутил, как споткнулся взглядом о Мун. Или не споткнулся, а просто налетел на неё взглядом, будто огромный тяжелый кит на отмель.

Девушка стояла за его спиной и смотрела на Пауля с ожиданием. Потом подняла руку, в которой держала ту самую сумку с хлебом.

– Ты забыл, – недовольно заметила она.

– Не забыл, а нарочно оставил, красивая, – Пауль усмехнулся, – чтобы ты точно вышла.

– Глупо, – девушка повела плечами, – я могла решить, что раз ты дурак, то и хлеб тебе не очень нужен.

– Но ведь не решила? – Пауль широко ей улыбнулся, любясь игрой эмоций на изящном личике.

Мун насмешливо покачала головой и бросила Паулю в руки сумку. Ну что ж, ужин у него все-таки есть. Может быть, даже и на завтра хватит. Еще бы...

– Там есть вода, – добавила Мун, будто читая мысли Пауля, – я знаю, она лишней не бывает.

– Ты на редкость сообразительное сокровище, милая, – Пауль шагнул к девушке и осторожно сжал её в объятиях. Он так обязательно обнял бы Мег, если бы она так отличилась. Ну, по крайней мере себе Пауль именно такое оправдание придумал для того, чтобы аккуратно стиснуть в своей медвежьей хватке хрупкую чужую рабыню.

Две секунды так продержал её, а потом разжал руки и шагнул прочь. Девушка выглядела будто слегка напуганной и удивленной. Ну, да, в их традициях это чересчур. Это и в Эффинах несколько чересчур, но если что и глаза прикроют, а в городах пустынь таких жестов даже боятся.

– Чего ты хотел? – спросила Мун, нервно впиваясь пальцами в самый кончик расшитого покрывала, лежавший на её груди.

– Хотел поглядеть на тебя на прощанье, – Пауль пожал плечами, – у нас в Эффинах есть поверье, что боги сталкивают людей не просто так. Спасибо, что выручила.

– Вообще-то это ты меня выручил, – чуть улыбнулась Мун, – и это мне надо тебе говорить спасибо, герой. Могу ли я тебе еще чем-то помочь?

– Ну, разве что ты знаешь такое место, где я смогу переночевать, и хорошо бы если бы мне за это платить не пришлось, – Пауль чуть подмигнул девушке, намекая, что шутит.

– Ну, вообще знаю я такое место, – задумчиво откликнулась Мун, все так же с любопытством тараща на Пауля свои

темные, как ночное небо над пустыней, глаза. – Отвести?

6. Глава, в которой герой находит ночлег

Пауль почувствовал себя дураком. Не больше и не меньше. Ну, да, конечно, девочка наверняка уже давно жила в Турфане.

– Далеко? – уточнил на всякий случай. Просто потому что сам-то он если что сбежать от хорлы успеет. А вот напади дух на него в компании девушки – возникнет вопрос, за каким шайтаном он вообще её отбивал от бандитов. Чтобы скормить голодному духу?

– Да нет, недалеко, в конце улицы, – девушка махнула ладонью, и на её тонком запястье звякнули браслеты. Кем бы ни был её хозяин – он не скупился на то, чтобы девушка выглядела красиво.

В который раз Пауль подумал о том, что наверняка Мун – не просто хозяйину рабыня, а наложница, и снова ему это очень не понравилось. Тысяча шайтанов на его безумную голову.

– Пауль, – Мун щелкнула пальцами перед его лицом, – мы идем? Час духов миновал, луна поднимается. Скоро начнут просыпаться вэйги, а мне желательно успеть домой к этому времени.

– Ты очень смелая для рабыни, – задумчиво заметил Пауль, а Мун лишь рассмеялась.

– Я не твоя рабыня, мой герой, вот в этом дело. Чего тебя бояться? Перекупи меня у моего хозяина, и увидишь, какой я бываю шелковой.

Пауль чуть язык не прикусил от этой её реплики. Купить её? Жалко, что нет такой возможности. В положении беглого раба он будет зарабатывать на неё ровно столько времени, сколько Мун понадобится, чтобы умереть от старости.

– Я пошутила, – заметив, как он вздрогнул, Мун поспешила добить Пауля окончательно, и с совсем пасмурной мордашкой вздохнула, – Мансул меня дешево не отдаст. А ты...

– А я сам беглый, и у меня в карманах гуляет ветер, – Пауль горько усмехнулся, – показывай дорогу, красивая, надеюсь, что не к страже меня отведешь.

– А что, большое за тебя вознаграждение? – насмешливым шепотом поинтересовалась Мун.

– Ну, на тебя, может, и хватит, – Пауль мрачно хохотнул, – отличная идея, сдать страже и забрать себе выкуп за свою поимку.

По улице они шли молча, очень осторожно ступая по темному песку. Пустынные духи, даже самые примитивные, по ночам оставляли ловушки, можно было легко попасться в такой капкан. Даже там, где днем ты ходил спокойно, ночью могла оказаться яма зыбучего песка.

– Тот человек, к которому я тебя отведу, он – маг, – осторожно заметила Мун тихим шепотом, – так что...

– Тогда давай сразу не пойдем никуда, – Пауль аж на месте

остановился, – красивая, я же тебе говорил, я к магикам не сунусь. Для меня это риск.

– Он мне должен, – Мун сжала локоть Пауля, – он даст тебе приют на ночь и не выдаст тебя, клянусь. Ему незачем. Он не колдун халифа, он сам по себе.

– Ох, Мун... – Пауль зажмурился, прикидывая имеющиеся варианты. Выбора у него на самом деле было немного, девушка была права – с каждым часом духи просыпались все больше. – Ты точно уверена, что он меня не сдаст?

– Да, – Мун улыбнулась, будто заражая Пауля своим спокойствием.

– Хорошо. Я тебе поверю, красивая, надеюсь, мне не придется перерезать твоему другу глотку, – Пауль коснулся пальцами рукояти кинжала, – магов ведь тоже можно убить, ты же знаешь?

Мун тихо вздохнула. Будто бы даже с легкой тоской.

То ли сегодня пустынные духи решили, что Пауль заслужил, чтобы прикрыть глаза на его “прогулку”, то ли в принципе, в кои-то веки ему улыбнулась удача, но до высокого здания, похожего на пузатый гриб, обмазанный белой глиной, он и Мун дошли без приключений.

И в синюю деревянную дверь Мун застучала, даже не особенно церемонясь о соблюдении тишины.

Нужно сказать, барабанила она довольно долго. Потом дверь приоткрылась, и на улицу высунулась заспанная мордашка девушки. Не очень похожей на чью-то жену, потому,

в основном, что выглянула на улицу она, не накинув на волосы покрывала, видимо, она приходилась магику служанкой. Или сестрой... Она была симпатичной, ей шли распущенные по плечам тяжелые волосы, да и черты лица были весьма приятны, но Пауль сравнил её с Мун, и чаша последней перевесила. К этой новой девице у него не шевельнулось ровным счетом ничего. В ней не чувствовалось ни ума, ни задора.

– Мун? – девушка глянула на рабыню, глянула на Пауля, удивленно вытаращилась. – Ты что тут делаешь в такой час?

– Падме, мне очень нужен господин Аман, – торопливо и ужасно подобострастно выпалила Мун, – этому господину нужна его помощь, а господин Аман обещал мне одну услугу. Он не спит?

– Обещал? Услугу? – брови Падме удивленно вздрогнули. – Хорошо, я его сейчас позову. Он в лаборатории.

Господин Аман, явившийся в окружении шести желтых светляков-оберегов от духов, оказался тощим парнем, обрityм наголо. И что в нем было примечательно – так это его глаза. Яркие, очень редкого лилового оттенка. Он вышел на крыльцо дома с трубкой в одной руке и шелковым тюрбаном в другой.

– Здравствуй, прелестница, – усмехнулся он Мун, и Паулю пришлось напоминать себе, что вообще в восточных городах все эти комплименты собеседнику – часть этикета, – чем обязан удовольствию тебя видеть своими глазами?

– Господин Аман, – девушка рухнула на колени и чуть ли не лбом в песок уткнулась, – вы обещали мне помочь. Помните?

Маг задумчиво уставился на девушку у своих ног, прикусил губами мундштук трубки и щелкнул пальцами, поджигая в ней курительную смесь. И не сказать, что он выглядел каким-то довольным подобным унижением, но ничего в его лице не дрогнуло.

А Паулю хотелось наклониться, взять эту дурную девчонку за шиворот рубахи и вздернуть на ноги. Потому что не стоило ради него творить вот это.

– Одну услугу? Припоминаю что-то такое, – помолчав с пару минут откликнулся Аман и перевел взгляд на Пауля. – Кого ты привела, сахарная? Беглого?

Пауль не схватился за меч только потому, что Мун, севшая на пятки, вцепилась в запястье Пауля своими пальцами. Маг же, глядя на этот резкий рывок только нахмурился.

Ох, так можно было испортить все. Хотя, куда еще хуже?

– Господин сегодня спас меня от бандитов, – дрожащим голосом сообщила она, и Пауль аж удивился. Он и не думал, что произвел на неё такое впечатление, а Мун тем временем не замолкала.

– Кто знает, что было бы со мной, если бы господин не подоспел вовремя. Мне верно боги его послали, – тут девушка сделала паузу, но только для того, чтобы набрать в грудь воздуха и продолжить причитать. – Но вот беда, пока Анук ле-

чил господина – настала ночь, и теперь господину совершенно негде укрыться от духов. Пустите его на одну ночь, господин Аман, вы обещали, что выполните одну мою просьбу.

Пауль поморщился – на его вкус в этой речи было слишком много господ. Когда Мун называла его по имени, было лучше. Да даже её “герой”, произносимый то с теплом, то с иронией, грел как-то сильнее.

– Твой друг может сломать мне хребет одним ударом, Мун, – тем временем без лишнего обливания медом комплиментов заметил маг.

– Такой благородный воин? – переспросила Мун с неприкрытым удивлением. – Господин Аман, я не верю, что господин Ландерс поступит с вами настолько вероломно. Прошу. Одну ночь. Вы же человек слова, про вас все так говорят.

Лиловые глаза чародея уперлись Паулю в переносицу.

Ему совершенно незачем было помогать чужаку, которого притащила даже не его рабыня.

Было вообще разумно предположить, что сейчас он просто сделает шаг назад, вернется в свой дом и захлопнет за собой дверь, оставив Мун и Пауля на расправу ночным духам.

А Аман чуть склонил голову набок и протянул Паулю руку.

– Ну что, обет дадите, господин Ландерс? – неторопливо поинтересовался он. – Вы не убиваете меня и мою служанку никакими доступными вам способами, я не сдаю вас страже.

– Дам, конечно, – от неожиданности Пауль ответил гром-

че, чем следовало.

Кажется, этот Аман и вправду был человеком слова...

Ладонь у чародея была сухая и по ощущению – “спокойная”.

– Чьим именем будете клясться, гость мой неожиданный? – чуть щуря свои яркие глаза поинтересовался Аман.

– Именем эффинского Поссея?

– Поссей велик, но живет далековато от наших песков, счет за нарушенное слово будет спрашивать долго, – Аман ухмыльнулся и покачал головой – не годится, мол, – выбери кого-то из наших судей, дорогой будущий гость. Кто тебе по нутру? Мудрейшая Ши-Ра? Безжалостный Эльяс эль Мор? Справедливая Сальвадор?

У Пауля от последней фразы свело лицо в неприязненной судороге. Вот именно поэтому он не любил заговаривать с пустынниками о тех, в кого они верят.

Она? Справедливая? Ох, сколько он мог сказать по этому поводу.

Впрочем, пустынники – очень многие пустынники – Паулю бы не поверили.

Сальвадор действительно славилась в этих краях не только как Королева Ядов, но и как Пустынная Судья, безжалостно истребляющая то, что она считала несправедливостью. Именно поэтому, даже при том, что богиней она не была – её именем клялись, часто предпочитая девушку-духа богам. Мол, боги слишком заняты, а Сальвадор-то точно най-

дет время спросить за нарушенную клятву.

– Вижу, Сальвадор тебе не по нутру? – протянул Аман. – Что-то личное, господин Ландерс?

– Пожалуй, даже слишком, – выдохнул Пауль, – заверь обет именем Эльяса эль Мора, господин Аман, Ши-Ра на мой вкус слишком милосердна.

– Что ж, пусть так и будет, – огонь светляков причудливо плясал в лиловых глазах магика, казалось, что он смотрит не на Пауля, а куда-то вглубь, пронизывая до самого дна души.

– Именем Эльяса эль Мора приглашаю тебя в свой дом, господин Ландерс, и ты пробудешь моим гостем до той самой поры, как сам не шагнешь за порог. Даешь ли ты слово никакими известными тебе способами не вредить мне, хозяину, что готов тебя принять?

Черная тонкая магическая змейка обвилась вокруг запястья Пауля будто живая, настоящая.

– Даю слово не платить злом за щедрость и смертью за гостеприимство. И пусть Вороний Король спросит с меня кровью, если я нарушу клятву.

У змейки ярко вспыхнули глаза, и она прижалась холодным брюхом к запястью Пауля. Растаяла. Чтобы появиться снова, если он вздумает нарушить клятву.

– Ну что ж, – Аман разжал пальцы, встряхивая кисть, и между его пальцами затрещали магические искры, – будем надеяться, нам не придется отвлекать Его Черное Величество. Ты можешь войти, Пауль. Мун, ты тоже заходи в дом.

Падме уже наверняка заварила чай.

Мун, кажется, от этого даже воздухом подавилась.

– Господин Аман, мне нужно домой, – возразила она, сцепляя пальцы на руках, – если хозяин проснется, и меня не будет...

– Ерунда, – Аман отмахнулся, – Мансул сроду не просыпается раньше полудня, на рассвете уйдешь. А сейчас – мы не пустим тебя шастать по улице. Духи уже проснулись. Мы же не можем пустить тебя рисковать своей шкурой. Так ведь, господин Ландерс?

– Справедливо, – это Пауль говорил не без облегчения. Отпускать девушку ему и вправду не хотелось. Да, рано или поздно придется это сделать, но хорошо, что сейчас имелся повод этого не допустить.

Темные глаза Мун, непроницаемые, усталые, скользнули на лицо Пауля, а потом вернулись к Амону.

– Заходи, сахарная, поди, не съем тебя, господин Ландерс не даст, – подмигнул девушке магик.

А она – все еще молчала, в сомнении поджав губы. Понятное дело, ей не хотелось получить наказание, но ведь все еще могло обойтись.

– Мун, останься до рассвета, я тебя прошу, – умоляюще выдохнул Пауль, – иначе я пойду тебя провожать, а кто знает, найду ли я без тебя дом господина Амана.

Девушка закатила глаза. Видимо, притвориться глупцом, способным заблудиться в трех соснах, у Пауля так себе по-

лучилось.

И нет, что значило “я тебя прошу” – для неё? Пауль был для неё случайным знакомцем, да, выручившим её из беды, но она уже отплатила ему как могла. Не до конца же жизни ей кланяться Паулю в ноги.

И все-таки хотелось верить, что между ними есть какая-то связующая нить. Иначе почему Паулю так не хотелось расставаться с этой девушкой?

Три тысячи шайтанов, а ведь утром всех этих глупостей в его голове не было...

– Я останусь, – глухо произнесла Мун, а потом глянула на Амана с неожиданной твердостью, – только до рассвета. Потом – уйду.

– Конечно-конечно, – закивал магик, и почему-то улыбка на его лице Паулю показалась до странного удовлетворенной.

В доме господина Амана пахло травами.

Пауль в первый раз за последние семь лет заходил в дом к чародею, поэтому сразу ощутил, как отвык от свежего запаха магии. Не темной, не кровной магии, которой пованивало в том переулке, где он встретил Мун, но свежей, светлой, пустынной.

У стен стояли несколько широких сундуков, на которых, судя по подушкам, предполагалось сидеть. У окна стоял низкий столик, у которого и правда уже стояла на коленях Падме с глиняным чайничком в руках. На самом столике в круг-

лых блюдах щедрой рукой служанки Амана уже были разложены и халва, и лукум. Видимо, она догадывалась, что без чая все-таки не обойдется.

Неужели не все магики настолько ушлые, неужели даже среди них есть те, кому можно довериться, и не стоит их обходить стороной? Нет уж, может, и есть пара исключений, одно из которых – Аман, но колдунов халифа точно стоит обходить стороной и за три улицы.

– К нему ты хотела меня отвести? – шепнул Пауль Мун, оглядываясь и разглядывая круглую комнатку. – К Аману? Могла и переубедить.

– Я не стала настаивать. До Анука было ближе, – отстраненно откликнулась рабыня. Что-то прозвучало в её голосе не то.

– Эй, красивая, я тебя обидел? – Пауль сжал пальцами локоть девушки раньше, чем понял, что это вообще-то не принято. – Ты так хотела уйти домой?

– Будь моя воля, я бы туда вообще не возвращалась, Пауль, – Мун поморщилась, – так что нет, ты меня не обидел.

Она лгала. Пауль не очень понимал, с чего он это взял, но она совершенно точно лгала. Обидел. Не понятно чем, не понятно когда именно, но обидел. И шайтанова девка, разумеется, сидела и дулась молча. Сидела с пиалой в руках, медленно пила терпкий травяной чай и смотрела на потолок, где кружились вокруг висящего в воздухе магического светильника глупые мотыльки. Прямо как Мег. Просто один в один.

Аман тоже не отличался разговорчивостью, он, кажется, ушел всеми мыслями во что-то, далекое от этого чаепития. Но его молчание не казалось таким чужеродным, оно вполне ему подходило, и стоило пиале Амана опустеть, как гостеприимный хозяин поднялся с колен, стряхивая с них невидимые Паулю пылинки.

– Падме, устрой господина Ландерса наверху. Мун поспит в твоей комнате этой ночью.

– Хорошо, господин Аман.

На шее Падме рунного ошейника не было. Она была свободной. Ну хоть кому-то повезло.

Пауль тоже поднялся на ноги, он уже выпил две чашки чая, утолил свою жажду и не отказался бы все-таки лечь спать.

– Ты не идешь? – сделав два шага за Падме, он обернулся к Мун, которая так и осталась сидеть у столика на коленях, гипнотизируя взглядом пиалу перед собой.

– Мне нужно поговорить с нашим хозяином, – ровно отозвалась Мун, – приятных снов, Пауль.

7. Глава, в которой герой караулит у двери

Эльяс наслаждался новой жизнью по полной. И к своей роли чародея отнесся “с погружением”.

В лаборатории у него творился такой кошмар, какой не творился у опытных алхимиков. Воняло серой, жженой сущностью хорлы, неосторожно сунувшейся на территорию Короля Воронов, и маслом дерева рахат, что избавляло от дурного настроения.

– Попробуй масло шафрана для благовоний, Эльяс, – при торным тоном посоветовала Мун, замершая в дверях лаборатории со скрещенными на груди руками, – говорят, настраивает на любовь к кому-то кроме себя.

– Ай, дорогая, если бы с тобой это хоть как-то помогало, я бы тебя шафрановым маслом всю обмазал. И себя тоже, – хмыкнул Эль, изображая из себя ужасно занятого изысканиями мага. С учетом того, что тут он в основном просто игрался и при этом записывал, какой эксперимент был наиболее разрушителен, – это было смешно.

Он выглядел таким невозмутимым, будто и вправду ничего такого и не происходило.

Мун зацепила взглядом какую-то реторту с очень опасно булькавшим зельем и мечтательно подумала, как замечательно бы было, если бы тут все рвануло... Можно сразу все.

Чтобы точно мало не показалось.

Нет, Элю было бы абсолютно плевать, его настоящего бы даже не поцарапало, но тело бы пришлось восстанавливать. Да и дом – наверное, тоже.

В общем, это бы обеспечило Эльясу хоть чуть-чуть напряжения. А то он просто шикарно устроился.

– Ты пришла признать поражение, Салли? – задумчиво поинтересовался Эль, отрывая свой взгляд от хрупкой пробирки в своих руках.

Девушка лишь только понадеялась, что он не держал её за настолько безмозглую барышню. Неужели он думал, что она сдастся вот так просто.

– Я пришла пожелать тебе приятных снов, Эльяс, – сладко улыбнулась Мун, нацепив на лицо самое благостное выражение.

Эль, явно удивленный этим безобидным заявлением, резко развернулся к девушке, уставился на неё недоверчиво. На долю секунды Мун успела заметить черное крыло его истинной формы – самый его кончик. Эль явно попытался понять, что она задумала. Что ж, с этим ему придется испытать разочарование. Сальвадор все-таки была не по зубам всяким безалаберным божкам.

Жаль, что с этим мерзким проклятием сама не могла разобраться. Для этого нужно было знать, где оступилась, где что-то сделала не так, знать имя того, кто тебя проклял. А она не знала. Причем даже сама не понимала, что произошло

с памятью о нескольких прошлых реинкарнациях. То ли сама часть воспоминаний решила “выполоть”, то ли помог кто, то ли это было следствие проклятия, лишь усугублявшее его действие.

Найти того, кого не помнишь – сложная даже для духа задачка. Вот и пришлось искать посредника.

Эльяс обошел вокруг Мун – сущностью скользнул, тело его не двинулось и с места, – но не нашел за что зацепиться и вернулся в человеческое тело.

– Ну что ж, спокойной ночи, Сальвадор, – Ворон чуть скривил губы, будто чему-то ухмыляясь. Наверное, был доволен тем разговором, что у него произошел с Паулем.

Мун развернулась на пятках и шагнула к лестнице.

– Спектакль устроила восхитительный, – заметил Эль, обращаясь к ней и явно намекая на то, что их разговор не закончен.

– Для тебя старалась, – осклабилась Мун со всей максимальной ядовитостью. Он же знал, что на колени перед ним искренне она никогда не встанет. И мог себе представить, насколько фальшивым для неё был этот жест.

Но это Эльяс привел к ней Пауля. Смертный был его пешкой. И пусть и возится с его проблемами сам. Хотя бы с частью.

– Понравился ли тебе мой ответ? – поинтересовался Ворон с такой самоуверенной рожей, что хотелось только рассмеяться.

Даже не догадывался, что на самом деле ей помог. Она ведь и вправду ощутила некую симпатию к этому непрошибаемому смертному. Он был одним из немногих хороших людей. По-крайней мере, не стал пользоваться случаем и набрасываться на женщину, с которой остался наедине. А она ведь слегка на это надеялась.

Но у него были к ней претензии. Значит, когда-то он оказывался в центре её суда. Ушел живым, но она иногда это делала. Иногда смерть не была высшей карой. Если он был под её судом – значит, кто-то просил его к этому суду привлечь. Северянин не был таким уж благородным. Просто хорошо прикидывался.

– Ты меня растоптал, Великий Ворон, – трагично сообщила Мун, с излишним отчаяньем заламывая руки, – как мог ты на моих глазах подчеркнуть, что есть в этом мире мужчины, что меня терпеть не могут. Такая жестокость. Это же для меня подлинное откровение.

Да-да, конечно.

В основном к ней шли обманутые невесты, брошенные дочери, преданные жены и просто те, кто бежал от жестокости в семье. Естественно, кто-то был источником их неприятностей.

Мужчины обычно огибали её капище издалека, даже если уважали её. Слишком ядовита, слишком опасна. Слишком много мужчин было ею признано виновными.

– Ну что ж, тогда и правда приятных снов, Сальвадор, –

Ворон широко улыбнулся, – что ты хочешь, чтоб тебе приснилось? Тысяча мужских голов, насаженных на пики? О, нет, пожалуй, твой первый супруг, а? Ты, наверное, скучаешь по той, самой первой, еще смертной жизни? Желая тебе освежить те воспоминания.

Это было не пожелание. Это было заклятие. И истинным зрением Мун увидела сорвавшееся с крыла Эльяса черное перо, тут же изогнувшееся в иероглиф. Знак вспыхнул и растаял, оставляя после себя неприятный запах порчи. А она ведь даже отбить её не могла.

Это будет очень неприятная ночь...

– Тебе мало того, что ты не дал мне уйти, да? Заставил наслаждаться твоей компанией и компанией смертного, – сквозь зубы прошипела Мун, – тебе нужно, чтобы я совершенно ненавидела свою жизнь, да?

– А как я иначе выиграю? – осклабился Эльяс. – Ты можешь не спать сегодня, Салли. Заклятие действует до рассвета.

Ну точно, прекрасный выбор. Ночь без сна или ночь, полная мерзких снов.

Ведь смертное тело нуждалось в отдыхе. Завтра к Мансулу должны были приехать гости, их должны были развлекать танцовщицы, и она была в числе них.

– Ты можешь остановить это в любой момент, Салли, – фыркнул Ворон, глядя на Мун с жестоким удовольствием, – просто скажи, что признаешь себя проигравшей. И согласна

быть моей.

– Приятных снов, Эльяс, – спокойно и без лишней капли магии произнесла девушка и все-таки двинулась из лаборатории.

– Год – долгий срок, Салли, – эти слова её просто догнали, но она равнодушно дернула плечом. Сейчас губы её изгибались в улыбке, полной предвкушения.

Пусть делает свои мерзости. Ей не впервой. Она уже и не помнила, когда её жизнь протекала спокойно. Один год она выдержит. Выиграет. И этот покровитель падали будет обязан снять с неё проклятие.

А потом – потом она его все-таки убьет. Вызовет на поединок и прикончит. Потому что счет к Эльясу на тот момент наверняка скопится очень длинный. И вряд ли её весы вынесут ему оправдательный приговор.

А сейчас – сейчас нужно все-таки попробовать поспать.

– Дрянь. Думаешь, что можешь просто взять и все отнять у меня?

Эти злые слова, произнесенные прямо в самое ухо, жгли душу, будто яд пустынной хорлы, заставляющий покрываться незаживающими язвами.

Но хуже была только черная шелковая лента, которая сдавливала горло.

Её лента, которую только что выдрали из её волос...

Воздуха не хватало. Горло было будто забито песком.

Хотя нет – сейчас именно песок из её рта и носа и сыпался, плотными струями, словно он был её кровью.

А потом лента исчезла.

И сама она упала на пол. Ровно для того, чтобы тут же увидеть черное небо, это шелковое покрывало Мафрея, в мелких складках которого прятались звезды.

Вот только кашлять песком она при этом не перестала. Будто в её груди кроме него ничего и не было...

– Мун, Мун...

Она резко села на чужой постели, в чужом доме и тут же врезалась лбом в лоб склонившейся над ней Падме. Ох-х, Мансул точно не будет рад синяку на лице своей рабыни. Придется что-нибудь соврать. Осталось только придумать что. Ну, или может, конечно, удастся синяк замазать или закрыть? Шайтан, зачем ей такая тонкая кожа, вот скажите на милость?

– Ты кричала, – виновато шепнула Падме, потирая ушибленный лоб.

Мун же тихо вздохнула и поняла, что сердце колотится так, будто она была лошадью и только что промчалась рысью пару фарсов¹.

Иногда у Мун возникало желание поднять глаза к солнечному диску на небесах и спросить что-то вроде: “Великая Шии-Ра, скажи, где были твои глаза, когда ты возносила

¹ Два фарса в переводе на наш – ну, скажем, километров одиннадцать. Прим. авт.

Эльяс эль Мора в боги? Неужели меньшего ублюдка в пустыне не нашлось?”

Хотя ладно, когда это в богах был хоть кто-то достойный? Даже сама Ши-Ра не была святой и, кажется, сменила уже трех мужей, от каждого родив по троих детей. В этом плане Эльяс был тем самым богом, которого заслуживал Махасар. Ни о ком он не думал, кроме самого себя.

Именно поэтому Сальвадор никогда не мечтала стать богиней. Слишком уж бестолковые богини были ей знакомы. Ей хватало быть “богиней на полставки”. Силы духа было вполне достаточно.

– Прости, что я тебя разбудила, Падме. В часы полных лун меня одерживают духи, – привычно соврала Мун, – ты же знаешь, что я пришла в Турфан без имени и памяти, проклятая духами, поэтому и стала рабыней. Кошмары у меня бывают часто.

– Заварить тебе шину? – спросила Падме. – Я после неё сплю как убитая.

– Нет, не надо, – Мун вздохнула и качнула головой. – Чай с травами мне не поможет. Ложись спать. Я постараюсь больше не будить тебя.

Нет, если бы у неё было время и травы – она бы сама смешала смесь для настоя, смягчающего порчу, но были у Мун очень крепкие сомнения, что Ворон с ней поделится своими запасами трав. Особенно для того, чтобы она избавилась от его же порчи.

Все-таки Падме не повезло только в одном – она была служанкой Эльяса. Он и нанял её чисто для вида, потому что “хорошему чародею положено иметь слуг”. А девушкой Падме была замечательной и очень отзывчивой.

– Прости, Мун, – виновато шепнула Падме, снова укладываясь.

– Да за что? – рабыня чуть улыбнулась. – Я тебя разбудила все-таки первая. Мне и извиняться.

Падме помолчала с пару минут и только после этого вновь отвернулась от Мун к стене, плотнее укутавшись в одеяло. Она засыпала легко – уже через пару минут послышалось её сопение.

А Мун так и осталась лежать, уткнувшись взглядом в темное небо за окном. Там ярко горели звезды, но до рассвета было еще далеко.

Ох, попадись ей те шайтаны, что волочили на своих горбах колесницу Солнечной Шии-Ра. Ох, она бы задала им трепку за то, как медленно они иногда работали...

Сон не шел, зато в голову лезла всякая гадость о последней жизни.

Например, имя того, кто был тогда её мужем по закону Шии-Ра.

Джеро.

Как её звали в той, самой первой жизни, Сальвадор не помнила. Имя смертное ею было отринуто, когда она приняла имя Судьбы. Она – Сальвадор, защитница вдов и страдаю-

щих наложниц. Кем она была раньше – её не волновало.

Хотя – она знала, что была тогда дочерью градоначальника – не халифа, но все-таки не последнего человека в пустыне Махасар. И должна была выйти замуж по договоренности – это было обычно. Тогда она еще не находила это возмутительной несправедливостью – то, что добровольно выбрать мужа ей было не позволено.

Почему её придушил законный её жених?

Все было просто до тошноты.

Она поймала его с любовницей-служанкой.

Он мог завести вторую жену, он мог завести наложницу – и даже это ее возмущало, но это хотя бы считалось законным, Джеро же предпочел соблазнить первую попавшуюся девку.

В доме отца невесты!

Дело было в день перед свадьбой, и если бы отец узнал – свадьбу бы все-таки отменили. Была же у градоначальника белого города Элиада какая-то гордость. Можно быть неверным простой ткачихе, у которой нет приданого, нельзя быть неверным дочери градоначальника.

Нет, Джеро было мало того, что он убил невесту. Он прикончил еще и любовницу, просто свернул шею визжащей от перепуга девицы, а после – потребовал с семьи убитой невесты компенсацию. Они, мол, вырастили шайтанову девку, что питала страсть к женщинам.

Самое паршивое – суд встал на его сторону. Суд не стал судить Джеро за два убийства. Тела обеих девушек были со-

жжены и брошены в колодец, за границей Элиада, как тела бесчестных распутниц.

И вот тогда Сальвадор и дала свою посмертную клятву – быть для женщин тем справедливым судом, что им никогда не дадут мужчины Махасара. А Шии-Ра её услышала.

Первое явление Сальвадор было именно к Джеро, только потом – к судьям, поверившим убийце.

Краткое тогда у тех смертных вышло знакомство с Сальвадор...

Белый город Элиад ждала несчастливая судьба. Бесчестные в нем просто умирали, а честные – предпочли бежать от гнева Судьи, что имела к Элиаду личные счета. Даже те, кому было нечего бояться.

Сальвадор не оплакивала смерть Элиада. И когда за считанные годы его пожрал песок – именно на месте белого города она и устроила свое капище. Это было символично. Должен же был Элиад хоть как-то научиться вершить правосудие? Хоть и посмертно.

Как уснуть снова? Как унять колотящееся в груди сердце?

Она не любила ту жизнь. Она многие свои жизни не любила – особенно после проклятия, они стали все сплошь черными и беспросветными. Но первую самую – ненавидела особенно, спрятав глубоко в сердце даже имя, что носила в той жизни.

Шии-Ра обещала Судье за её служение то смертное счастье, которого она так и не познала, потому и даровала ей

право перерождаться до тех самых пор пока Сальвадор не найдет мужчину, которого признает достойным себя.

Вот только смертные... Смертные разочаровывали один за одним. Лжецы. Изменники. Предатели. Гордецы...

Все они считали её вещью, игрушкой, инструментом для достижения цели и удовлетворения похоти.

Интересно, хоть когда-нибудь подлунный Махасар сможет перемениться?

Звезды не могли ответить на этот вопрос, звезды задумчиво смотрели на Мун, даже не думая умять свое сияние. До рассвета было, ох, как не близко.

А сон совершенно не шел.

Слишком просто было бы предположить, что вот она увидела Джеро, и все, дальше будет спать спокойно. Нет. Ворон сказал четко – заклятие продержится до рассвета. Чтоб его шайтаны сожрали, а потом выплюнули.

Падме тихонько посапывала в своей постели.

Мун села на своей кушетке, ступила босыми ступнями на мягкий ковер.

Дотерпеть до рассвета – не такая и сложная задача. Можно придумать тысячу смертей Эльясу. Оставалось только надеяться, что она не промахнется перед гостями Мансула. Ну, а если промахнется, может, этот шайтанов выкормыш наконец-то переборщит и удушит её заклятием?

Из комнаты Падме Мун выходила крадучись, боясь, что девушка спит недостаточно крепко. Зачем будить её лишней

раз? Падме вообще следует пожалеть, она с утра встанет и начнет прислуживать капризам Эльяса.

Интересно, замкнул ли Ворон на ночь запирающие чары? Наверняка, чтобы она не ушла раньше срока. Чтобы прочувствовала его порчу сполна, ведь та были сильнее рядом с тем, кто её наложил.

Правда проверить это предположение Мун не успела. Потому что стоило ей сдвинуть в сторону циновку, закрывающую проем двери комнаты Падме, как она увидела Пауля.

Этот смертный умел преподносить сюрпризы...

8. Глава, в которой герой начинает говорить

Мун замерла, глядя на Пауля. Темень ей мешала оценить ситуацию детально. Будь у неё магическое зрение, она бы увидела все, каждую точку на его лице, каждую морщинку на напряженном лбу, а теперь...

Что ему тут было нужно – рядом с комнатой, в которой спали две девушки? Неужели все-таки и Пауль из тех похотливых ублюдков, которые не могут держать себя в своих руках и обходиться этим?

Ну, если так – то это отчасти хорошо, ведь застигнутый на месте преступления, даже еще не случившийся преступник, мог и переборщить... Скажем, убить чужую рабыню... Избавить Сальвадор от необходимости и дальше жить этой мерзкой жизнью.

Ну же, Пауль, тебе же зачем-то нужны эти мощные руки и медвежий разворот плеч, так? Рабыня тощая, что стоит свернуть ей шею?

Он не шевелился. И вообще – на нем не было его доспеха. Только подвязанные под коленями короткие мешковатые штаны из синего, выгоревшего до тусклой серости, сукна. Такое ощущение, что Пауль ни с того, ни с сего вскочил с постели и примчался сюда. Сунув за пояс штанов первый попавшийся под руку кривой кинжал в кожаных ножнах.

Ох-х...

Мун шагнула вперед, за циновку, на шаг ближе к смертному. Скрестила руки на груди.

– Я тебя разбудила? – шепотом спросила она, пытливо разглядывая Пауля.

Он качнул головой, молча, утвердительно.

– Я так громко кричала?

– Я чутко сплю, – Пауль поморщился, – ночи в пустыне и без зачарованного оружия очень тренируют бдительность. Не хочется же, чтобы голодные духи тебя сожрали, пока ты спишь. Так что разбудить меня можно и меньшим.

И все это время он стоял тут? То ли потому что, когда Падме разбудила Мун, – исчезла причина заходить, то ли потому что Пауль все-таки понимал, что на женскую территорию ему нельзя без разрешения хозяина дома. И все-таки, был тут... Даже при том, что одним своим вторжением мог нарушить данный Аману-Эльясу обет.

– Извини, я...

– Я слышал про духов, – тихо произнес Пауль, – я думал, может, к вам змея заползла. С духами я не очень помощник, особенно если они твой разум одолевали.

– Я больше не буду кричать, – терпеливо сообщила Мун, – раз ночь сегодня такая, спать не лягу, досижу до рассвета и пойду домой.

Это вроде как должно было положить конец этому разговору, смертный должен был уже успокоиться и пойти лечь

спать, а он не двинулся с места ни на палец.

Она не успела ничего сказать, смертный чуть вздохнул, потом качнул подбородком, будто что-то отрицая – кажется, сам он был сильно загружен какими-то мыслями, с которыми вел беззвучный спор.

– Если ты хочешь, можем пересидеть до рассвета вместе, – он говорил так медленно, что любая черепаха дала бы ему фору в скорости.

– Пауль... – Она уже готова была послать его к шайтану, потому что он совершенно игнорировал традиции и правила пустынных, но Пауль опустил ей ладонь на плечо. Тяжелую ладонь.

– Я знаю, у вас так не принято, – тихо возразил он, перебивая Мун, – но я тебе вреда не причиню, могу слово дать.

Ну скажем честно, имевшейся в её распоряжении магической искры на полноценный волшебный обет бы не хватило, но жест она оценила. Не могла не оценить.

– Пауль, тебе зачем это все? – пытливно поинтересовалась Мун, разглядывая мужчину.

– Я очень сомневаюсь, что смогу насладиться сном, зная, что ты тут уснуть не можешь, – Пауль пожал плечами, – поэтому... Раздели со мной хлеб, красивая, перекусим, поговорим... А там, глядишь, и рассвет будет, провожу тебя до дома.

Настырный какой, этот неумный смертный... Но Пауль так сформулировал свою просьбу, что вроде как совсем

не хорошо отвергать её. Предложение разделить хлеб было твердым предложением дружбы. Будь Пауль пустынным, отказ мог его обидеть до кровавой вражды, но даже чужака оскорблять было некрасиво. Да и не было у неё повода ему отказывать.

Интересно.

Очень интересно.

Здесь и сейчас он, может быть, и не искутится, а если они наедине останутся – может, все-таки да?

На ней ведь магический пояс верности, как на всякой рабыне, которой могла быть суждена судьба наложницы. Вздумай она разделить с мужчиной ложе – магия попросту её убьет, но если она не будет согласна это ложе с мужчиной делить...

Тогда она все-таки получит свою победу в пари. Кто его знает, может, на этом рассвете, она уже смоеет кровью Эльяса собственную злость?

– Хорошо, Пауль, давай разделим хлеб и время до рассвета пополам, – задумчиво кивнула Мун, – я буду благодарна, если ты скрасишь мою скуку.

Для своих гостей Эльяс старался больше, чем для прислуги. Комнату Паулю он выделил большую, в два раза больше, чем комната Падме. А еще тут был балкончик, куда они и выбрались в компании хлеба и фляжки с водой.

Пауль “разочаровал” Сальвадор снова. Он не двигался в сомнительную сторону вообще никак, ни единой мышцей,

будто даже не думал, а ведь думал, это было заметно даже без провидческой силы духа. У этого конкретного смертного все чувства были написаны на его излишне болтливом лице.

И это его демонстративное равнодушие было то ли обидно, то ли просто странно. И так хотелось, так заманчиво было чуть подтолкнуть его в нужную сторону, вот только с учетом её цели – искушать нельзя было вообще ничем. Никаких авансов, никаких намеков. Смертный должен искушаться самостоятельно. Иначе бы в пари она проиграла.

– Ты обиделась на меня вчера из-за того, что я сказал про Сальвадор? – тихо спросил Пауль, отламывая от хлеба кусок и протягивая его Мун.

Превеликая Ши-Ра, он все еще переживал об этом?

– Нет, – Мун качнула головой, – не из-за этого.

– А из-за чего?

Да не из-за чего.

Она не обижалась на смертного, что не понимал её промысла и долга. Это было сложно для смертного и для мужчины.

Она злилась на Ворона, который вынудил её остаться у него в гостях на ночь, да еще и взял с гостя обет, заверив его именем себя любимого. Ведь в пустыне была добрая сотня богов и духов, которые могли спросить с нарушителя клятвы. Нет же, Эль назвал только три имени. И почему у неё было ощущение, что её имя он назвал нарочно? Что он знал про Пауля, чего не знала Мун?

– Пауль, это твое право – не любить Сальвадор, – девушка произнесла это спокойно, сминая хлебный мякиш в пальцах и скатывая его в маленький шарик, – мне нет смысла заставлять тебя в неё верить, её любить, ей поклоняться.

– Женщины пустыни чтят её, – с отстраненной горечью вздохнул Пауль, – я понимаю. Вас мало кто уважает, и без её защиты и суда – будут уважать еще меньше. В пустыне прав сильный. Увы, это не самый справедливый закон.

Забавно было слышать такое от мужчины. Хотя... Иные юнцы и рассуждали так, трогая сердца израненных и слабых девушек. Это же самый верный способ задурить несчастной голову – наобещать ей, что именно ты защитишь её от тяжелой жизни. Обычно такие болтуны потом оказывались точно такими же тиранами, изменниками и предателями, как и те, кто сразу после свадьбы “воспитывал” жену при помощи плетки.

– И все же, ты не любишь Сальвадор, Пауль, – делая глоток воды из протянутой ей фляжки произнесла Мун. Не то чтобы её были интересны причины его неприязни. Но все-таки, чуть-чуть...

– Нет, это не те слова, Мун, – Пауль качнул головой, – я Сальвадор люто ненавижу, и я на это имею полное право.

Ох, какие это были жгучие слова.

Он не лгал. Ей даже не надо было никакой магии, чтобы ощущать эту чистую, такую искреннюю ненависть, звучащую

в его словах. От сердца шла.

Почему эта ненависть Сальвадор так задела – загадочно, конечно. Ей было больше ста лет, и она навидалась в своей бессмертной жизни и людей, и мужчин. Хотя этот смертный был не безнадежен хотя бы. И в глубине души, видимо, теплилась еще вера, что в мире существуют те люди, которые могут понять её промысел. Не только использовать, но и понять.

Этот – вроде бы понимал. Но уважать не начал. И ненавидел.

В общем, как ни крути – не победа.

– Ненавидишь? – наконец спросила Мун, поняв, что молчание как-то затянулось. – И право на это имеешь? Я могу спросить, почему?

Она чуть не спросила: “В чем суть твоих претензий ко мне”.

Ох, болтливый язык и глупое обидчивое сердце. Оно всегда такое было, когда Сальвадор прятала собственную сущность духа в человеческую оболочку, но что-то в этот раз получилось особенно быстро вспыхивающим.

Хорошо бы, если бы память осталась при ней. Не пришлось бы спрашивать. Но она знала лишь одно – с Паулем она уже сталкивалась раньше. Но воспоминаний об этой встрече у неё почему-то не было.

Пауль глянул на неё искоса и плотнее сжал губы. Ну вот и зачем было начинать, если не был намерен рассказывать?

Все сильнее Мун казалось, что порчу на неё Эльяс наслал не только для “волшебной” ночи воспоминаний, но и для вот этого неприятного разговора. Ведь зачем-то же он её удержал в своем доме. Хотя... С Ворона могло стать просто так покапризничать. Он вообще регулярно поддавался каким-то порывам настроения.

И все же, Пауль выглядел недовольным, и по-прежнему молчал. Чем дальше, тем интереснее ей становилось. Нет, правда, должны же быть у этой ненависти причины. Какие? Она убила его отца, бросившего его мать с сыном под сердцем? Ну, это то, что попросилось первым. Но ведь без отчаявшейся женщины с разбитым сердцем, которая просила бы справедливости, Сальвадор бы свой суд не начала.

– Пауль...

– Я не люблю говорить об этом с пустынноиками, – хмуро произнес Пауль, глядя куда-то мимо, – вы в своих духов верите. В слова чужаков – нет.

– Я выслушаю, Пауль, правда, – мягко шепнула Мун, касаясь кончиками пальцев его локтя. Она ощутила, как он вздрогнул от её прикосновения. Незаметно, еле-еле, но внутри-то наверняка будто молнии заплясали...

Ох, Пауль, до чего же ты... Мужчина.

– Это паршивая история, – Пауль недовольно скривил губы, не желая показывать свое волнение, – знаешь, после неё, возможно, ты перестанешь меня уважать как мужчину.

– Брось, герой, что такого ты можешь рассказать? – Мун

рассмеялась, отстраняя на задний план сознания мысль о том, что слова “мужчина” и “уважение” в её уме редко сочетались.

– Глупость, – Пауль скупно улыбнулся, глядя куда-то вдаль, – вся та история очень походит на огромную глупость, вот только конец у неё слишком поганый для глупости.

– Ну, теперь я точно умру от любопытства, – совершенно искренне вздохнула Мун, – Пауль, тебе совершенно меня не жалко, да?

Она получила свой тяжелый красноречивый взгляд из-под сведенных бровей, тот самый, на который так напрашивалась.

Все-таки игратья со смертными мужчинами иногда было весело. Ну, по крайней мере до того, как выйдешь за одного из них замуж, вот тогда-то и начинается основная часть “веселья”.

– Мой отец был эффинским механиком, – голос Пауля звучал хрипло и как-то отстраненно, как и всегда бывает, когда рассказываешь чужому человеку что-то очень для тебя важное. И Мун скрестила ноги поудобнее и даже чуть подавалась вперед, чтобы не упустить ни единого слова.

Нет, серьезно, история ненависти к ней настоящей – это интересно.

Это всегда интересно, наблюдать за тем, как мужчины себя обманывают, прикидываясь невинными овечками.

А Пауль меж тем продолжал.

– Мой отец был механиком, а я и Рик, мой старший брат, в качестве купцов доставляли наши товары по городам, стоящим вдоль Дульха.

– Прибыльное было дело?

– Ну, достаточно, – Пауль чуть ухмыльнулся, – оставайся все так, как есть, мне бы точно хватило денег тебя выкупить, красивая, увезти в Эффины и там закатить такую свадьбу, что вспоминали бы внуки наших гостей.

Мун фыркнула. Говорить было легко, разумеется. А будь его деньги при нем, он бы даже и не подумал тратить их на рабыню. А если бы и потратил, то вряд ли бы на то, чтобы на ней жениться. К чему выбрасывать деньги на то, что по кривым, выдуманым мужчинами законам, уже принадлежит тебе?

Но вслух она этого не произнесла, все-таки ей хотелось дослушать.

– Ну вот, – Пауль отвел глаза и продолжил говорить, – я и мой брат всегда путешествовали вдвоем. Так проще, если что, прикроешь другому спину, не дашь промотать семейные деньги. Брат обучал меня нюансам нашего дела. Мы не нанмали целый корабль, это было слишком накладно, но отдавать товар на перекупку тоже не хотели.

– Ну, ясно, – Мун кивнула, – многие купцы так делают, берут товары и едут продавать сами, платят капитану только за билеты и сами отвечают за свой товар.

– Да-да, – Пауль кивнул, – тем более что купцов много,

кораблей гораздо меньше, на каждого по своему кораблю не выйдет достать. Так вот... Однажды на корабль во время загрузки пробралась моя сестра. Ей захотелось приключений на её дурную голову.

– Сестра? – Мун подняла брови. Это становилось все интереснее. – Но как она пробралась незамеченной?

– Мег была магичкой, – Пауль поморщился, – здесь завожила, там отвела глаза, умела она немного, но этого хватило, чтобы её обнаружили только на вторую неделю плавания, когда мы уже подходили к дельте Дульха. И было два выхода – отправлять её домой со мной или с Риком, оставляя на второго товар, а это слишком рискованно, или брать с собой, но настойчиво попросить отца по возвращении её выдрать за такие выкрутасы.

– Вы выбрали второе?

– Да, – с особой горечью выдохнул Пауль, – мы выбрали второе. Мы с Риком были глупые молодые идиоты, понадеявшиеся на то, что мы вдвоем все сможем – и товар продать, и за сестрой уследить.

– Не вышло?

Пауль качнул головой и с минуту молчал, явно собираясь с духом.

– До Хариба все было нормально, – произнес он, – Мег чувствовала себя виноватой, вела себя тише воды, ниже травы, ну и рынки мелких городов не такие огромные, как Харибский.

– А сколько ей было? – внезапно спросила Мун и сама удивилась этому вопросу.

– Около девятнадцати, – Пауль пожал плечами, – совсем девчонка.

– В наших краях она была бы совершеннолетней и считалась бы уже старой девой, – Мун усмехнулась, – у нас тут и в шестнадцать замуж могут выйти. Хотя наложницы ценятся и те, что постарше.

– Если мы будем обсуждать ваши традиции – мы и до следующего заката не закончим, – Пауль вздохнул, – так вот, беда случилась в Харибе. На второй же день после прибытия Мег исчезла. Мы долго искали её, но не нашли. Тогда нам и посоветовала какая-то старуха сходить к капищу Сальвадор. Мол, Судья Пустыни ищет пропавших дочерей и сестер. Если Мег жива – нам помогут её вернуть, если мертва – отомстят за её смерть.

– Вы пошли? – тихо спросила Мун, с трудом расслабляя пальцы, которыми она от напряжения стиснула колено.

– У нас было не много вариантов, – Пауль скривился, – наши боги были далековато, пришлось довериться чужим.

– И что, неужели она не ответила? Или что, отказала?

Она все еще пыталась понять сама, что стало причиной такой ненависти. Но нет, не понимала. Она действительно помогала искать потерявшихся в пустыне женщин. Это были те единственные просьбы, что она принимала от мужчин – если чувствовала, что мужчины просят из любви к пропав-

шей. Если женщина бежала не от жестокости в собственной семье.

– Нет, не отказала, – синие глаза Пауля сощурились, и сам он стал напоминать грубое, вытесанное из камня изваяние, выражавшее одну только ярость, – она приняла нашу жертву, она обещала помочь, вот только вернуть Мег Сальвадор нам не помогла.

9. Глава, в которой герой еще юн и неопытен

Капище Сальвадор выглядело странно. Впрочем, в свои двадцать пять лет Пауль, хоть и странствовал между городов, притаившихся вдоль русла Дульха, не видел ни единого капища. Храм Поссея – помнил прекрасно, они ходили в него регулярно, и там было совсем не так.

Храм Поссея был гулкий, огромный, темный. И сам Поссей – этакий всемудрый старец, смотрел на прихожан свысока, крепко сжимая в своих ладонях свой длинный гарпун. Сюда ходили за тем, чтобы помолиться о хорошем улове, о том, чтобы кораблю сопутствовали хорошие ветра, и чтобы маги корабельные не потонули нечаянно. А то водилось у них иногда, если уж совсем недоучки были, что совались на корабли, не выучив жаберных чар или чар водохождения...

В общем, в храме Поссея было помпезно, мрачновато и совсем не так.

Капище Сальвадор – круг, огороженный двенадцатью гладкими белыми каменными столбами.

Столбы были не одинакового размера. И Пауль еще тогда спросил у их проводника, почему так, неужели те, кто обозначали границы этого капища, не могли как-то сравнить между собой вежи, на что болтливый Фидей только развел руками.

Когда столбы вкапывали – они стояли ровно. Это потом – одному снесло верхушку, второй почти на половину ушел в песок, третий – будто выше поднялся...

Говорили, это сама Сальвадор так показывает, что правосудие не бывает одинаковым и не существует никаких однозначных решений. С волей своенравной Королевы Скорпионов спорить было опасно.

Фидей не пошел с Паулем и Риком до самого капища. Остановился поодаль, стоило только завиднеться белым столбам, и никакими угрозами его с места сдвинуть не удалось.

– Нет, нет, я к скорпионьей деве ни ногой, – бубнил он, после того как Пауль и Рик, отчаянно ругаясь на упрямство проводника, пошли на второй круг поминания и своих богов, и пустынных, – вот еще. А ну как я ей глянусь, так что же?

Кому там мог глянуться тощий и косоый Фидей, ни Пауль, ни Рик особо не поняли. Но из сумбурной болтовни Фидея уяснили одно. Большая часть мужчин пустыни уверена, Сальвадор так зверствует потому, что ей ужасно не хватает мужа. Она, мол, в смертной жизни плохо кончила, и потому она мстит всему мужскому роду, а особенно – тем несчастным, которые умудрялись приятись ей по сердцу. Поэтому к её капищу мужчины особо не ходили, а если и ходили – то тщательно замотав лица, и то, по возможности старались не приближаться.

– Если надо, могу вам покрывала дать, – Фидей кивнул на тюк на своем верблюде, – один платок – пятнадцать колонов.

– Что ж ты нам в Харибе не сказал про покрывала? – въедливо поинтересовался Рик.

Фидей развел руками. Оно и понятно, в Харибе-то покрывала стоили пару колонов от силы, а тут – пятнадцать. Самый что ни на есть понятный бывалым торговцам принцип.

Покрывала брать не стали. Честно говоря, им было не до этих глупостей, они переживали за Мег, которая пропала совершенно бесследно. И где её искать? Уже третий день клонился к закату, жива ли она вообще?

Тогда еще Пауль не знал, что магики просто так не умирают...

Жертвенного барана братья Ландерсы тащили вдвоем. Не меняясь, просто деля вес дергающегося и явно не желающего своей печальной судьбы барана.

Перед тем как войти в кольцо между столбами и Пауль, и Рик, остановились, замороженные.

Песок в кольце камней был белый. Абсолютно. Как-то сразу стало понятно, что вокруг – песок такой слегка желтоватый, он будто бы даже смотрелся грязным.

У подножия того столба, что стоял с восточной стороны капища, лежал серый алтарный камень.

Все было понятно, что делать.

Алтарный камень омыли кровью барана, и отошли от него на приличное расстояние, глядя, как кровь впитывается в се-

рую поверхность и белый песок.

Они не знали, сколько ждать, они не знали, что именно должно случиться, они вообще думали, что придется ждать заката, удара молнии, или какого-то другого "знака свыше" без которых духи и боги смертным не являются.

Но все было просто.

С запада подул прохладный ветер, Пауль и Рик как-то разом моргнули и, открыв глаза, увидели её.

Она сидела на алтарном камне именно там, где до этого лежал баран. И не было будто никакой крови. Жертва была принята.

Она была невысокой, хрупкой, была облачена в синее с головы до ног. Почему-то Паулю казалось, что цветом пустынной судьбы будет черный, но нет. Бирюзовый. Ткань укутывала девушку целиком, с головы до ног, но даже так не могла скрыть стройности её хрупкой фигурки.

Волосы и лицо девушки-духа были закрыты покрывалом. Были открыты только глаза и малая часть лба. Над переносицей сияла серебристая капля-чарта, метка духа, и только из-за этого было понятно, что перед Паулем и Риком не обычная девушка. Ну и сама она была будто слегка прозрачная, по крайней мере некая часть света сквозь неё проникала.

В какой-то момент Паулю даже стало жаль, что Сальвадор явилась вот так, в глухом широком одеянии и видно было как следует только её глаза – темные, чарующие, пробуждающие столько вопросов ко всему остальному.

– Не зря нам говорили, что Сальвадор хороша собой, – эти слова он на языке не удержал. Действительно, в Харибе такие сплетни похаживали. Тем обиднее было сейчас увидеть только тень Сальвадор, будто не посчитавшей нужным явиться к ним в своей полной форме. Но глаза... Глаза у неё были все равно красивые.

Брови девушки-духа презрительно дрогнули.

– Вы пришли на судилище или в гарем? – бесстрастно уточнила она, – кого вы потеряли, мальчики?

Паулю пришлось прикусить язык. Он и вправду забылся. Ведь сюда они пришли по делу.

– Откуда знаешь, что потеряли? – резко спросил тогда Рик, возмущенный ядовитостью тона – он вообще не любил, когда женщины так нагло с ним разговаривали.

– Ну, я верю, что достаточно известна ненавистницей мужчин, чтобы они не беспокоили меня по своим пустяшным капризам, – едко откликнулась Сальвадор.

Она не походила на богиню. Богини в уме Пауля были более женственные, более мягкие, более воспитанные. Возвышенные, наконец.

– А я и не богиня, мальчик, – усмехнулась тогда Сальвадор, подслушав его мысли, – я – дух. Судья. Мне мягкость и возвышенность, знаешь ли, помешают вершить суд. Кого вы потеряли? Говорите скорее, берегите кровь вашей жертвы. Чем больше силы крови будет при мне – тем сильнее я буду и тем быстрее найду вашу потерю.

Рик покачнулся было вперед, явно намереваясь разразиться неприязненной тирадой, но Пауль схватил его тогда за плечо, потому что ясно видел – брату Сальвадор совершенно не нравится. А им нужно было во чтобы то ни стало получить помощь Королевы Скорпионов.

Рик был из тех, кто “доверял своему чутью”. Нужно сказать, чутье у Рика ошибалось не редко, но старший брат Пауля оставался верен своим убеждениям, не обращая внимания на свои ошибки.

– Сестру, – быстро произнес Пауль, глядя в глаза девушки духа. – Мы потеряли сестру.

Она спросила имя Мег. Она спросила, когда Мег пропала, но этого Пауль и Рик точно не знали, они вообще были уверены, что вернутся на корабль и найдут там Мег, дремлющую в гамаке в их корабельной комнатухе. Нахалка же выскользнула с корабля, отведя глаза матросам и потерялась – то ли в Харибе, то ли в его окрестностях.

А может, ей помогли... Потеряться. Чего хотели? Выкупа? В рабство продать? Ни то, ни то хорошим вариантом не было.

Сальвадор выслушала молча, потом кивнула.

– Мне нужна капля крови родича, – тонкий пальчик девушки ткнул в сторону Пауля, – твоя, мне не по вкусу кровь самовлюбленных глупцов.

Рик задышал еще глубже и еще шумнее.

Пауль же, стараясь побыстрее закончить эту бесполезную

болтовню, молча вытащил из ножен на поясе короткий нож и, полоснув себя по ладони, опустил её, окровавленную, на алтарь.

Алтарный камень был сухим и горячим и тут же обжог кожу Пауля, прижигая порез. Кровь осталась на серой поверхности, и только после этого их коснулись пальцы духа.

Сальвадор растерла кровь по своим пальцам, прижала их ко лбу, а затем резко повернулась в югу – в сторону, противоположную от Хариба.

– Вашу сестру занесло далеко, – произнесла тогда Королева Ядов, вглядываясь вдаль, куда-то за песчаные барханы. – Я вернусь на закате.

Пообещала и исчезла.

Честно говоря, Пауль ожидал чего-то большего, ему то рассказывали про Сальвадор неприятные, местами даже жуткие истории, в которых рисовали Судью Пустыни как этакую пустынную ехидну, которая чуть что глумится над мужским полом.

Может быть она устала насмешничать? Могут ли духи уставать?

Они ждали. Ждали, не покидая капища, не беря в рот ни капли воды, ни крошки еды – как и полагалось, следуя аскезе того, кто обращался с просьбами к богам. Ну, или духам. Таким вот духам, как Сальвадор, потому что все-таки в пустынях было больше духов и послабее неё.

– Ничем она нам не поможет, – тихо шипел тогда Рик.

– Ну, вариантов кроме неё у нас и нету, – практически отвечал Пауль и продолжал гипнотизировать солнце, медленно склоняющееся к горизонту.

– Нет, ты вообще слышал? Мальчик! – не унимался Рик. – С чего это мы ей мальчишки, а, Пауль? Мы уже пять лет торгуем сами, без отца.

– По-моему, она просто не была нам рада, – Пауль пожал плечами, – да и потом, говорят, ей лет сто уже. Стоит уважения. Как нужно обращаться к женщине её возраста?

– Она не выглядит на столетнюю старуху, – возразил тогда Рик. – Если бы хотела уважения – нечего было являться на судилище в теле девицы. А так... Сдается мне, не все то бред, что Фидей нес.

– Поаккуратнее, ты говоришь это все на её капище. Может и обидеться, – тихо заметил тогда Пауль.

– Буду я бояться какую-то тощую бабу, – буркнул тогда Рик, но замолчал надолго.

Пауль тогда превратился в одно только сплошное ожидание. Будто сам он потерял и тело, и душу. И все, что осталось от него – необходимость прожить какой-то период времени, чтобы получить результат.

Только бы Мег была жива.

Только бы Сальвадор её вернул.

Мег и Пауль были очень близки, на самом деле. Это Рик всегда казался слишком взрослым, всегда важничал, а Пауль и Мег вместе таскали яблоки из сенаторского сада по сосед-

ству. И было ужасно стыдно признаваться самому себе, что не уберег сестру, которую ходить учил, которую в колыбели укачивал, которая даже после того, как выросла в высокую фигуристую кобылицу, на которую заглядывались друзья Пауля – все равно просила, чтобы он ей читал по вечерам...

Сальвадор вернулась как и обещала – на закате. Стоило только солнцу ровно до половины закатиться за горизонт, как снова пронесся по капищу, поднимая вихрь белого песка, порыв холодного ветра.

И снова она – синяя тень – встала за алтарным камнем, скрестив руки на груди.

Одна.

– Ты её не нашла? – хрипло спросил тогда Пауль. Возможно, есть предел и возможностям духов?

– Нашла, – спокойно ответила Королева Ядов, глядя на Пауля, – я нашла её и изложила, что её ищут братья. Ваша сестра настойчиво просила передать вам, что она ушла из Хариба добровольно и возвращаться не намерена.

Это было болезненнее любого удара.

Мег? Правда ли это?

– Почему?

– Я не сильна в этом вопросе, – с легким недовольством в голосе ответила Сальвадор, – но она просила моего благословения на брак с её истинным. Они идут к храму Ши-Ра, чтобы повенчаться по старому обряду.

Пауль не успел ничего сказать. У него и слов-то не было. Одни только вопросы. Он просто открыл рот, но услышал не свой голос, а голос Рика.

– Ты должна была её вернуть. Ты забрала нашу жертву. То есть ты забрала её просто так?

Это было резко. Но Пауль был согласен. Место Мег – дома. Что ещё за ерунда с истинными? Что мешало ей поговорить с братьями? Хотя, да, Мег наверняка понимала, что ее возьмут в охапку и запихнут на корабль. Попросив у корабельного магика какой-нибудь не дающий колдовать оберег. Он предлагал.

И всё же Пауль наверное сказал бы как-то иначе. А Рик сказал вот так.

Тишина резко высушила воздух капища. Пауль увидел, как сузились глаза Сальвадор.

– Ты чужак, мальчик, – медленно произнесла девушка, не двигаясь с места, и почему-то от этого она казалась еще опаснее – будто кобра, замершая перед броском, – поэтому, я тебя пощажу. Ведь ты не знаешь, что не стоит бросаться такими словами мне в лицо. Не знаешь и что я должна только Шии-Ра, и только в рамках данной мной клятвы. Я стою на стороне женщин. Всегда. И если женщина не хочет возвращаться домой – я буду защищать её право на следование своему желанию. Я услышала вашу просьбу, я нашла вашу сестру, я передаю вам её волю. Это все, что вам полагается.

– Она не имеет никакого права решать такие вещи сама, –

рявкнул Рик, так, что у Пауля в ушах зазвенело, – она должна слушать мужчин своей семьи. В конце концов, она должна ответить за то, что нас опозорила и сбежала не пойми с кем.

– Любопытно, – сухо выдохнула Сальвадор, чуть запрокидывая голову, и Пауль понял, что её силуэт теряет плотность на глазах, – и как же в свободных Эффинах отвечают за такой “позор”?

Она явно выделила слово позор презрением, выделяя свое отношение. И она явно теряла свой интерес продолжать этот разговор.

Смерть.

За это по закону Эффин блудной дочери и сестре, опозорившей семью, полагалась смерть. Это смывало позор. Если, разумеется, семья этого хотела...

Можно было обойтись и чем-нибудь мягче, вроде публичной порки, но... Но даже это Паулю казалось диким. Мег, хрупкая, тонконогая как олененок, с огромными смешливыми глазами – и на площади, в колодках, с голой спиной, подставленной плетям?

– Рик, никто ведь не узнает, – тихо произнес тогда Пауль, – мы рассказывать не обязаны. Вернемся в Эффины – вернем её домой. А уж что с нами было где-то в Махасаре – только наше дело.

– Надо же, – Сальвадор ехидно хмыкнула, – а в наших сказках это младшие братья обычно дураки.

Она не стала ничего продолжать, и только Пауль, знавший

вспыльчивую натуру Рика, из-за которой отец и отправлял сыновей вдвоем – чтобы младший уравновешивал старшего, понял – Рик услышал произнесенное оскорбление.

Если не дурак – младший, то старший. . .

Рик, как и многие мужчины, терпеть не мог, когда бросали вызов его авторитету, уж тем более – он не прощал насмешек женщинам, во многом именно поэтому был еще не женат, искал себе кроткую, тихую невесту.

Но даже в Эффинах последнюю фразу Сальвадор сочли бы за оскорбление, и такую невоспитанную девицу в жены бы никто не взял, а уж в Харибе и его окрестностях с женщин требовали куда большей покорности и кроткости. Кажется, Королева Ядов кроткой быть не желала. И то что произошло секундой спустя – на самом деле было вполне объяснимо.

Рик сплюнул на алтарный камень Сальвадор. Вышло у него смачно, громко и презрительно. Он не мог спустить такое оскорбление, да еще и от женщины. Да и многие мужчины бы не спустили.

– Ничего твой суд не стоит, – хрипло выдохнул старший брат Пауля, – и ты сама не Судья, а кукла ряженая.

Ответ последовал мгновенно.

В лица им дохнуло пустынным жаром, швырнуло песком, и уже через мгновение оба брата Ландерса оказались где-то глубоко в пустыне. Там, где не было ни их провожатого, ни понимания, куда идти, ни воды.

10. Глава, в которой герой откровенен до самого конца

Пауль замолчал.

Весь мир замолчал. И она – молчала тоже, глядя куда-то вдаль, туда, где еле-еле розовел горизонт. В пальцах девушка все так же крутила кусок хлебного мякиша, уже скатав его в плотный колобок.

Ох, Ши-Ра, как же ей хотелось крови... Была бы деревянной – сейчас бы вспыхнула и запылала бы как пропитанная маслом. Вспыхнула бы изнутри.

Она этого случая не помнила. Все это было из памяти исковерканной, вырванной – и кажется, сейчас она понимала, почему предпочла забыть вот эту встречу с этими смертными.

За сотню лет, пожалуй, её ни разу не оскорбляли подобным образом.

Ей не было в новинку презрение мужчин. Каждый третий был уверен – да, ей просто не выдали в смертной жизни мужа, вот она и бесится. Она не то чтобы привыкла. Она привыкла на это реагировать сразу и так, чтобы они прикусывали языки, почтительно пятились от её капища.

Она начинала просто как Судья Пустыни. Королевой Скорпионов её сделала слава среди смертных. Так её нарекли мужчины. Действительно, ведь если женщина смеет ду-

мать или хотеть жить так, чтобы ей не причиняли боли? Кто она? Наглая тварь, ядовитая змея, скорпиониха...

Так она и стала тем, кем стала – королевой скорпионов, во всех смыслах этого слова. Она даже удивилась, насколько сложную и грозную люди ей придумали боевую форму.

Отчасти, ей даже хотелось сказать им всем спасибо, потому что эта сила была ей ужасно полезна.

И в общем и целом – Сальвадор давно привыкла к своей славе. Привыкла воевать. Но если бы хоть какие-то подвижки были. Кажется, и двух тысяч лет не хватит, чтобы в этом шайтановом мире начали держать женщин за людей.

Но... Но этот конкретный случай – ох, как же выводил из себя. Хотя ладно. Все конкретные стычки со смертными она предпочитала забыть, вытереть из памяти, чтобы не терять нейтральности. На неё и так поналипло, она и так почти не переваривала мужчин, а ведь жизнь за жизнью ей приходилось иметь с ними дело. Увы – с худшими из них. С теми, кого надлежало судить. Такими, как тот же Мансул, к примеру.

– Это причина твоей обиды? – спросила, закидывая колобок из хлеба в рот. – То, что Сальвадор отправила вас в пустыню? Наказала за дерзость твоего брата.

Дерзость – это очень мягко сказано.

Плюнуть на алтарный камень духа... Да Рик Ландерс бы еще нужду за алтарем Ши-Ра справил, а потом удивился, что его за это тут же приложило молнией.

Между прочим, солнечная госпожа была ничуть не мило-

стивей Сальвадор, Королева Ядов даже училась у неё держать смертных в такой вот железной шипастой узде.

Сейчас Пауль один. Скорей всего брат сгинул где-то в пустыне. Скорей всего сейчас он будет стоять на позиции своего брата, просто по кровному принципу.

– Знаешь, нет, – сипло выдохнул Пауль, прислонившись затылком к глиняной стене за своей спиной и прикрыв глаза, – я знаю, что Рик повел себя... Очень глупо.

Мун моргнула, пытаясь переварить услышанную фразу. Даже покосилась на Пауля, будто слегка дремавшего, чтобы убедиться, что не ошибается.

Ужасно неожиданно было слышать такие слова от мужчины. От мужчины, который, во-первых, визировал свою ненависть к ней и её понятиям о справедливости, а во-вторых, по-прежнему был кровным родичем оскорбленного Сальвадор глупца.

– Рик забыл, что мы пришли к духу, – ровно произнес Пауль, не раскрывая глаз, – Рик увидел в ней всего лишь женщину, а простой женщиной она не была.

– Можно подумать, простую женщину оскорблять можно, – Мун поджала губы. – Думаешь, можно плюнуть в лицо матери, если уж очень захотелось?

– Нельзя, – Пауль качнул головой, – но я к тому сейчас, что мои претензии к Сальвадор лишь в малой своей части из-за того, что она наказала меня и Рика. Нельзя оскорблять духа, это все знают. Все пустынные. Я сейчас – знаю. Тогда

– мы с Риком были два молодых идиота, впервые оказавшиеся в пустыне. Для нас вообще в новинку было иметь дело с духами. И Сальвадор мы недооценили.

Он был странный – этот смертный. Еще по его рассказу, она удивлялась этому, ведь вел он себя не как пустынноики, даже не как его брат. Да что там, она сегодня за день не один раз рассчитывала, что он ей поможет распрощаться с дурацким пари и телом смертной. Да что там, она всерьез думала, что он не выдержит, и попытается взять её силой. Ведь были же возможности, что в комнатухе Анука, что сейчас. А он разговаривал с ней, поглядывал на неё искоса, и хотел, ведь хотел же. Но не касался.

И вот сейчас, он почему-то признавал её правоту, хотя по сути – должен бы стоять за своего брата. Не из-за того, что тот повел себя правильно, а просто потому что они одной крови. И с одной стороны, хорошо, когда родичи поддерживали друг дружку, с другой – отсюда росли истории кровной вражды. И те истории, когда сын был в ответе за грехи отца. Хотя в каком месте, казалось бы, это было справедливо?

– Твой брат ожидал чего-то величественного, да? – задумчиво поинтересовалась Мун, мучая и мучая своими беспокойными пальцами очередной хлебный шарик. – Тысячу духов-присяжных, голосование, молнии, которыми Ши-Ра подписала бы приговор?

– Я не оправдываю Рика, правда, – Пауль вздохнул, – нужно было думать, что делаешь. Не нужно было давать волю

предубеждениям. Даже по тем слухам было ясно, что Сальвадор не из тех женщин, которые сотрут с лица плевки и побегут варить похлебку заново. Мы пришли к ней за помощью и её оскорбили.

– Твой брат... —она начала свой вопрос неуклюже и тут же споткнулась об взгляд Пауля. Горький, будто песчаная пыль.

– Погиб.

– Сочувствую, – тихо произнесла она, осторожно касаясь руки Пауля.

Может быть, его брат и болван, но это ведь не запрещает ему быть оплакиваемым. Пауль же накрыл её пальцы второй своей медвежьей лапищей и отчаянно их стиснул. И нет, это было абсолютно не потому, что он решил воспользоваться её жестом как поводом сблизиться поскорее. Он был благодарен ей за сочувствие.

Эх, она даже себя слегка лицемерно почувствовала. Хотя соболезновала она Паулю вполне искренне. Потери – всегда потери. Даже если родич, которого потерял – при жизни был болван.

– Пустыня убивает быстро, – выдавила Мун, пытаясь нащупать нить разговора.

– Рик погиб на Арене, – Пауль качнул головой, – знаешь, мы ожидали, что умрем быстро, еще в пустыне, что придут её скорпионы, её змеи, приговорят нас окончательно, но... Их не было. Видимо, Сальвадор решила, что это было бы очень

просто для нас. Ну, или шанс дала выбратся самим. У нас было только солнце. И ледяной холод ночи. И две фляжки на двоих, но вода в них закончилась к вечеру первого дня. И голодные хорлы, которые почему-то обходили нас стороной.

Почему-то...

Действительно странно, хотя... Смертные, осененные проклятием Сальвадор, у хорл вызвали бы только несварение. Вот и не трогали голодные пустынные охотники этих двоих, потому что побаивались Королеву Ядов. Если вдуматься – до Турфана Пауль тоже дошел по пустыне. Один. Без зачарованного оружия. И его не сожрали, хотя диких мелких духов в пустыне хватало. Он, наверное, принял это за везение, но вероятнее всего, её проклятье для него работало до сих пор, превратившись в своеобразный оберег.

Проклятие ведь не было нацелено на Пауля, в основном на Рика, и он явно свой кармический удар за оскорбление уже получил. Судя по тому, что он оказался на свободе – наказание за оскорбление он уже получил, больше карме было спрашивать нечего.

– Но как вы попали на Арену? – осторожно спросила Мун, желая заполнить все лакуны в этой картинке.

– Все просто, – Пауль пожал плечами, – выбросило нас на Шелковом Пути. Около недели мы болтались, пытаюсь выйти хоть куда-нибудь, нас подобрала караванщики. Почтидохлых. Привезли в Хариб. По харибским законам – если тебе спасли жизнь, ты либо её выкупаешь, либо становишься

рабом спасителя.

– Ваш корабль ушел к тому времени, да? Выкупить было нечем?

Пауль качнул головой.

– Нет, не ушел, – вздохнул он, – но капитан... То ли Сальвадор ему память зачаровала, то ли просто решил, что раз пассажиры исчезли на десять дней – можно прибрать к рукам их имущество и не узнать в лицо. Хорошо постарался тогда, ни один матрос нас не признал.

Мун прикрыла глаза. Вообще это было так по-человечески...

– Знаешь, одному рад в этой всей истории, – медленно проговорил Пауль, рассеянно любуясь небесами, на которых медленно исчезала одна звезда за другой, – тому, что Рика довелось убить не мне. Что нам не пришлось выходить друг против друга на Арене. Не представляю, как я бы смыл это с рук.

– А вы бы стали драться? – она спросила больше потому, что ей стало странно.

– Мы тогда поклялись, что если придется – то будем, и один из нас выживет и доживет до возможности сбежать, – Пауль поморщился, – на Арене все довольно просто. Отказываешься драться – тебя скормят голодным тварям, что держат для увеселений. По кусочку. Знаешь, кого держат в подземельях Арены?

– Догадываюсь, – Мун передернуло. Уж тварей-то маги-

ческих по пустыне бродило не меньше, чем голодных слабых духов.

Арахниды, химеры, ламии, многоглавые псы... Много их было – тварей, что разводили боги. И стать кормежкой для таких было не очень заманчиво, с какой стороны ни глянь.

– В общем, так. Мы решили, что обоим подышать смысла нет, – хрипло выдавил Пауль, – хорошо, что пронесло, на самом деле.

Его не хотелось беспокоить, до того взбудораженным и выбитым из колеи он выглядел. Но Сальвадор по-прежнему не получила своих объяснений, и это не давало ей замолчать. Ну в конце концов, договорит смертный свою историю, или нет? Сказочник шайтанов, уже рассвет начнется вот-вот, скоро ей уходить, а он все никак не договорит.

– Я все равно не понимаю, за что ты ненавидишь Сальвадор, если дело не в том, что она вас наказала, отправив в пустыню, – Мун нетерпеливо дернула головой, и поняла – покрывало, которым она прикрыла волосы после сна, безнадежно сбилось. Оказывается, уже четверть часа она сидела с открытыми волосами. И не заметила. Давненько смертные её так не забалтывали.

Покрывало было довольно сложно взять и поправить, нужно было наматывать его заново. Мун вздохнула, распутала петлю синего, расшитого золотом шелка.

Если следовать традициям – перед мужчиной ей этого было делать нельзя. Ни в коем случае. Ей – чужой рабыне, это

было практически то же самое, что и раздеться. Но если Пауль не стал помогать до неё раньше, не станет и сейчас. Вряд ли он побежит к Мансулу докладываться о том, какая непослушная у него рабыня.

Удивительно, но чем больше Пауль говорил ей о своей ненависти к ней настоящей, тем спокойней в его присутствии ей становилось. Будто до этого её и впрямь беспокоил этот смертный, а тут вроде как и все нормально, можно не переживать.

Его взгляд она все-таки заметила. Его вообще было сложно не заметить, потому что этим взглядом можно было до костей обглодать, а Пауль смотрел на неё.

Нужно отдать Паулю должное – он не только не шелохнулся в её сторону, но и глаза не отвел.

Мол, вроде как – вот оно мое внимание, только оно, ничего больше не делаю, живи с ним как хочешь.

– Стыдить будешь? – фыркнула Мун, прощупывая пальцами косу. Со сна она растрепалась и было много выбившихся прядок.

– Не буду. Но любоваться ты мне не запретишь, – он говорил чуть насмешливо, но в голосе его звучала некоторая хриплость, выдающая его волнение.

– Любишься, герой, только руками не трогай чужое имущество, – невесело усмехнулась Мун, скорее самой себе напоминая, кем она сейчас является. Мун. Рабыня. Будущая наложница халифа. На ближайший год её перспективы такие.

А потом нужно не забыть выпустить из Эльяса всю кровь. Медленно. Не торопясь. По капельке.

Она не стала торопиться спрятаться от взгляда Пауля, она его не боялась в конце концов. Поэтому без лишней спешки накрыла волосы покрывалом снова, снова перевила его так, чтобы были скрыты плечи, и завязала концы куска синего шелка маленьким потайным узелком.

– Ты не объяснил, – напомнила она, прямо глядя на Пауля, – ты сказал – имеешь право ненавидеть Сальвадор. Сомневаешься в её справедливости. Почему?

– Мег, – устало откликнулся Пауль, – все дело в ней, с самого начала.

– Пауль... – Вот тут надо было осторожно, ведь нельзя было выглядеть чересчур осведомленной, – разве ты не знаешь, как работает зов истинных у магов? Если твою сестру этот зов настиг... Неудивительно, что она пробралась на корабль и сбежала из дома. В конце концов, истинные – предназначенные друг для друга богами. И если она выбрала быть с тем, кто ей предназначен – то в чем виновата Сальвадор? Хотя, конечно, быть истинной для пустытника счастье сомнительное – но все-таки, для магов – оно счастье. Такое, какое не всем выпадает.

– Все это замечательно, Мун, – невесело и пусто откликнулся Пауль, – все это так замечательно звучит, если бы не одно “но”. С истинным своим, тем самым, право остаться с которым отстаивала Сальвадор, моя сестра и недели не про-

жила.

А вот это слышать было больно...

11. Глава, в которой герой чего-то не понимает

– Но ведь этого не может быть, – хрипло произнесла Мун, как-то резко бледнея. Пауль же очень хотел встряхнуть головой и сбросить с себя наваждение. Потому что рассказ рассказом, а он все сильнее ощущал себя привороженным.

Сейчас Мун смотрела на него – и в её глазах было все. Нетерпение – ведь он так и не договорил, искренняя заинтересованность, не фальшивая, не та, что ищет у тебя большие места. Ей ведь не зачем пробираться к Паулю в душу. Наверное, поэтому она уже в ней...

И боль.

В её темных глубоких глазах плескалась боль. Настоящая, незамутненная, сильная. Если Рику она не очень сочувствовала, просто из вежливости, то из-за Мег, кажется, расстроилась совершенно всерьез.

Она расстроилась из-за его сестры. Чужой ей женщины, вообще-то.

– Почему не может? – он чуть потянулся, забрал себе кожаную флягу из-под воды, приложился к ней ртом, но допивать не стал – оставил два глотка для Мун. Она все донимала его вопросами, а пить наверняка захочет. – Думаешь, по нраву пустынночку пришлась распущенная северянка? Я слышал, тут у вас в норме вещей непокорную жену босую в

ночь к голодным хорлам выгнать.

– Есть такой обычай, да, – Мун скривилась настолько неприязненно, что Пауль аж пожалел, что завел разговор в эту сторону. Надо было поднапрячь извилины и вспомнить что-нибудь из уроков астрономии, рассказать какую-нибудь чушь про звезды, про какую-нибудь из самых любимых жен Мафрея... Когда-то он знал всю эту чушь, отец заботился о том, чтобы сыновья были образованными, а не только подковы голыми руками разгибали для развлечения. Вот и надо было голову в дело пустить, а не кровавыми сказками девочке голову морочить.

– Ну так, что невозможного в моих словах? – Пауль поднял брови.

– Истинная связь двух магов... – Мун запнулась, будто шаривая каждое слово, – это ведь дар от богов, понимаешь?

– Не очень, лилия моя, – Пауль криво усмехнулся. Новое прозвище для девушки просилось на язык чуть ли не с того момента, как она выбралась с ним на этот балкончик. Тогда-то, только скользнув взглядом по нежной коже, Пауль и вспомнил золотистые прохладные лилии из сада матери.

Пять лет не вспоминал. Пять лет ничего кроме смерти во сне не приходило. А тут вынырнуло из памяти, как никуда и не терялось. И стало как-то спокойней.

– Не твоя я, герой, забыл, что ли? – устало проворчала Мун.

Как же хотелось потянуться, провести пальцами по ху-

денькому предплечью. И посмотреть, вздрогнет ли эта красotka, тронет ли румянец кожу на этих нежных щечках.

Нет, все-таки ночь настраивала Пауля совершенно не на тот лад. Ему сейчас хотелось так-то куда большего, но более дерзкие мыслишки он старательно отстранял на второй план.

– Не присыпай мне раны солью, дай помечтать, – Пауль вздохнул. – Лучше расскажи про истинную связь, что знаешь, потому что я о ней не знаю совершенно ничего.

– Мечтай, пожалуйста, я, может быть с тобой вместе помечтаю, может быть, даже о тебе, – Мун, маленькая насмешница, разумеется, не смогла не ответить. Как маленькая пустынная юркая саламандра, та, которая кусается, не горячо и даже не очень больно, но все-таки ощутимо.

Прикоснуться к маленькой колючке захотелось еще сильнее.

– Рассказывай, Мун, – Пауль чуть сглотнул, избавляясь от сухости во рту и от части озабоченных образов в голове.

– Я знаю, но немного, – предупредила девушка, – знаю, что истинные – если они бывают, чаще всего друг другу подходят идеально. Они чувствуют друг друга, любят примерно одно и то же, живут будто в одном темпе. Один чего-то хочет – другой это чувствует и дает. Истинные – это как две части одного камушка. Сложишь вместе – срастутся намертво. Вот только богиня любви Нии-Фей, что вяжет нити истинных – жуткая ленивица, и вяжет эти нити пару раз в год. Говорит, что плоха та любовь, что достается смертным без

труда. Поэтому... Пауль, неважно, что Мег была истинной для пустынного, ведь она для него была второй половиной жизни. Их дети могли родиться действительно сильными чародеями. И не мог он так быстро в ней разочароваться. Да еще и убить. Если истинная связь была, если Сальвадор её видела...

Зря он затеял этот разговор. Сразу ощутил, сколько слабых мест выставил. Нельзя это делать. Ни с кем.

Но почему с ней вышло?

Он лишь пару раз рассказывал это соседям по камере на Арене – ну, тем соседям, которые через пару недель все равно умирали. Глупый был, молодой. Надеялся, что с Арены удастся выбраться, и может быть, прихватить друга или двух.

Не было на Арене друзей. Даже Думиса, тихий наивный большеглазый Думиса, так долго притворявшийся наивным дурачком, попавшим на Арену случайно, Паулю другом быть перестал довольно быстро.

А как втирался в доверие? Как плакался по ночам по несчастной матери, оставшейся без кормильца? Даже Пауль ему поверил. Хотя уж он-то привык к тому, что в рабах на Аренах часто ходит конченный сброд. Это их с Риком взял распорядитель Арены, впечатлившись мускулатурой братьев Ландерсов. Вложил, так сказать, в будущее. Но их хотя бы обучали, как “ценный вклад” хозяина Арены. И вообще содержали в приличных условиях. Чаще всего на Арену отправляли убийц, воров, и прочих, тех, чью смерть никто

бы не оплакивал. Кого можно было и голодным мантикорам скормить, и на пушечное мясо умелым гладиаторам отдать.

Но Думисе Пауль поверил. Почему-то.

Это уже потом он узнал, что Думиса пришел на Арену сам. Мастер ядов, погрязший в долгах и решивший развлекать толпу – ведь за это свободным хорошо платили, да и женщины вольных гладиаторов любили. Владел мечом Думиса неважно, но зато прекрасно стрелял отравленными дротиками из специальной трубки...

А еще – он прекрасно втирался в доверие, договаривался с надзирателями гладиаторов-рабов, подсеялся к ним “соседом” и давил на жалость и стыд.

Ведь не столь уж многие рабы-гладиаторы готовы убивать раз за разом. Иной может и поддаться, потеряв желание жить ради того, чтобы дарить смерть. Тем более если против тебя выйдет тот, кто еще вчера тебя штопал и назывался твоим другом, кто знает о твоих потерях и рассказывал тебе о своих.

Впрочем, хитрость Думисе с Паулем не помогла. А вот Паулю хитрость Думисы очень помогла. Точнее его подлость и любовь к ядам.

Кто знал, что халиф очень любит смотреть на бои Ариш Тель Лана? Пауль даже не подозревал. Хоть и заметил в какой-то момент, что кормить его стали гораздо лучше, чем других. Но не думал, что все так, мало ли среди посетителей Арены богатеньких меценатов? Он слегка надеялся, что его

с Арены выкупят, ну или халиф свободу подарит, но все вывернулось совсем в другую сторону.

– Пауль, – Мун коснулась сжавшегося по инерции кулака Пауля, заставив его вздрогнуть и снова уставиться на девушку. Лишний раз удивляясь, как сразу не был ослеплен этой странной пустынной лилией. И как у того сброда вообще поднялась рука прикоснуться к ней, да еще и с грязными намереньями.

Эту девушку хотелось любить. Неторопливо, со вкусом, постепенно складывая целый мир к её ногам.

И дело сейчас даже было совершенно не в её красоте. Хотя красивая она была до одури, был бы чуть повпечатлительней – потерял бы сознание. Но предпочитал любоваться. Украдкой и прямо, без разницы, лишь бы не отрывать от неё глаз.

Дело сейчас в основном было в искренности, таящейся на дне этих колдовских глаз.

– Я что-то не то сказала? – тихо спросила девушка, явно восприняв его напряжение на свой счет.

– Ну что ты, лилия моя, – горько откликнулся Пауль. – Вот только я не знаю, что видела Сальвадор. Но знаю, что Мег умерла, еще когда мы с Риком пытались выйти из пустыни.

– Как вы узнали? – Мун недоверчиво прищурилась.

Пауль тихо вздохнул, прикрыв глаза. Вспоминая. Вспоминая, как на пятый день, когда они с Риком спали, чуть не съезжившись вокруг крохотного костра – пустыня послала им тогда “подарочек” в виде одного достигнутого хорлами пу-

стынного странника, и двух тюков с его вещами – с тряпками, если быть точнее. Еды при путнике было – ровно две краюшки хлеба, во фляжке болталось три глотка какого-то травяного чая, Рик и Пауль честно разделили их напополам, чтобы продлить свою агонию. Из тряпок соорудили костер, не особо заботясь о стоимости тех тряпок. Жертва хорл с них уже бы не спросила. Тем более, что это явно был то ли вор, то ли контрабандист. Иные по пустыне вне каравана не шлялись.

Спали беспокойно, просыпались от далекого холодного воя вайг и от вторящих им пустых желудков братьев Ландерсов. Зажевывали голод какой-то горькой травой, сытости и сил она не добавляла, но хотя бы нестерпимое желание сожрать собственную руку притупляла. И спали. Пытались.

Скрутило на рассвете. Скрутило так, что двое взрослых, не раз встречававших в драку и знающих, почем фунт боли, мужчин, валялись на белом песке и выли от боли, не в силах шевельнуться.

Скрутило кровной связью. Той, которая и была причиной того, почему за косяк Рика прилетело и Паулю. Потому что они были братья и явились вместе.

Боль не отпускала с четверть часа. Она выжала их до бессилия, до того, что не держали ноги и не шевелился язык. Впрочем это было и не нужно.

Обоим братьям Ландерсам было тогда понятно – что-то случилось с Мег. Это её магия взывала в предсмертном вое,

это её магия дернула за нити кровной связи, будто надеясь, что они смогут прийти к ней на выручку.

Увы. Они не могли. И Рик, и Пауль магами были никакими, навыков Пауля хватало, только чтобы костер разжечь или яблоко поймать у земли, чтобы тонкая сторожевая сеть заклинания у соседа не сработала. Не умели они создавать телепортов, да и Мег не умела, хотя она-то и была в этом очень одарена.

Мун дослушала этот рассказ, не моргнув глазом ни разу. Бледная такая, ни единой кровинки в лице не было. Замерзла?

Пауль поднялся, шагнул в комнатушку, отведенную ему для сна господином Аманом, взял с кушетки тонкое одеяло, вернулся обратно на балкончик и опустил его на плечи Мун.

Никогда на него женщины не смотрели так пораженно. Такое ощущение, что удавке в его руках она бы удивилась меньше.

– Вот такая вот истинная связь, лилия моя, – Пауль вздохнул, снова опускаясь на пол и скрещивая ноги, – может, Рик и был не прав в том, как себя повел на судилище. Может быть, я не прав, что предъявляю этот счет именно Сальвадор. Я даже не знаю, могла ли она это предвидеть. У меня, знаешь ли, нет возможности с ней побеседовать. Но суть в том, что она отказала нам, сказала, что моей сестре с её истинным будет лучше. А моя сестра не прожила и недели. Не пары лет даже, недели, Мун. Это счастье с истинным, как ду-

маешь. Стоило оно того? Это лучше того исхода, в котором мы бы вернули Мег домой?

Девушка молчала, лицо её как-то странно замерло. И сама она зябко куталась в покрывало и избегала взгляда Пауля. Ужасно растерянная, погруженная в свои мысли.

Самое обидное было в том, что уже через несколько часов ей возвращаться домой к хозяину. А Паулю – искать продавца воды, возможную подработку и идти на поиски самого удаленного от Хариба оазиса.

И что дальше? Все свидания с этой нежной лилией только во снах?

– Знаешь, Пауль, – Мун провела ладонями по щекам, будто пытаюсь стереть с лица какой-то налет, – я, пожалуй, не буду дожидаться рассвета. Я пойду домой сейчас. Мне что-то нехорошо.

Кажется, настал черед Пауля озадачиваться вопросом – что и где он сказал не так.

12. Глава, в которой намечаются неприятности

Ей не удалось отделаться от Пауля, который всерьез вознамерился пойти её провожать.

– Час почти рассветный, – Пауль пожимал плечами, затягивая под плечом ремешки кожаного наплечника, – духи уже засыпают, а вот шваль всякая как раз просыпается. Так что лучше я с тобой пройдуся, лилия моя, продышусь заодно. Утренний воздух – свежий. За завтрак сойдет.

Он никак не хотел прекращать называть её вот так. И когда она третий раз сделала ему замечание, что “моя” в адрес чужой рабыни звучит неправильно, Пауль лишь вздохнул и сказал, что это звучит не неправильно, а мечтательно. Ему бы, мол, хотелось, чтобы он мог называть её так по полному праву, увы, судьба ему это не позволит.

А ей хотелось только вцепиться ногтями в кожу своих щек и содрать её, обнажить сущность, чтобы засияли знаки духа и на лбу, и по всему её телу.

Но зачем ей этого хотелось?

Пауль ведь не понимал, кому это говорит.

Он не понимал, что смотрит не на кого-нибудь, а на ненавистную ему Сальвадор.

Перед тем как пойти и разбудить Падме, Мун улучила минутку и заскочила в умывальную комнату. Просто потому

что, кажется, только так она могла побыть наедине с собой. Так вот, без причины и какого-нибудь обычая Пауль от неё отставать не хотел.

Именно поэтому, после того как за её спиной задернулась циновка, пряча её от Пауля, девушка не сразу даже прикоснулась к воде, хотя умыться ей сейчас точно не помешало бы. Кожа лица грозила закипеть от бессильной яростной боли, что кипела сейчас в крови Мун.

Ей хотелось только ослепнуть. И оглохнуть. Как и всегда, когда гибли её девочки, её сестры, всякая из тех, кого касалась её рука. Даже по рассказу Пауля – Мег просила у Сальвадор благословения. Если просила – значит, получила.

То что описывал Пауль... Оно действительно могло произойти. Что можно было действительно легко найти в Махасаре, так это смерть.

Нет, претензии у Пауля были, конечно, смешные.

Мун промолчала о том, что не в праве Сальвадор было спорить с волей Нии-Фэй, предназначившей Мег кому-то из детей пустыни. У богини любви был свой промысел. И она тоже была на него благословлена солнцеликой Ши-Ра.

Мун промолчала о том, что это право женщины – выбирать её судьбу. На этом Сальвадор стояла крепче всего. И не намерена была изменять своим правилам из-за тысячи возмущенных братьев, отцов и мужчин, не желающих слышать слово “нет”.

Мун промолчала наконец о том, что очень странно адре-

совать претензию Сальвадор к смерти, что произошла без её участия. Кровная магическая связь – она ведь не сказала, почему умерла Мег. Не от руки же Сальвадор, так? А сама пустыня убивала прекрасно, здесь одних голодных духов, магических тварей и просто всякого голодного до чужого добра сброда было предостаточно. Далеко не все маги могли с этим справиться.

Умерла – да. По иному поводу кровная связь не срабатывала. Она и вправду просила помощи. Но, видимо, и Пауль, и Рик – тоже магически одарены были. Незначительно, не как сестра, и явно не очень занимались этими талантами, да и что сказать – обучение чародейству стоило дорого. Многие маги были самоучками, складывали чары по интуиции, за всю свою жизнь покупая от силы пару учебников по магии.

Но братья Ландерсы точно были способны, кровную связь тоже могли прочувствовать только люди с магической искрой в сердце. Вот только чем могли помочь балбесы старшие братья? Ничем не смогли.

Но все-таки... Да, все ясней становилось, откуда в памяти столько дыр и путаницы. И тогда ей тоже было больно. И тогда тоже хотелось только забвения, которое не мешало бы ей исполнять долг.

Мег не стало. Её сестры не стало. Через несколько дней после того, как она даровала Мег свое благословение. Оно ведь имело силу. Оно должно было принести ей счастье. Но что-то случилось. Не обошлось без какой-нибудь демониче-

ской твари, только они могли обходить благословения пустынных духов.

И как же это было паршиво. Был ли вообще смысл хоть за что-то воевать в этой пустыне?

Если все равно день за днем здесь гибли её сестры.

Если все равно оставались демоны, духи, боги – которым было плевать на несправедливость, которые жили как им хотелось.

Нет, это все пустые мысли, Сальвадор останется верна по смертной клятве, до тех самых пор, пока никто не оспорит её право держать кинжалы справедливости. До тех пор – она будет воевать. И если хоть одной спасенной судьбой станет больше – значит, благословение Ши-Ра она получила не зря.

Но как же горько, горько ощущать собственное бессилие. Когда кажется, делай, не делай – все равно ничего не меняется...

Она не могла плакать долго. Она вообще не должна была плакать – там за циновкой стоял и ждал её Пауль. Вот только не оплакать Мег, еще одну без времени ушедшую в чертоги предков сестру, она не могла... Если бы она разучилась чувствовать боль за других – тогда цена бы её Суду была небольшая.

– Ну, что ты, Салли, – шепнул эфир, и стало еще хуже. Только не он, только не сейчас...

Но нет. Все назло её желаниям. Именно он, именно сей-

час.

Эльяс проявился за её спиной, отражаясь в мутноватом зеркале. Во всем своем полуголом татуированном величии. Подлинный нарцисс, во всем его самовлюбленном великолепии.

– Неужто ты плачешь? – проникновенно шепнул он, и одно из его крыльев скользнуло по коже плеча Мун. Под покрывалом. Мерзавец не чурался пользоваться магией, зная, что её тошнит от подобных грязных прикосновений.

– Коснись меня еще раз, Эльяс эль Мор, и я вырву твои шайтановы крылья голыми руками. – прошипела девушка и повернулась к Ворону лицом.

– Ну-ну, зачем так официально, Салли, я же говорил тебе, называй меня просто “мой король”, – нагло осклабился Ворон, но перья свои подобрал.

– С удовольствием вырву вам язык, мой король, и заставлю вас его сожрать, – ядовито улыбнулась Мун, сложила ладони перед лицом и даже поклонилась.

– Ты такая дерзкая, Салли, – Эльяс прицокнул языком, – я вот все думаю, какой смысл у твоего непослушания. Ты знаешь волю судьбы. Ты станешь моей. Я ведь все тебе припомню, когда ты сдашься. К чему так нарываться на неприятности?

– К тому, чтобы судьба поняла, что это была весьма паршивая идея? – холодно уточнила Мун, скрещивая руки на груди.

– Поздно, Салли, эту судьбу уже вовсю нам обещают люди Махасара. Сдалась бы ты уже наконец. Я, может быть, даже не буду тебя наказывать за все твои выходы.

Она качнула подбородком, не говоря ни слова. Не существовало в этом мире слов, которые объяснили бы Эльясу эль Мору, что в мире существует что-то кроме его желаний и претензий. В сложившейся ситуации она даже не понимала, почему он так легко поддается воле этой сказки. Видимо, ему понравилась идея, что самая непокорная змея Махасара может принадлежать ему.

Самое поганое было в том, что духи и боги и вправду подчинялись людской воле. Люди придавали им форму, люди часто придумывали им историю.

Людская фантазия дала Сальвадор форму Королевы Скорпионов, дала ей её реликты, которыми она и вершила свой суд. Людская же фантазия вязала для неё нить судьбы, связала её с Эльясом.

Вот только молчала она не зря. Именно Сальвадор было позволено нитям судьбы не следовать. Хорошо, что в свое время она выпросила у Шии-Ра инструмент для рассечения ненужных ей нитей.

Нужно будет избавиться и от этой “судьбы”. Только дождаться, пока Ворон снимет с неё проклятие, и можно будет отвести душу. Рассечь связь, прикончить Ворона. И в пустыне точно будет свободнее дышать.

Шии-Ра, как теперь этого дождаться?

– Чего ты хотел, Эльяс? – она чувствовала себя разбито, и все, что ей хотелось – побыстрее закончить эту неприятную беседу.

– Ты плакала, Сальвадор? – хмыкнул Эльяс. – Что случилось? Неужели мое пожелание на ночь тебя так напугало?

Пожелание. Как мило он называл свою порчу. Впрочем, нет, порча испортила ей настроение куда меньше, чем история Пауля.

– Твое какое дело, Эль? – Мун склонила голову.

– Я радушный хозяин, Салли, – усмехнулся Эль, – ты – моя гостья, как-никак.

– Какие законы гостеприимства диктуют проклинать гостей на ночь?

– Мои, – Ворон самодовольно улыбнулся. Ну да, у кого она спрашивала? У демона? Который жрал жертвы как не в себя, потому и прослыл Королем Голода, и каким-то непостижимым образом вознесся в боги. Но жил-то он по-прежнему, как демон, слушая лишь только свои капризы.

За циновкой, закрывавшей вход в умывальню, кашлянули.

– Все ли в порядке, лилия моя? – неловко спросил Пауль. Ох, это он не вовремя в разговор влез.

Тонкие черные брови Эльяса поползли выше.

– Лилия? Его? Ты? – с ехидным гневом поинтересовался он. – И ему ты позволяешь называть тебя так?

Ну надо же, простой смертный щелкнул Эльяса эль Мора

по его длинному наглому клюву? Задел его самолюбие.

Да, Паулю она позволяла. Просто потому что он Сальвадор умудрялся не раздражать. Даже в его неприязни к ней истинной заключалась любовь к сестре, а не собственнические замашки.

– Ты сам втянул его в эту игру, Эль, – раздраженно скривила губы девушка и шагнула сквозь призрачную магическую форму Ворона.

Почему она сразу не ушла? Нет, надо было пойти проплакаться... И время потеряла, и на эту неприятную беседу нарывалась.

Одно хорошо – всю эту их эфирную болтовню смертные слышать не могли.

– Идем, Пауль, я разбужу Падме, – шепнула Мун. – Без неё охранных чар с дверей не снять.

– Я слышал шаги внизу, – Пауль кивнул вниз, туда, где была комната для гостей, – может, хозяин уже проснулся?

Он и не спал, ему это не нужно было.

Мун очень хотела бы, чтобы Пауль ошибся. Потому что если Эльяс решил их “проводить” – ничего хорошего в этом не было. Он, конечно, мог просто так выйти, поехидничать напоследок, вывернуть что-то вроде вчерашнего, когда он практически вынудил Пауля высказаться в адрес Сальвадора при ней же. И хорошо бы, если бы дело обошлось только этим. Но лучше было бы, если бы он и вовсе не встал.

– Доброго вам рассвета, – раздался доброжелательный го-

лос, стоило только Паулю оказаться на последней ступеньке витой лесенки, уводящей на верхние этажи дома, – пожелал бы утра, но это несколько опережает события.

Нет, увы, все-таки встал и выжидал. Ворон он и в человеческом теле ворон.

– Доброго вам утра, господин Аман, – сердечно кивнул Пауль, прикасаясь раскрытой ладонью к сердцу – как и всякий воспитанный пустынный, благодарный за гостеприимство. Знал бы этот смертный балбес, что это меньшее, что ему кармически задолжал Эльяс. Хотя с Ворона станется и вовсе забыть про какие-то его долги.

Он сидел на полу, у столика, на цветных подушках, без чалмы, с испачканными углем пальцами, которыми только что-то чертил прямо на деревянной столешнице.

Такой весь из себя домашний волшебник в узорчатом халате, будто и вправду вскочил с утра пораньше, окрыленный внезапным магическим озарением. И только Мун видела истинную форму Эльяса, парящую рядом с его человеческим телом, скрестившим руки на груди.

Ох и не понравилось ей его выражение лица и тот хмурый прищур, с которым он смотрел на Пауля. Будто уже прикидывал что-то.

– Вам хорошо спалось, гости дорогие? – любезно улыбнулся Аман. Слишком любезно. А ведь Пауль-то наверняка примет это все за чистую монету.

– Что ты задумал, Эльяс? – она подумала это достаточно

громко, чтобы Ворон её услышал, но он лишь скользнул по её лицу своими темными глазами, а потом надменно усмехнулся уголком рта. Без ответа.

– Я мало спал этой ночью, но за кров и прием спасибо, господин Аман, – Пауль коротко кивнул, – если бы я мог быть вам полезен...

– А вы можете, господин Ландерс, – задумчиво протянул Аман, – впрочем, это ждет. Вы хотели проводить нашу лучезарную? Идите, не буду вас задерживать. Зайдите ко мне, как проводите, обсудим дело. На тех же условиях, разумеется, клятву я продлю еще на визит.

Сказал и сделал – над пальцами чародея тут же вспыхнула оранжевая руна.

Ох, нет, Ворон точно что-то задумал, и ничего хорошего он придумать не мог.

“Пауль, не надо”, – увы, это она сейчас могла сказать только мысленно. Иначе пришлось бы объяснять. И проигрывать в пари.

А он...

– Да, разумеется, я приду, – Пауль протянул Амону ладонь, обмениваясь рукопожатиями. Черная змея клятвы снова вспыхнула на запястьях их обоих, соприкасаясь с руной продления действия. Договоренность заключена.

– Ну что ж, тогда до встречи, господин Ландерс, – широко и ужасно фальшиво улыбнулся Аман, – удачной прогулки, цветок моей души. Надеюсь, хозяин тебя сегодня обижать не

будет.

С тихим звоном растаяли чары на входной двери.

Ох, неспроста Эльяс её так выпроваживал. Ничего хорошего он Паулю не предложит...

13. Глава, в которой герой пытается прощаться

По пустой, уже светлеющей улице Турфана Мун шла молча. Где-то вдали допевал свою песню одинокий вайг, но это было слишком далеко, чтобы Пауль всерьез обеспокоился нападением.

Молчание разговорчивой и такой смешливой девушки его напрягало все сильнее.

Все-таки он её где-то обидел. Может, она была из тех, кто верил в Сальвадор?

Ну, наверное, да, в пустыне её и боялись, и уважали. А женщины – еще и надеялись.

Пауль слышал краем уха, что к капищу Сальвадор даже ходят паломницы. Горстями носят от алтарного камня белый судилищный песок, зашивают его в ладанки, по чуть-чуть, по малой щепоти, и продают женщинам. За бесценок, лишь бы оправдать затраты на ткань для ладанок.

Две капли крови на ладанку, и Сальвадор услышит, и придет. Кто-то боялся брать ладанки, опасаясь гнева мужей или отцов, но многие все равно брали. Верили в её защиту.

Может, и Мун тоже верит?

Так Пауль ведь не вкладывал ей в голову своих мыслей, просто рассказал свою историю. И она ведь сама спросила.

Может, стоит сказать, что её веру Пауль оскорбить ни сло-

вом не хотел?

А может, она все-таки в нем разочаровалась? Наверное, его откровенность показалась чрезмерной.

Они дошли быстро, и у той самой задней двери в стене, защищающей поместье господина али Хмара Мун остановилась, почему-то не торопясь доставать из кармашков тонких шароваров ключ.

Ему надо было сказать “прощай” ей, здесь и сейчас. Ведь смысла нет оставаться в Турфане, здесь он очень быстро попадетсЯ, да и в жизнь ему не выкупить Мун у её хозяина, невозможно же, чтобы его пустынную лилию оценили за дешево. Тем более что где спрос – там и цена, часто неподъемная. И нужно, нужно обрезать эту нить, сказать то, что следует, признать уже для самого себя, что больше он её не увидит...

А Пауль смотрел на её спину и ужасно хотел к ней прикоснуться. Провести пальцами сверху вниз, а потом коснуться другой своей ладонью нежного живота, вздрагивающего под тонким белым сукном. Стиснуть бы её в руках. Хоть на секунду ощутить своей. Ощутить, как она трепещет в его объятьях. Такая хрупкая, такая желанная – его лилия.

– Не ходи к Аману, Пауль, он жуткий прощельга, он и тебя проведет, – отрывисто произнесла Мун, резко поворачиваясь, а затем устало потерла глаза. Ну, да, она же не спала сегодня толком. Может, это и есть причина её молчаливости.

Подумал – и эту нежную лилию стало немножко жаль.

Стоило, наверное, не рассказами её занимать, а попробовать успокоить и заставить поспать.

– Я обещал ему визит, не дело отступаться от слова, – откликнулся Пауль, – да и потом, он меня не выдаст, почему нет? Знаешь, немногий осмелится принять в гостях меня, так что не отблагодарить – как-то некрасиво.

– Он должен был мне, – Мун качнула головой, – ты сказал ему спасибо, это – достаточная благодарность. Вот еще, бегать по его поручениям. Не ходи, Пауль.

Она обернулась к нему, даже ладонью коснулась его кожи – рядом с сердцем. Ох, шайтанова бесовка, нельзя же так.

На Арене к Ариш Тель Лану женщин пускали. Не сразу, лишь только тогда, когда он “начал оправдывать затраченные на него средства”, после того как из подвальной камеры для простых рабов перевели в камеру, которую можно было спутать со спальней богача, если бы не то, что когда Пауль был “у себя”, дверь этой “спальни” всегда была закрыта на два обычных замка и один магический. Впрочем, у себя он бывал редко. Те дни, что не были заняты боями, были заняты тренировками.

Но, если говорить о женщинах – горожанки Хариба любили гладиаторов, и чем успешнее был гладиатор – тем больше любили. Даже рабское клеймо не отбивало молодым вдовушкам или неверным женоушкам той любви.

Пауль не то чтобы был охоч до женщин, скажем честно, на Арене его интересовало только одно – как бы извернуть-

ся и с неё сбежать. Но смысла отказываться от прыгающего в ладони удовольствия обычно не видел. Тем более, что гостили у него молодые да красивые – ведь гладиатор должен наглядно ощущать, как к нему благоволит хозяин Арены.

Вот только никогда до этого у него не перехватывало дыхание от одного только прикосновения тонкой теплой ладошки. Сердце в груди аж взбрыкнуло, как гордая необъезженная лошадь.

Исчез весь мир, весь город, все остальные люди. Все, что осталось для Пауля, – глаза Мун. Темные, бездонные, те самые, в которых он уже пропал насмерть. С того самого первого взгляда в них.

Какая же красивая. До одури. Сейчас – со смытыми с лица белилами и сурьмой – она стала еще нежнее, еще красивее.

Ладонь Пауля легла на тонкую ткань белой рубашки, ощущая, как вздрагивают под ней лопатки девушки. Поползла вниз, к талии. Нет, не ниже, ни в коем случае, Пауль, это тебе не дешевки с Арены. В Мун чувствовалась сила, достоинство. Даже будучи рабыней, она гордо смотрела в глаза. Наверное, поэтому Пауль не мог от неё оторвать глаз. Его всегда зачаровывала сила слабости. Слабого цветка, что пускал корни в камень.

Она не позволяла и этого сближения. Но не оттолкнула, замерла, глядя на Пауля, будто не понимая, что делать. То ли растерянно, то ли напуганно. А Пауль только усугубил. Надавил на её талию, придвинул к себе. Заставил девушку

прижаться к нему, к его голой коже. И стало еще жарче, еще дурнее.

И кажется, в её глазах плеснулся страх. Ну еще бы, в конце концов, медвежьи габариты Пауля наверняка заставляли её чувствовать себя уязвимой.

– Не бойся, – умоляюще произнес Пауль вслух, вдруг враз осипшим голосом, а затем сам себя обругал мысленно – придумал же, полезть со своими объятиями к чужой рабыне, и где – у задней двери дома её хозяина. В предрассветный час, посреди городской улицы, когда любой может пройти мимо и стать свидетелем подобного возмутительного поведения. Еще бы ей не бояться. Она – местная, и ей не сбежать – с её-то ошейником. Поймай их кто – ей ведь за это расплачиваться предстоит.

Но никого не было, на счастье Пауля. Никто не мешал ему похищать у хозяина Мун её тепло. И он лихорадочно пытался украсть у него все, что только возможно.

"Ну же, только оттолкнись", – умолял он мысленно. Это бы помогло, обязательно. Меньше всего он хотел становиться тем зверем, что держит в своей хватке брыкающуюся женщину.

Нет. Не отталкивала. Все так же стояла, будто в раздумьи, что ей делать в этой ситуации.

Они столкнулись взглядами, а кажется – переплелись, срослись, будто два дерева, чьи семечки упали в землю рядом. Или это казалось только ему? Да, казалось. Хотелось,

чтобы так и было.

Отпустить бы, да вот только руки совершенно не разжимаются.

Нежная ладонь скользнула по его коже выше, к шее, оставляя после себя раскаленный след. Она клеймила его. Самой собой.

Кажется, не всю отраву из Пауля вывел Анок. Определенно какой-то яд в его крови еще оставался. В битве со своим дыханием, становящимся все более рваным, он проигрывал удар за ударом.

Он сдерживал себя всю ночь. Ему ведь хотелось – хотелось хотя бы сжать её в своих руках, снова, не украдкой, в открытую. А если получится – похитить у неё и большее. Если она захочет...

И хотел, и смотрел, и ругал самого себя, убеждая, что нет, ему кажется. А сейчас? Сейчас ему тоже кажется, что ей он все-таки симпатичен?

– Не ходи к Аману, – эта пустынная лиса совершенно не желала униматься, – пообещай, что не пойдешь.

– Не предложение для купца, лилия моя, – Пауль слегка усмехнулся, – ты предлагаешь мне не исполнять обещание, а цены не назначаешь.

– Я думала, ты воин больше, чем купец, Пауль, – её ласковый тон будто прошелся по коже пушистым лисьим хвостом. Лиса, как есть лиса. – И что же за цену ты хочешь?

– Один твой поцелуй, – нахально улыбнулся Пауль, – и я

уйду из Турфана, не заворачивая к Аману.

Это была форменная наглость, против приличий и традиций, но ведь это в пустыне существовало семь видов брака, один из которых “брак из страсти”. И тут традиции нарушались.

Но если согласится – это ли не будет означать, что Пауль ей нравится?

Мун закатила глаза. Ну что поделаться, может, и предсказуемо. Но может быть, хоть это ему поможет. Хотя бы её отпустить. Сейчас, когда настолько рядом стояла перспектива окончательного с ней расставания – это было сложно. И кто вообще из богов решил, что выдать Паулю его бычьей силой – хорошая идея? Вот сейчас, стиснул бы еще крепче, прижал к себе, чтобы хоть как-то затушить прохладой её тела собственный пожар, рвущийся из-под кожи. Да только Пауль же знает – так он может переломать хрупкой девушке все кости.

– Какой же ты все-таки... герой, Пауль, – по губам Мун пробежалась улыбка, едва тронула их – задела самый краешек губ. Кажется, это был комплимент, хотя Пауль его не очень и понял.

Зато заметил, что это она произнесла, не отрывая своей руки от его кожи. А потом чуть потянулась к нему.

Ей не нужно было делать больше. Он обрушился на неё так, будто был голодным львом, а она – газелью, которую он выслеживал полдня.

Она ведь могла сшельмить, могла коснуться губами его

щеки и заявить, что цена уплачена, но Паулю хотелось совершенно другого. Поэтому он и впился голодным ртом в губы Мун, не давая ей никакого пространства для маневра. И небо над головой задрожало, грозя разразиться раскаленным дождем.

Шайтанова бесовка, почему у неё такие сладкие губы? Нежные, прохладные, на вкус – ежевичный сорбет, не иначе.

Его забвение, его наваждение, его проклятие.

Он ведь должен был не останавливаться, должен был бежать дальше. Но он не мог оторваться от неё. И сейчас – сейчас, ему будто улыбнулась сама солнцеликая Ши-Ра.

Ведь Мун – целовала его в ответ.

И он бы, он бы целовал её еще час, не иначе, но она, оправдывая свою лисью сущность, позволила ему всего пять мгновений, а потом подалась назад, разлучая рот Пауля со своим.

Пауль тяжело дышал, хватая ртом воздух. Он даже позволил Мун выскользнуть из его рук. Все-таки это сработало. Это утолило тот голод по этой девушке, что все сильнее одолевал Пауля. Но это же сделало и хуже.

А Мун... Мун была смущена до крайности, даже глаза от Пауля прятала.

– Не было условия, чтобы целовать в губы, – сердито буркнула девушка, топая ногой и скрещивая руки на груди, – ты повел себя как жулик, Пауль Ландерс. Ты так вел себя со всеми, с кем заключал сделки?

Шельма обвиняет жулика, что он её обобрал. Это было

действительно забавно, она и сама это понимала, поэтому с трудом подавляла улыбку.

– Прости, я не удержался, – Пауль виновато развел руками, – и плох тот купец, что отдает товар по-дешевке. Я же вряд ли увижу тебя снова. В Турфане мне задерживаться нельзя. Но я тебя не забуду, красивая.

Мун опустила ресницы. Ему померещился этот негромкий невеселый вздох, что сорвался с её губ? А потом она встряхнула головой, уставилась на Пауля с показной беззаботной радостью.

– Ну что ж, прощай, Пауль Ландерс, – произнесла она, – и пусть тебя хранит Шии-Ра, я очень рада, что тебя встретила.

Он шагнул к ней, обнимая без спроса, снова, стискивая настолько крепко, насколько мог.

– Увидимся во снах, Мун? – мягко спросил Пауль, разжимая руки и встречая взгляд девушки. У него силы сказать “прощай” не было.

– Непременно. Только не опаздывай, – шепнула Мун и шагнула к своей калитке.

14. Глава, в которой герой выживает, как умеет

Турфанский рынок был громогласен и ярк. Здесь пахло специями, множеством мелких чар, которыми пользовались в основном торговцы. Сильному чародею лицензию купца бы не выдали, но подсветить вывеску, усилить запахи, исходящие от твоего пекарского прилавка, – было не запрещено.

А еще на турфанском рынке было гораздо больше людей, чем Пауль ожидал.

Его дважды пытались обобрать мальчишки-карманники, велись на тугу набитый кошель на поясе. Мальчишек Пауль ловил за пальцы, отвешивал им звонкие щелбаны, слушал отборную ругань своих жертв, закатывал глаза и шагал дальше, в поисках нужного ему торговца.

Мальчишки ведь не знали, что кошель набит мелкими камушками и в первую очередь служил Паулю вместо кистеня. Ведь не всегда и не везде удобно хвататься за меч.

Ну и... Воин в гладиаторской броне, с кошельком на поясе – куда меньше похож на беглого голодного гладиатора, чем тот же воин, но без кошелька.

Разумеется, продавца воды можно было найти и у рыночных ворот. Но и купить там воду в четыре раза дороже, чем у какого-нибудь доходяги, у которого хватило денег только на место в самом дальнем ряду торговых прилавков.

А еще нужно было найти какого-нибудь алхимика. Из тех, кто точно возьмет эти шайтановы железы арахнида, и не дешево. Еда Паулю тоже была нужна. В котомке, конечно, маялась половина каравая, отданного Мун, но его Пауль касаться пока не хотел. Было не очень радостно вспоминать о девушке, которую он не мог ни выкупить, ни украсть – и вообще прибрать к своим рукам.

Вот ведь. Привели же Пауля какие-то боги к Мун, а теперь он ходил как дурак по турфанскому рынку и пытался о ней не думать.

Наверное, потом будет полегче, когда он уйдет из Турфана. Когда пройдет время. А сейчас в груди болезненно ныло то, что —Пауль искренне верил – скончалось где-то в первый месяц на Арене.

Интересно, скажи кому-нибудь из харибцев, что у Ариш Тель Лана может найтись сердце – сколько народу бы поверило? Ведь там, на рыжем песке Арены его рука не дрогнула ни разу. Его жизнь всегда была ему дороже любой чужой.

И вот надо же... Стоило только раз, в отработку прошлых грехов, помочь девушке, попавшей в беду – и вот, пожалуйста, выбросить её из головы у Пауля не выходило.

Железы арахнида сбыть удалось. Пауль нашел алхимика, от которого не разило магией совсем – тощего и лысого, совсем юного. Вообще, как заметил Пауль, очень многие алхимики были лысыми. Видимо, не сочетались длинные, да хоть какие волосы, с котлами и ретортами. Ужасно интересно, а

какой была бы в этом деле девушка? Хотя нет, Пауль все-таки представил девушку, которая обрилась наголо “ради мастерства”, и его передернуло.

Алхимик оказался щедрый. Хорошо все-таки было в Турфане. Не будь этот оазис так близко к Харибу – Пауль бы тут остался. Тем более, что тут была Мун. Пусть она не могла сама сменить хозяина, но Пауль бы не отказался от возможности хоть иногда с ней встречаться.

Если бы только не шайтанова близость к Харибу. По Белому Шелковому Пути – пятнадцать дней, когда намеренно делаешь крюк от торгового пути – двадцать три. Здесь уже наверняка знают о беглом гладиаторе, халиф наверняка был в ярости, что больше Пауль его развлекать не пожелал.

Чутье заставило Пауля напрячься, когда они сторговались с алхимиком на весьма радостной для северянина цене, и парень уже отсчитывал из кошелька второй метикал. По монетке в два-три, пять колонов. Ну, в общем, подсчеты обещали чуть затянуться.

Именно в этот момент его спину будто обожгло чем.

Пауль чутью доверял – так проявлялся его слабый магический дар. Магическая интуиция была штукой полезной, именно из-за неё Пауль и начал ездить с Риком. У брата этого дара не было, зато он умел забалтывать покупателей. Тоже к стати была приятная магическая способность.

Сейчас же Пауль обернулся, скользнул взглядом по толпе. Задел взглядом ворона на плече у шута-фокусника. Птица

была загадочная и смотрела как раз в сторону Пауля, но нет, это же не могло быть той самой угрозой, которую он почуял.

Взгляд выхватил спину тощего парня, торопливо шагающего в сторону выхода с рынка. Знакомая рубаша из грязно-коричневого сукна. Кажется, один из выроdkов в подворотне, тех, что пытались ограбить Мун, носил именно такую. Неужели тот самый, с отравленным кинжалом, которому удалось уйти. Искал себе новую добычу на рынке? И сейчас он уходит прочь? Да неужто? Может, он еще и раскаялся вдруг? Нет, вряд ли это случайно, чутье по такой ерунде Пауля не беспокоило.

– Парень, ты копаешься, – с недовольством бросил Пауль алхимику, косясь на тот поворот прилавков, в котором скрылся тот тип.

– Ну вот, обсчитался, – плаксиво выругался парень, – теперь пересчитывать заново...

Пауль скрипнул зубами. Такое ощущение, что мальчишка с детства копил на эти клятые железы. Монетки-то как на подбор – самые маленькие...

И ведь надо же, именно сейчас...

А ощущение опасности выло все сильнее, все настойчивей. Требовало бежать без оглядки и как можно дальше.

Когда из того переулка вышел тот самый бандит, в компании двух стражников в белых, видных издалека тюрбанах, Пауль даже не удивился. И тому, что зашагали они в сторону Пауля, и тому, что тощий на него чуть ли не пальцем ткнул.

Чутье никогда его не подводило, не подвело и сейчас. Жаль, что оно обычно так поздно срабатывало.

Нет, страшно не было. А вот необходимость делать ноги побыстрее – имелась.

– Спасибо, пожалуй, мне хватит, – исходя из мысли “даже один метикал лучше чем ни одного” Пауль прихватил парнишку за ладонь куда он отсчитывал монетки, ссыпал мелочь в свою руку и торопливо нырнул в ближайший закоулок.

Одно было действительно хорошо в рынке Турфана. По своей структуре он напоминал узорчатый цветок. И тут и там вились от фонтана дугами закоулок за закоулком, сходились и расходились, в самые разные стороны.

Что было плохо в Турфане, да и во многих других городах объединенного Магриба – в Страже тут служили маги. Не великие, все-таки в большинстве своем они доверяли своим саблям больше, чем чарам, но все-таки способности к магии у стражников имелись. И развеять на месте выжженного клейма тот нехитрый морок, на который хватило способностей Пауля, стражникам не будет стоить ровным счетом ничего.

Паулю повезло. Он нарочно дождался времени поближе к полудню, когда на рынке было достаточно народу. Было среди кого затеряться. Вот только... Только уже после третьей развилки Пауль понял – его зажимают в клещи. Стражники уже были в курсе, кого вылавливали, и в двух проулках из трех издалека были заметны белые тюрбаны. Связались все-

таки магически, шайтан их раздери.

Все-таки надо было поискать торговца водой где-то на окраине. Но тогда бы не удалось сбыть железы. И непонятно, на какие деньги Паулю было продолжать свой путь.

Еще один проулок.

Белые тюрбаны были позади – Пауль уже ощущал, как по коже спины бежит горячий жар.

Шагнул влево – заметил замерших белотюрбанщиков у дальнего прилавка. Ждали.

Вправо – и там его ждал сюрприз. Один. Но гораздо ближе.

Кажется, без боя не обойтись.

Но драться на рыночной площади – с несколькими магами... Ох-х, какие это были паршивые условия. При всем чутье Пауля, еще с одним-двумя магами он как-то бы справился, но сейчас предстояло сцепиться с пятерыми...

Нет, все-таки лучше влево – там один всего... Он, скорее всего, сильнее, чем те двое по отдельности, это было логично. Но если налететь на него быстро – и он не успеет произнести заклинание.

По затылку Пауля тюкнул острый клюв.

Это было настолько неожиданно, что Пауль аж дернулся, выдергивая из ножен кинжал.

Ворон. Маленькая черная стремительная тень заложила вираж и пролетая мимо уха Пауля, оглушительно каркнула: “Впр-р-раво”.

У Пауля не было времени соображать.

Он быстрее на инстинктах шатнулся именно в правое ответвление рыночных рядов. Чутье говорило, что так и надо...

Острый клюв тюкнул по пальцам, сжимающим кинжал.

– Убер-ри.

Кинжал нырнул в ножны тут же.

Разумными тварями было сложно удивить купца, который в свое время прокатился не по одному городу вдоль Дульха. Но одно Пауль знал точно, за разумной тварью всегда стоял колдун. Сильный колдун. Тот, который вложил в птичий мозг умишко.

И можно же было подумать, что все-таки птица принадлежит кому-то из стражи. Кто его знает, местную стражу, может, в ней служат хорошие магики? В Харибе – сильному магу было выгоднее служить самому себе и зарабатывать на частных заказах.

Если бы не чутье. Чутье верило дурацкой птице. Но кому нужно было помогать Паулю, он ведь и знал в Турфане трех человек включая Мун.

Неужели...

– Не зевай, не зевай, – звонко гаркнула птица Паулю в правое ухо, и он дернулся в ту сторону, увидев... Хороший такой просвет между двумя торговыми палатками, пристроенными к домикам.

Нет, точно птица не магов из стражи...

Лаз был тесный. Особенно для Пауля, с его-то разворотом плеч. Пробирался боком, отчаянно вслушиваясь в крики, доносящиеся рынка.

Пролез между домами, оказался на узкой улочке. Пустой. Темной – дома тут были высокие, и нижние окна были заложены камнями. Алхимическая улица... Только они закрывали нижние этажи своих домов от света, который мог вызвать не те реакции в их колбах.

– Быстр-рей, быстр-рей, – закаркал ворон, и Пауль с удовольствием прибавил шаг. На пустом пространстве, когда тебе в спину дышали маги, оставаться было опасно.

Улочка была извилистой, и Пауль точно слышал совсем рядом ругань стражи, но ощущал, что опережает своих преследователей где-то на пару поворотов.

Выйти бы уже на открытую улицу, и там затеряться в толпе...

Вот только улочка закончилась тупиком. Дома здесь собирались в кучу, льнули друг к дружке и между ними было не проскользнуть даже тощему мальчишке. Да что там – даже тощему коту.

Пауль замер, недоверчиво глядя перед собой.

Три запертые двери. Одна синяя и две вытертые, серые.

Куда завела его шайтанова птица? Неужели чутье его подвело и лучше было оставаться на рынке?

А ворон тем временем спланировал вниз, приземлился на подвешенный у одной из дверей колокольчик и динькнул по

нему клювом. Да ладно...

Синяя дверь, белая глина, которой были обмазаны стены. Какой знакомый дом, надо же... Только кажется, теперь Пауль зашел к нему "с тыла".

Скрипнула дверь, и на крыльцо высунулась Падме. Ну точно. И ворон уселся на подставленную девушкой тонкую руку.

– Заходите скорей, Пауль, – зашипела Падме, – господин Аман не сможет растягивать путь страже вечность.

Ну что ж... Придется все-таки нарушить слово, данное Мун, и нанести визит Амону. Что ж, оставалось только надеяться, что его лилия Пауля простит. В конце концов, обстоятельства прижали Пауля к стенке.

15. Глава, в которой героя все-таки загоняют в угол

Стоило только нырнуть в прохладу и легкий полумрак дома Амана – как ремни наплечника расстегнулись. Так резко, что Пауль было решил, что их попросту рассекли заклинанием. Лишь потом, когда перехватил наруч, чтобы он не упал – заметил, что пряжки у ремней на месте. Ну хорошо, хоть наруч и был с Арены – он все-таки был добротный, и на новую броню у Пауля денег не имелось. Но колдовство точно имелось. Изящное, умелое колдовство.

Пауль снова стоял в нижней комнате Амана, той самой, в которой он принимал гостей. Сам хозяин дома, будто с места не сдвинулся с их прощания на рассвете – так и остался за столом, так и курил – правда сейчас запах табака в комнате был гораздо сильнее.

– Падме, дай ему тунику, – произнес Аман, не поднимая взгляда от бумаг на столе, – и побыстрее, у нас две минуты. Господин Ландерс, пояс тоже снимайте, не заставляйте меня вас дальше раздевать. Все-таки я предпочитаю это делать с женщинами.

– Полностью разделяю это ваше предпочтение, господин Аман, – не удержался Пауль, но пояс таки расстегнул, вместе с мечом, кинжалом и сброшенной с плеча котомкой. Все имущество он швырнул в красноречиво приоткрывшийся

сундук у двери.

Он не очень понимал, что происходит и почему ему вдруг помогают, но от такого рода помощи решил не отказываться и взял у Падме черную тунику из тонкой ткани. Не эффинская, слишком короткая, как надо было для практичного пустынного народа, который не любил, чтобы ниже колена что-то болталось.

– Садитесь, – Аман ткнул Паулю пальцем в россыпь подушек с другой стороны стола, – Падме, чай, я приказывал приготовить.

– Да-да, все готово, – девушка бросилась к Паулю с пиалой, опуская блюдечко с халвой на самый уголок стола. Вроде как, так тут и стояла.

Звякнул колокольчик у задней двери.

– Падме, лицо попроще сделай, – буркнул Аман, не поднимая глаз, – и открывай.

Пауль развалился на подушках совершенно внаглую. Он понял, что хочет сделать Аман. Изобразить, что они тут так и сидели, и чего это вам, гости дорогие, надо. Абсолютно непонятно, выйдет ли, и неужели стража в Турфане такие идиоты, что так легко поверить? Но можно было хотя бы попытаться.

– Пригласите ли войти, господин Аман? – раздался от задней двери, к которой уже успела подскочить Падме. Ну, да, без разрешения чародея – за порог его дома ступать было опасно.

– Заходите, господин Ласс, – мягко произнес Аман, и Пауль чудом удержал на лице спокойное выражение.

Занятно. Имя было названо только одно. Это было случайно? Или Аман нарочно оставил за дверью всех остальных участников погони. Был ли там тот бандит, что навел на Пауля стражу?

Стражник ступил внутрь дома, огляделся и, конечно же, уставился на Пауля испытующим взором. А Пауль скользнул взглядом по фигуре и амуниции потенциального врага.

Рост – средний, руки расслаблены – хоть правая и лежит на рукояти меча. А это кстати показательно, видимо, маг перед Паулем слабый, раз оружию он доверяет больше, чем магии.

В принципе – если броситься вперед с достаточной скоростью, можно оглушить ударом кулака в висок, выдрать из ножен на перевязи стражника кинжал и полоснуть его по горлу, быстрее, чем тот успеет выдохнуть заклинание.

С трудом удалось отстраниться от этих мыслей. Все-таки – можно было сбежать с Арены ногами, но как сбежать с неё рассудком – было Паулю неизвестно.

– Чему обязан такой чести лицезреть отважнейшего из смертных? – поинтересовался Аман, поднимая голову и вынимая изо рта кончик трубки. Из его рта вырвалось колечко дыма – вырвалось и зависло в воздухе, завиваясь в сложную спираль.

Что-что, а невозмутимость Аману удавалась как про-

жженному дельцу. Такой при полных мешках товара за спиной будет торговаться, набивая цену.

И тон магика не казался подобострастным, ни в каком месте. Он звучал слегка недовольно, будто Аман был действительно раздражен, что его отвлекли от работы и с трудом нашел в себе силы отдать дань вежливости – для болтливых пустынников один “отважнейший из смертных” в приветствии – это ужасно мало.

– У вас гости, господин Аман? – стражник все сверлил взглядом Паулю лоб, но он беспечно глотнул терпкого настоя из чашки, вопросительно задрав брови, будто удивляясь такому вниманию. – На рынке заметили беглого харибского гладиатора, он скрылся в этом переулке.

– Господин Ласс, какие беглые рабы? Брат ко мне приехал, из Эффин, – сухо улыбнулся Аман. А Пауль невольно восхитился этой наглой ложью, сказанной с таким искренним раздражением, будто магик был действительно возмущен озвученными подозрениями.

Вот только ложь эта означала только одно. Если стражник Аману поверит – придется Паулю отступить от слова, данного Мун. Он будет чародею должен.

– Гладиатор тоже эффинец, – Ласс даже бровью не повел, ему по службе, видимо, капризных магигов хватало, чтобы не обращать на их выверты внимания, – розыск ведется именем халифа. За укрывательство грозит участь раба на харибской Арене.

– Это все более оскорбительно, господин Ласс, – магик откинулся на подушках, и глянул на стражника с яростью, – мой брат из Эффин, я тоже из Эффин, вы это знаете. Какие тут могут быть противоречия? Как я должен избежать ваших обвинений? Кем нужно родиться? Два года здесь живу, магичу на благо Турфана, вы же ко мне от лихорадки приходили лечиться, и зелья покупали уже для себя. Чтобы супруга была довольна. Между прочим, никому и слова не сказал о ваших немочах. И вот, надо же, оказывается, этого недостаточно, чтобы мне доверяли.

Пауль с трудом не фыркнул в чашку, услышав про “немочи”. Стражник же напротив – раскраснелся и теперь зыркал на Пауля с молчаливой неприязнью, как на не самого желанного хранителя его секретов.

Ох и нарывался же этот тощий чародей... Вот только Пауль с каждым словом лжи, произнесенной Аманом, должен был ему все больше. Ох, расплатиться бы потом...

– И все-таки, господин Аман, – настойчиво прошипел сквозь зубы стражник, – я должен проверить. Дело – серьезное, гладиатор – очень опасен. Он убил того магика, что прислал ему халиф. Так что доверять ему – последнее дело, господин Аман.

Ну, как убил... Придушил слегка, заставил выжечь клеймо, потому что магии самого Пауля на это не хватило, сплел морок, и крепко оглушил своего невольного свидетеля. Он не мог упустить такой шикарный момент, когда он оказал-

ся в совершенно незапертой лечебнице Арены, а не в своей, пусть и роскошной, но все-таки камере.

Но Пауль точно знал, что тот целитель дышал и не был опасно ранен. А вот – по розыскной легенде все было куда жестче. Ну, правильно, плебс не должен видеть в беглеце человеческое, должен видеть только опасную тварь.

Стражник говорил так уверенно, будто увещевал Амана, уговаривал его отступить и сознаться в укрывательстве. И Пауль знал этот их метод – всегда говорить так, будто точно уверен в вине преступника. Стража везде одинакова.

Впрочем, если у самого Пауля сердце прижималось к лопаткам изнутри, лишь бы не выдать себя, то Амана, кажется, было совершенно не пронять.

– Ну что ж, проверяйте, господин Ласс, – сквозь зубы и с оскорбленной миной выдохнул Аман, скрещивая руки на груди.

У Пауля на языке стало солоно. На что надеялся чародей? Ведь пусть клеймо было выжжено – на его месте имелся красноречивый шрам от ожога, прикрытый слабым морокком. Одно только заклятие – и морок растает.

Нет, понятно было, что в данных условиях спорить со стражей себе дороже. Но ведь Аману и так светили неприятности за ложь в лицо представителя закона.

– Ты же согласен пройти проверку, брат? – спокойно протянул Аман, и Пауль прямо глянул в его лицо. В эти удивив-

тельно бесстрастные лиловые глаза. Аман не походил на человека, оказавшегося по уши в беде.

– Ну конечно, – Пауль пожал плечами, надеясь, что у него это вышло весьма хладнокровно, – что от меня требуется?

– Поднимите тунику, – стражник кивнул весьма деловито, – на Арене клейма ставят на левую сторону груди.

Пауль подчинился. Пока морок не был развеян – его кожа казалась гладкой, нетронутой.

Но так легко не обошлось – даже неуч от магии смог бы создать мираж, размером с ладонь. Это знали все. Эти фортели осваивали еще в детстве, когда учились обманывать кошек.

Господин Ласс поднял в воздух ладонь, едва заметно что-то шепча. Магического искусства, чтобы колдовать не открывая рта ему явно не хватало.

Пауль прикрыл глаза. Сейчас он точно сорваться с места не успел бы. Вот сейчас лязгнет сабля, выскакивающая из ножен, сейчас стражник кликнет своих приятелей...

Он не ощутил запаха магии – в гостинной Амана этого запаха было слишком много, чтобы разобрать нюансы. Но ощущать было нечего, и дураку было ясно, что морок сейчас развеется, и стражник поймет, что его тут пытались отвлечь пустой болтовней. Паулю даже показалось, что он ощутил, как задрожала магическая заплатка на его коже. Ну, вот, сейчас...

– Простите, господин Аман, за беспокойство, – виновато

произнес стражник и, коснувшись кулаком груди у сердца, шагнул назад, к двери.

Пауль скосил глаза вниз, и с удивлением убедился, что морок по-прежнему на месте. Расслабил пальцы, позволяя подолу туники снова упасть вниз.

Пауль не обманывался. Его умения в магии были настолько ничемны, что он просто не мог обмануть никого, кто владел чарами хоть на каком-то уровне. Так что его не-разоблачение – не его заслуга.

Аман. Он точно сделал что-то, как-то исказил чары, не дал рассеяться иллюзии. Это не мог быть никто другой.

Как можно незаметнее Пауль все-таки втянул в себя воздух, пытаясь разобрать запахи свежих заклятий. И он их почувал, едва-едва, с трудом. Приторный запах иллюзий – у чар их снятия был такой же запах, как и у чар их сотворения. И горьковатый странный, едва заметный аромат, который искажал, перевирал заклинание снятия иллюзий, обращал его в пустой набор звуков и жестов.

Интересно, почему этого не замечал стражник? Наверное, дело было все-таки в том, что магии все – сильные и не очень, привыкали к запахам магии вокруг себя. Переставали ощущать оттенки отдельных заклинаний. Пауль же магии нарочно не учился. В его нынешнем положении быстрее было меч из ножен выхватить, чем придумать, какое из сотни заклинаний в этой ситуации уместнее. Тем более, сотни заклинаний Пауль не знал.

И ведь работали его... Нет, с боевыми магами халифа Пауль бы встретиться не хотел, а вот чародеи послабее – особой угрозы для него все-таки не представляли.

Пауль никогда не видел такой магии и невольно даже восхитился тем, насколько изощрен в своем искусстве Аман. Возможно, он стал бы хорошим учителем для Мег... Если бы этой дурище хватило мозгов остаться в Эффинах.

– Рейхар, – крикнул кто-то с улицы, – мы нашли следы портала, свежего. Возможно, хасстар ушел через него?

У Ласса во взгляде проявилось затравленное выражение. Кажется, это обращались к нему...

– Неужели этот эффинский пес так силен в магии? – недовольно прошептал стражник, дергаясь к двери.

Следы портала, на улице? Странно, если учесть, что Пауль такого не умел и стоял тут. Если Аман столько магии на его защиту потратил... Мда, кажется, долг становился таким, что оставлять его без оплаты было совершенно неприлично.

– Всего хорошего, господин Ласс, – холодно бросил Аман, – наверное, стоило проверить улицу на следы порталов до того, как пристали ко мне с обвинениями. Возможно, вы даже успели бы отследить. Готов поспорить, сейчас – уже не успеете. Силенок не хватит.

Морда у стражника стала совсем постной. Кажется, он всерьез задумался, кто же будет помогать ему с лечением его “немочей”, если господин Аман изволит обидеться. А он –

демонстративно изволил.

– Возможно, вы поможете с отслеживанием портала, господин Аман? – умоляюще выдохнул Ласс. – Все знают, что в Турфане вам нет равных. Вы точно сможете. Получите вознаграждение.

– Вы явились в мой дом, светлейший господин Ласс, – прошипел Аман, щуря глаза раздраженно, – отвлекли меня от дел, оскорбили моего брата, а теперь я должен тратить свою магию на какого-то беглого? И сколько денег мне достанется из награды за его поимку? Седьмая часть? Десятая?

– Могу отдать вам свою долю, – с готовностью заулыбался Ласс.

– Спасибо, не надо, – высокомерно процедил чародей, – я ценю свою честь несколько дороже. Спасибо за визит, господин стражник. Со следующим не торопитесь.

Дверь закрылась, Падме тихонечко выдохнула и осела на корточки, прикрывая ладошками лицо. И как она удержалась, даже не побледнела ведь?

– Да, да, мои дорогие, мы со всем справились, – ослабилась Аман, а потом одобрительно глянул на Пауля, – молодец, братец. Я думал – сорвешься, и придется срочно портал создавать, чтобы тело куда-нибудь в пустыню отправить.

– Я и сам так думал, – протянул Пауль и залпом опустошил чашку, так и забытую на краю стола. Падме тут же схватилась за неё и утащила куда-то, кажется – чтобы снова наполнить.

– Ну, что ж, господин Ландерс, – Аман ухмыльнулся, чуть повел пальцами в воздухе, и вот теперь-то иллюзия на клейме Пауля затрепетала и растаяла, как морок на ветру, – теперь, когда нам наконец-то никто не мешает – мы можем поговорить о деле?

Вот нужно же было сделать именно это, будто подчеркивая, что стражники еще там, за дверью. И посмей Пауль поспорить, хотя он и не собирался – выдать его будет быстро и просто.

Да, Мун была права, этот магик был тем еще прохвостом...

16. Глава, в которой у героя появляются проблемы

– Мун, Мун... – Алия трясла её за плечо, стряхивая остатки сна. А ведь только-только глаза закрыла. Только успела нырнуть в слепящую синь, так подозрительно похожую на глаза одного сверх меры наглого гладиатора. И вот, будят, самым жестоким образом.

– Что случилось? – сипло выдохнула Мун, садясь на постели и разглядывая Алию. Еще одна чудом оказавшаяся в сердце турфана чужеземка. Вот только она, в отличие от Пауля, была из земель гораздо более далеких, чем Эффины. И её золотистые кудри и светло-голубые глаза были практически гордостью Мансула, который сумел выкупить эту девочку у одного из магиков-работоторговцев.

– Ужин через два часа, – Алия округлила глаза, – а ты дрыхнешь. Не переодета, не накрашена, не разогрелась перед танцем.

Ох ты ж. Нет, все-таки не только глаза закрыла. Два часа проспала, точно.

– Му-у-ун, ну, просыпайся, – Алия топнула ногой.

– Встаю, встаю, – выдохнула Мун и села на постели, сбрасывая с ног покрывало.

Хорошо, что Алия разбудила, так и проспать можно было, и проснуться уже от сдавившей горло удавки ошейника.

А это было бы уже поздно, для того, чтобы что-то успеть. Невозможно было быстро подготовиться к выступлению. А чего Мансул точно не любил – так это когда его рабыни выглядели не идеально, накрашенными и одетыми второпях.

В конце концов – он же “берег их для халифа” и не мог наслаждаться в “полной мере”. Вот, сегодня он хотел похвастаться своим хорошим вкусом на наложниц.

Сегодня Мансул закатывал прощальный званый вечер, перед тем как завтра двинуться вместе с караваном в сторону Хариба. И будет много народу – купцы из каравана, местные богатеи, все кто хотели пожелать Мансулу удачи в благом деле обольщения халифа. Много их было – прикормленных с руки градоначальника толстосумов. И именно их взор ей и другим девочкам из рабынь Мансула предстояло улаждать. Потеть, извиваться, терпеть сальные взгляды – и свято верить, что все может быть хуже.

Ну, да, может. Там, в гареме халифа – станет и похуже. Халиф, по слухам, был весьма “искушенный” мужчина. С новыми девушками любил “пробовать новое”. О, Сальвадор могла себе представить, что именно. Плетки в качестве инструмента постельных утех, например. От “заманчивости” этих перспектив передергивало.

Алия – так же как и Мун – предназначалась для халифа. Правда, её эта участь радовала: она, как и многие другие, была уверена – халиф хорош собой. Мун же примерно представляла – и возраст халифа, и что бывает с людьми его по-

ложения, что не знают ограничений в деньгах и меры в той же еде. К тому же... Было абсолютно не важно, кто являлся твоим хозяином – черноокий изящный красавчик или дородный мужчина, давно попрощавшийся со своей юностью. Все, кому мало было одной жены для жизни – были редкостными самовлюбленными ублюдками.

Было такое ощущение, что Мун сама перепила сонного зелья. Ноги и руки были какие-то неуклюжие, тяжелые. Ох, как это все не вовремя.

– Переодеваться, бегом-бегом, – заторопила Алия, недовольно качая своей прелестной головкой, – что ты как невареная змея?

– Плохо спала ночью, – откликнулась Мун. Больше для себя, чем для Алии. Ей не хотелось задумываться, какие другие у её медлительности были причины. Синеглазые такие причины, с разворотом плеч циклопа. Не думать! Смысла нет – он ушел из Турфана. А ей предстоял путь в Хариб, к “великой чести”, как любил говаривать Мансул. Когда истечет её срок, когда будет снято проклятие – Пауль уже и думать про неё забудет. Уже осядет где-то в сердце Махасара, женится, наплодит двоих-троих детишек... Люди всегда торопились жить.

Поэтому, имело смысл сосредоточиться на том, что считалось её обязанностями.

Мун принесли алый костюм для танца. Алый. Мансул будто издевался. Отдал Алие любимый ярко-синий цвет Мун, а

для неё приберег вот это облачение кроваво-алого оттенка.

Она не любила красный цвет. Совсем. Во многом потому, что он привлекал взгляды мужчин. Почему-то именно алые ткани, алые помады их манили сильнее всего.

А тут еще как назло и юбка была не сплошная, всего в два слоя алого шелка, и с разрезами. Что уж говорить, про чолы – эта бесстыжая коротенькая блузочка прикрывала только грудь, но и то, ровно для того, чтобы вычурно вышитыми золотой нитью цветами привлечь к ней внимание.

Если бы выбирала Мун – она бы взяла юбку сплошную, трехслойную, просторную, в этом случае её зрителей завораживали бы движения ткани. И кофточку бы взяла более закрытую с бисерными нитями, нашитыми по низу. И взяла бы покрывало, чтобы то голое тело, что можно было увидеть – видели и вовсе урывками, потому что этому бы мешала мелькающая и выющаяся в воздухе ткань.

Но её спросить забыли.

Мансул хотел, чтобы пялились на тела танцовщиц. Поэтому все, что можно было скрыть, было выставлено напоказ самым вызывающим образом. Это же рабыни, их дело – улаживать взор, можно не думать об их чести и достоинстве, так ведь?

– Какая ты красивая, Мун, – восхищенно прошептала Алия, которая, кстати, так никуда и не ушла, – наверняка халифу ты понравилась больше меня.

Вот лучше бы сложилось иначе. Лучше бы вообще не по-

нравиться халифу, чтобы он отправил её в служанки, а не в гарем. Увы, для этого нужно было быть кривой, а Эльяс требовал, чтобы тело в этой реинкарнации было привлекательным. Наверняка все это спланировал, чтобы сильнее досадить Сальвадор.

Мун расплетала косу, смотрела в зеркало и ей было досадно. Она ненавидела эти наряды танцовщиц-наложниц, с голыми – манящими, как сказал бы любой мужчина – животами.

Самая беда была в том, что этот наряд действительно её красил. Вот только она была убеждена – нельзя надевать красящие тебя наряды, если сама не хочешь радовать чьи-то глаза. Хоть даже и свои. Но все-таки – это нужно хотеть.

Было бы кого манить. Ох, эти безумные мечты о том, чтобы у неё был выбор – для кого танцевать, о том, чтобы был хоть один мужчина на этом трижды проклятом вечере, перед которым ей хотелось бы оказаться в таком чересчур откровенном наряде...

Вообще-то танцевать Сальвадор любила. Это было её маленькой слабостью. Для себя, в основном, ну или для тех, кто был близок. Их было мало – и в смертной жизни, и в жизни духа. Вот только когда она становилась духом – её пожирал долг. С головой. Было не до танцев.

За сотню лет лишь два раза она танцевала, и один из тех двух танцев был прощальным, когда ушла, устав от долга пустынного духа, предыдущая Судья Пустыни. Её мало кто

помнил, у неё не было капища, она почти не следовала своей клятве, чем смертельно разочаровала Шии-Ра. Сама Сальвадор видела её только три часа, а потом Халимы просто не стало. Она растаяла, а Сальвадор не прекращала Танец Памяти до самых первых лучей рассвета. До того, как услышала самый первый свой зов.

Сейчас она могла танцевать только в перерождениях. И редко у неё был выбор, когда и для кого.

А в этот раз, наверняка к её выступлению явится Эльяс, чтобы сидеть себе где-нибудь в первых рядах Мансуловых гостей и пакостно улыбаться.

Все-таки хорошо, что она сумела взять с Пауля слово, что он не пойдет к Ворону снова. Хотя гладиатор и повел себя как распоследний наглец.

Целовать! Её!! Да как он вообще посмел?

У кого-то точно был лишний язык. И он точно нуждался в том, чтобы его укоротить, хотя бы чуточку.

Хотя вкусный у него был язык, хоть и наглый. Была в Пауле терпкость полынноого меда, что иногда добирался до Махасара на кораблях из цветущей Веталии...

Она вечность не целовалась с мужчиной вот так, не потому что он её выбрал и нужно было исполнять брачные обязательства, а потому что вдруг защемило в сердце.

И ведь защемило же, сжало, будто наизнанку вывернуло. Она почти дрожала в крепких руках северянина, впервые в этой жизни, ощущая себя не уязвимой, а хрупкой. Да – раз-

ница имелась.

Все то было необъяснимо, от первого прикосновения, до того самого момента, когда до неё дошло, что она действительно делает и насколько это неприемлемо.

И что на неё вообще нашло? Зачем приспичило прикасаться к малознакомому мужчине, да еще и, шайтан раздери, любоваться им. Она, к своему удивлению ощутила, что действительно будет скучать по этому сильному синеглазому смертному.

Как будто не сто лет ей было, а лет четырнадцать. Будто и не она прослыла в пустыне как обладательница самого холодного сердца. Будто и не было этого десятка перерождений в чужих телах, смятых воедино торопливых жизней, начинавшихся даже не с начала, а за несколько лет до печального конца.

Но все это и вправду сейчас почему-то ощущалось будто бы сном.

А эффект этого совершенно неожиданного легкого увлечения – он был.

Сальвадор понравился Пауль Ландерс. Его теплотой, его открытостью, да что там – даже наглостью, которая с таким трепетом относилась к её границам.

И, Шии-Ра, неужели под твоими лучами еще такие водились? Такие, которые всерьез спрашивали на прощанье: “Увидимся во снах?” А ей, столетнему духу, которая должна бы чувствовать себя древней и повидавшей все на свете, хо-

телось только засмеяться и бросить что-то вроде: “А ты приглашаешь? Ну, раз приглашаешь – тогда можешь ждать меня завтра”.

В конце концов, это было не сложно. У Сальвадор были возможности, чтобы даже в смертном теле сниться одному несносному наглецу ровно до того часа, когда он совершенно замучается видеть в своих снах одну и ту же женщину.

Пальцы привычно расписывали глаза густыми тенями сурьмы, ставили золотые точки над бровями, а сама Мун думала о своем.

Интересно, Пауль уже вышел из Турфана? Интересно, в какую сторону направится? Интересно, как разъярится Эльяс, когда ему не удастся втянуть смертного в свою игру?

Ох, как бы она хотела увидеть лицо Ворона, когда до него дойдет, что Пауль не явится и не запутается в его паутине.

Возможно, после этой жизни Сальвадор еще найдет Пауля, проведает, даст свое благословение его сыну или дочери – это неважно. Может быть, тогда ей не будет так совестно, что сестре Пауля она не помогла.

Хотя, все-таки странно, что не сработало благословение Мег. Ведь оно должно было отвести от неё беду. Любую беду, какую могли обеспечить люди.

Разве что в дело вмешался кто-то, связанный с магией, кто-то, способный ослабить влияние благословения... Нет, в этом стоит разобраться, когда она избавится от проклятия.

И какая все-таки жалость, что наложил это проклятие не

Пауль. Еще с утра Мун бросилась к Ануку, чтобы там, снова встав к нему спиной, пройтись по черным магическим нитям порчи, опутывающим горло сущности Сальвадор плотным душным ошейником, перебирая имена тех, кто имел к ней претензией.

Нет. Не Пауль, не Рик, даже не Мег – Сальвадор проверила всех. Не они её прокляли. Увы. Придется играть пари дальше.

– Мун, Алия, вы идете разогреться? – в комнатку Мун заглянула Зулейха. Третья “подарочная” девушка. Последняя из трех. Её облачили в белое. Белое до чистоты и открытое до порочности.

У неё были мягкие манящие губы, томные огромные глаза. Она была не так изящна как Мун, не походила на дорогую фафоровую куколку как Алия, но было в её лице что-то такое, от чего очень многие мужчины с трудом отводили от неё глаза. Нежная, будто спелые ягоды фиссии, в общем, было Зулейхе чем соблазнять халифа.

Мансул собирал свои “дары” три года. В год по наложнице. И да, вкус у него был, выбирал он для халифа самых лучших. Мун не сомневалась, что халиф оценит дары, и Мансул снова останется во главе Турфана.

Танцовщицы разминались за одной стенкой от зала, в котором принимали гостей. И если прислушаться – можно было услышать гул болтовни и хор флейт.

Никто не слушал, ведь ужин уже начался. До того, что-

бы оказаться перед гостями, осталось совсем немного времени. И меньше всего любой рабыне Мансула хотелось прогневать хозяина. Ведь за прилюдный позор можно было тут же лишиться “подарочного” статуса и всех его привилегий. То есть можно было получить порку плетьюми посреди двора, при всех слугах дома господина али Хмара.

После третьей репетиции общего танца удалось избавиться от остатков этой сонной вялости. До появления распорядителя свой личный танец Мун успела повторить только один раз.

Ашер редко появлялся при дворе Мансула, только на званных вечерах, когда нужно было четко отслеживать по времени подачу блюд и выступления танцовщиц. Вот в эти секунды этот тощий парень, не имевший в сердце даже слабой магической искры, но зато прекрасно научившийся чинить свои эффинские механические часы, был просто бесценен.

Ашер заявился в компании Анука. Зачем ему нужен был раб? О, Ашер прекрасно знал рабынь танцовщиц...

– Нам пора? – прощebetала Алия при виде распорядителя. – Хозяин зовет?

– Да, да, у вас четыре минуты до выхода к гостям, – бросил Ашер, небрежно глядя на свои часики.

Анук безмолвно качнул головой, подтверждая.

Девушки засуетились, хватая инструменты для личных выступлений. Кто подсвечник, кто трость. Все это всучили молчаливому Ануку и стайкой, на цыпочках бросились к

двери, приоткрывая её и сразу же бросаясь к резной ширме, которая и скрывала комнату танцовщиц от глаз гостей.

В зале было шумно. Настолько, что писка волнующихся перед выступлением девушек, пытающихся разглядеть – сколько же гостей сидит за выставленными буквой “П” столами.

Мун глянула в одну из щелей тоже. Она хотела заметить, где сидит Эльяс, чтобы уж точно встать с другой стороны. В конце концов, они могли поменяться местами с девочками.

Вот только от увиденного она едва не прикусила себе кончик языка.

Эльяс был тут, да. Каким-то чудом оказался среди самых почетных гостей Мансула, хотя магию в принципе на этом вечере быть не полагалось. Впрочем, когда это Ворон обращал на такие мелочи внимание? Аман сидел справа от Мансула, развалившись на подушках, качал в ладонях маленькую изящную винную чарочку.

В самое сердце пронзило Мун не это. А то что рядом с Вороном, ровнехонько посередине между Мансулом и Аманом сидел Пауль. Переодетый, без брони, в черной тунике. С серебряным медальоном на груди. Но точно Пауль!

В первую секунду она не поверила, что видит его, но прошла вторая и третья секунда, а северянин все никуда не исчезал. Более того, он о чем-то говорил с Мансулом... На равных. Беглый гладиатор? Что вообще происходило за этим столом?

Глаза Мун снова скользнули на медальон. Не так уж много было вариантов того, что это было.

Немногие знаки чести давали большие привилегии тем, кто еще вчера был никем. Неужели это медаль добровольца халифа? Если да, то Пауль хоть понимает насколько вляпался?

Нет, этот знак давал очень важные привилегии, например доброволец переставал считаться рабом, как только принял контракт на уничтожение кого-то по открытому приказу халифа.

И ведь это не давалось просто так. Именно с этой секунды доброволец считался практически самоубийцей, которому не светило выжить. Такие распоряжения выдавались только на действительно опасные цели. У халифа было немного долгосрочно открытых распоряжений об уничтожении и десять из двенадцати из них касались духов ранга полубогов. Еще двое были печально пустынными головорезами с огромными бандами. И некоторых полубогов из списка было больше шансов прикончить, чем этих ублюдков.

И на устранение кого подписался Пауль? Он ведь знает, что на устранение контрактной цели у него есть месяц? А потом знак должен был убить носителя. Кстати, снять его было нельзя до исполнения. Формально – тот же рабский ошейник, только в случае успеха миссии тебе все-таки даровали свободу. Но шанс успеха подобных авантюр был совершенно ничтожен.

И все-таки, кто? Может быть она еще сумеет вытянуть этого безмозглого смертного? Пара правильных благословений при условии удачно выбранной цели контракта и она наверняка сможет обеспечить Паулю самые выгодные условия для победы. А там уж он и сам наверняка сможет завершить свое дело, в конце концов, в таких вещах даже не воинское искусство определяло, а общая карма исполнителя и то, насколько к нему благоволят боги.

– Ашер, – Мун обернулась к распорядителю Мансула, поглядывающего на зажатые в руке часики, – что за господин сидит рядом с хозяином?

– Чужак? – Ашер моргнул, припоминая. – Брат господина Амана, доброволец. Господину Мансулу он понравился. Парень – бывалый воин и охотник на духов. Он пойдет с караваном, чтобы бросить вызов Сальвадор. Ты же знаешь, что ночь духов близко?

– Да, знаю, – ей показалось, что её ударили по лицу. Ночь духов. Единственная ночь в году, когда можно бросить вызов любому духу ранга полубога и сойтись с ним поединке. Смертельном.

И Пауль должен будет выйти против нее...

Мун снова прижалась лицом к ширме, чтобы впиться взглядом в Амана. Эльяс, будто ощутив её взгляд, слегка повернулся в её сторону и чуть улыбнулся, поднимая выше чарку.

– Пью за тебя, Салли, дорогая, – шепнул Ворон ментально

с издевкой и даже намеком на интимность. От этого его грязного шепота захотелось немедленно вымыться, и натереться золой, чтобы точно соскрести с кожи этот сальный налет.

У Мун не было больше никаких слов. Яснее ясного, что в это дерьмо Пауля втравил именно Эльяс. Это были его грязные методы...

17. Глава, в которой герой улучшает момент

Градоначальник Турфана Паулю не понравился совершенно. Паулю вообще редко нравились настолько облеченные властью персоны. Он терпеть не мог харибского халифа – как заочного владельца всей Арены, не переваривал эффинского губернатора – за компанию с отцом и Риком, но именно Мансула али Хмара Пауль не взлюбил всей душой, с первого взгляда и абсолютно непонятно за что.

Градоначальник все сделал как полагалось. Принял присягу, выдал медальон добровольца и грамоты, дававшие Паулю право не только требовать места в караване, но и взять за счет городской казны любое оружие и любую броню в лучшей оружейной лавке. Это было ужасно кстати, с учетом того, что в кошельке самого Пауля до сих пор основную часть балласта составляли по-прежнему мелкие камушки.

Турфанец даже пригласил Пауля на вечерний пир, который закатывал перед отправкой в Хариб. В общем не было никаких причин Паулю Мансула ненавидеть. А он ненавидел этого слащавого фальшивого типа. Тихой, холодной ненавистью, которую прятал как можно глубже, удерживая на лице доброжелательную мину. Хотя это и было непросто, пока слушал рассуждения Мансула али Хмара на тему того, что хорошо бы, если бы женщины снова поняли свое место и не

смели поднимать головы, а не то при Сальвадор они совершенно распоясались.

Сальвадор должна была умереть не поэтому. А потому что её суд совершал ошибки. Судья не имеет права их совершать. Судья не должен быть предвзят. Если это правильный судья, разумеется. А Сальвадор предвзята была...

– Давайте прервемся, порадуем глаза, – в какой-то момент Мансул просто откинулся на подушки, на которых сидел. И хорошо, можно было выдохнуть чуть-чуть. Не слушать внимательно всю эту неприятную чушь. Понятное дело, что в пустыню со своими взглядами лучше было не ходить, пустыня жила по своим правилам. Но сейчас Пауль рад был отвлечься.

Все в этом доме творилось по щелчку его хозяина.

По щелчку Мансула стоявший у входа магик сотворил чары тишины, и все звуки в зале тут же испарились, заставляя гостей остановить их беседы и удивленно завертеть головами, в поисках того, к чему привлекали их внимание.

По щелчку Мансула запели флейты в руках у музыкантов.

По щелчку же выскочили из-за резной ширмы дружной стайкой три изящные девушки в ярких нарядах. Выскочили, метнулись через зал, поближе к столам, чтобы гостям лучше было видно. И затанцевали...

Пауль плохо увидел сам танец. Пауль вообще все на свете перестал замечать, когда увидел Мун. Его Мун. Со свободными, чуть выющимися волосами.

Вот она – истинная причина ненависти к Мансулу. Стоит себе, перед Паулем, ведет бедрами влево, рисует в воздухе гребень волны кистью тонкой руки. Мансул был её хозяином. Определял её судьбу. Пока что...

Поссей всезрящий, насколько же бесстыжий на ней наряд. Настолько, что всем гостям, кто сейчас на неё пялился, хотелось вырвать глаза, чтобы не видели ничего. Ни этого нежного живота, ни красивых тонких лодыжек и уж тем более – коленей!

– Хороша, бесовка, – едва слышным шепотом фыркнул Аман, – могу тебя понять, братец.

Пауль покосился на названного брата, тот ухмылялся незаметно, покусывал кончик трубки, но на Мун к своему счастью не глядел. Не нарывался.

Взгляд Пауля снова метнулся к девушке.

К тонким пальчикам, будто плетущим в воздухе невидимую паутину.

К опущенным густым ресничкам, прятавшим от непонимающих её непокорные глаза.

К гибкому телу, извивающемуся в танце настолько соблазнительно, что Пауль лишний раз почувствовал, что не понимает подобной расточительности пустынников. Как можно было делиться с кем-то даже одной из этой тройки? Как можно было хоть кому-то показывать вот такую Мун?

Она бы танцевала так, только для него. Она и будет танцевать только для него. Потому что никто не должен знать,

что она – может вот так. И такой вот – яркой, вызывающе желанной – она тоже не должна быть для всех. Не будет.

Пауль бы наверное отвесил себе затрещину за то, что сразу уставился именно на Мун, хотя должен был бы делать вид, что впервые её видит. Но потом спохватился и оглянувшись успокоился.

Многие гости пялились на танцовщиц. И почти каждый выбрал себе прелестницу по вкусу и не спускал с неё алчных голодных глаз, любуясь далеко не танцевальными движениями. Да, господин али Хмар точно знал, как взбодрить своих подзаскучавших гостей.

И сам Мансул в общем-то не особенно отличился от Пауля.

Он смотрел на Мун. Неотрывно, не отводя взгляд ни на мгновение. И после того, как Пауль на это обратил внимание – ненависть в его груди заклокотала еще сильнее. В отличии от него Мансул со своей рабыней мог делать все, что хотел. Наверняка – и делал. И вот об этом Паулю было думать ужасно вредно. Потому что стоило представить, как узловатые пальцы этого крохобора али Хмара прикасаются к нежной, как лилейные лепестки, коже Мун – и мир подергивался алой пеленой...

Пауль практически силой заставил себя ни о чем не думать. Смотреть на Мун. Когда еще представится такая возможность? До капища идти три недели, и до возможности выкупить Мун самому Паулю еще предстоит со многим разо-

браться. Аман довольно подробно объяснил, что в прямую схватку с духом, а уж тем более с Сальвадор, не стоит со- ваться без парочки божественных благословений. А их про- сто так не давали...

Поэтому стоит посмотреть на неё, прежде чем он выйдет с караваном и все-таки на некоторое время с ней распрощает- ся. Хотя, сейчас это все было во имя того, чтобы к ней вер- нуться и забрать эту лилию себе. Вот ведь дернула же Ши- Ра броситься тогда на один только крик. А если бы решил не рисковать? Был бы свободен от необходимости рисковать своей шкурой. Но и её бы не знал.

Сейчас хотелось того, на что Пауль пока не имел права. Например, чтобы она подняла глаза. Чтобы эти губы, тро- нутые легкой улыбкой, предназначенной только для её зри- телей, расцвели в улыбке искренней. Чтобы она танцевала, глядя на него.

Умолкла музыка. Танцовщицы замерли. Впервые с начала танца подняли глаза, глядя на хозяина. Будто чего-то ожи- дая. Мансул прошелся по всем трем задумчивым взглядом, явно выбирая, а потом ткнул пальцем в Мун. Оставшиеся две девушки порхнули обратно за свою резную ширму.

Мун же шагнула чуть влево, становясь точно напротив са- мого Мансула. Анук поднес ей два веера, за которыми тяну- лись тончайшие шлейфы из желтого шелка. Она будет тан- цевать и дальше?

– Вы нас балуете, господин али Хмар? – учтиво поинте-

ресовался Аман. – Из всех ваших цветков решили показать нам самый яркий?

– Себя я балую больше, – насмешливо откликнулся Мансул, блестящими глазами глядя на Мун, – но согласен, Шейл, шайтан эту девку создавал, не иначе. Её не хочется упускать из виду.

Эта презрительная небрежность в адрес Мун резанула Пауля за живое. И снова пришлось себе напоминать, что с Мансулом лучше не связываться. Хотя очень, очень хотелось оторвать господину градоначальнику его куцую, тонкую бороденку.

Она затанцевала снова. На этот раз – как хотел Пауль, с открытыми глазами, с широкой улыбкой, и веера в её руках будто горели пламенем, танцуя вместе с Мун.

Вот только было что-то неживое в её лице. Мертвое. И она... Она будто нарочно не смотрела на Пауля. Только на хозяина. Так, наверное, было правильно, но ревнивому сердцу эффинца это было объяснить довольно сложно.

И все же – она танцевала. Превращала шелк в пламя, трепещущее в воздухе. Становилось похожей на богиню, созданную только для танца. Рисовала в воздухе невидимую картину, будто пела не размыкая губ, одним только телом, рассказывая о своей мятежной душе, которую было так сложно усмирить одним только рабским рунным ошейником.

И еще больше глаз на неё смотрело, больше гостей любо-

валось золотистой кожей, красивыми лучистыми глазами. И еще больше народу Паулю хотелось убить...

А потом Мун остановилась, и склонилась в поклоне перед хозяином, подняв вперед сжатые ладони. Будто прося о чем-то.

Мансул же побарабанил пальцами по столу перед собой, разглядывая девушку и будто наслаждаясь каждой секундой этого унижительного поклона.

– Иди, – наконец милостиво бросил он, и Мун выпрямилась и не поднимая глаз бросилась за ширму. Оттуда тут же выскочила танцовщица в белом, но Паулю она уже была не важна. Куда важнее была Мун, что в компании Анука вышла из зала. И Анок почти сразу же вернулся, а Мун нет...

– Я отлучусь ненадолго, господин али Хмар, – Пауль сделал красноречивую мину, объясняя выражением лица, что естественные потребности требуют его немедленного внимания.

– Да-да, конечно, спросите у слуг, они объяснят, куда вам идти, – Мансул кивнул, отрывая от кисточки винограда на своей тарелке пару ягод.

Вообще – это вряд ли. Вряд ли хоть кто-нибудь из слуг Мансула Паулю скажет, где искать одну конкретную рабыню их хозяина. Да и он не спросит, не будет так рисковать. Оставалось только надеяться, что ему искать дорогу не понадобится...

Когда Пауль вышел из зала – Мун уже не было видно.

Лишь кончик длинного желтого хвоста от веера мелькнул в конце коридора слева. Ну, спасибо, лилия, что хоть хвостом на прощанье махнула.

Пауль не стал срываться на бег. В конце концов – по коридорам ходили слуги, и хоть они не стали бы оговаривать хозяйского гостя, все-таки бег наверняка бы привлек ненужное внимание.

Коридор, коридор, поворот, поворот... Когда Пауля вынесли ноги к невысокой изящной узорчатой арке, у которой стоял охранник – пришлось остановиться.

– Кажется, вы забрели не туда, уважаемый гость, – любезно заметил стражник, – это женская часть дома, сюда не позволено заходить никому, кроме хозяина.

Дернулась циновка, закрывающая проем одной из самых ближних к арке дверей, в коридор высунулась Мун. Глянула на Пауля, закатила глаза, уставилась на стражника.

– Пропусти его, Каул, – умоляюще прошептала она. Паулю показалось, или смотрела она на стражника с какой-то томностью?

– Ты же знаешь, что не положено, – зашипел стражник.

– А ты знаешь, что я под чарами неприкосновенности, – быстро откликнулась Мун, озираясь, – Каул, ну пропусти, ты же понимаешь, я рискую больше. Мы недолго поболтаем, и все.

– Если хозяин узнает...

– А откуда он узнает, хороший мой? – мурлыкнула нахал-

ка ласково и Пауля почти перекосило от возмущения. – Я не скажу. Ты скажешь? Выдашь меня?

– Мун... – простонал Каул едва слышно, – меня из-за тебя в песке живьем похоронят. Или скормят скорпионам... А потом похоронят живьем!

– Мы быстро... – клятвенным шепотом пообещала Мун.

– Шевелись, – шикнул Каул Паулю, отводя взгляд, и эффинец, не до конца поверивший своему счастью, торопливо метнулся в комнатку Мун.

18. Глава, в которой герой остается непонятым

У неё было темно. Только два магических светляка парили у окна, вяло покачиваясь друг вокруг дружки, а в покоях Мун было почти сумрачно. Когда глаза привыкли к этому полумраку – Пауль начал различать и очертания кровати, в общем-то – довольно шикарной для рабыни, судя по низко свисающим до пола покрывалам, и невысокий дамский столик со всеми этими их баночками и растираниями ближе к окну заметил тоже.

Руки как-то сами нашли гибкое, почти обнаженное тело девушки, так и оставшейся в танцевальном наряде, и прижали её к груди Пауля.

В этот раз – никаких полутонов, он обнимал её не по-приятельски, он обнимал её как мужчина, который почти потерял из-за неё рассудок. Со всей страстью, которая только в груди имелась. Ох, сколь же мало было этих объятий...

– Я погляжу, не я один пал жертвой твоих волшебных глаз, да? – шепнул Пауль ревниво, пробегаясь дыханием по волосам девушки.

Мун дернулась, рванулась, просто заставила разжать руки. Это было не особенно радостно, но вообще-то – правильно. Пауль не имел права к ней прикасаться. Пока Мун была рабыней Мансула, не имел.

– Что ты натворил? – свистящим шепотом прошипела Мун. – Что ты натворил, Пауль. Разве не ты обещал, что уйдешь из Турфана? Разве не ты клялся, что не сунешься к ублюдку Аману? Во что он тебя втянул?

А он-то надеялся, что она хоть чуть-чуть будет рада его видеть...

– Так вышло, – ровно откликнулся Пауль, скрещивая руки на груди, – и давай ты не будешь его оскорблять при мне, лилия моя. Шейл али Аман – много сделал для меня. И считается для Турфана моим братом, а лично я – после сегодняшнего дня могу назвать его другом.

– Другом? – она умудрялась кричать на него даже шепотом. – Что хочешь мне говори, а он тебе – не друг. Разве друг втравит тебя в неприятности? Разве друг заставит тебя пойти на смерть?

– Мун, ты неправильно поняла, – заметил Пауль, с тяжелым вздохом, – Шейл меня никуда не втягивал.

Острый пальчик девушки ткнул в серебряный медальон добровольца халифа на его груди.

– Вот эта вещь говорит о другом, – прошипела Мун яростно, – эта вещь говорит о том, что ты решил сунуться против Сальвадор, так ведь? Разве не он тебя заставил?

Она уже знала. Быстро она успела все выяснить.

Пауль вздохнул, припоминая утренние события. Да, ему тоже тогда в первые несколько минут казалось, что сейчас его заставят стать участником сомнительной авантюры. А

потом Аман усмехнулся, и заклятие иллюзии вернулось на место, вновь прикрывая шрам от ожога. На этот раз – гораздо более плотное, и точно выдержавшее бы пару не очень изощренных проверок. Именно тогда он и предложил Паулю – выпить с ним чаю, будто подчеркивая, что он может и отказаться...

– У меня с Шейлом своя договоренность, – отрывисто ответил Пауль, – его предложение мне понравилось.

– Пауль, какой же ты дурак, – Мун никак не унималась, – ты думаешь, что вы “договорились”, а я знаю Амана. Он тебя разыграл, заставил принять его условия, да еще заставил поверить, что никакого принуждения тут нет. Что ты сам добровольно решил стать самоубийцей.

– Да почему самоубийцей? – не выдержал Пауль.

– А ты веришь, что победишь Сальвадор? – едко поинтересовалась Мун. – Судью Пустыни, что сильна всегда до тех пор, пока вершит праведный суд?

– Ну, не всегда он у неё праведный, – Пауль качнул головой, – и у меня нету выбора. Я должен победить Сальвадор. У меня многое на кону.

– Ты не справишься, – простонала девушка едва слышно, – ты разве не понимаешь?

– Мун, победить можно любого, даже самого умелого воина. Можешь мне поверить, я бы в этом случае не оплакивал брата, – Пауль с горечью улыбнулся, — Почему бы мне не попытаться победить Сальвадор, а, лилия моя?

– Зачем тебе вообще пытаться? – Мун впила пальцами в волосы, явно раздраженная непониманием Пауля, – Чего ради? Почему тебе было просто не уйти дальше от Хариба? Как ты и хотел – подальше от халифских магов, туда, куда не доходят розыскные сводки.

– А сколько бежать, Мун? – Пауль хмыкнул, с невеселым вздохом. – Я не могу вернуться на родину, пока не получу вольную. Любой маг халифа выдаст меня страже, и я вернусь на Арену. Я ничего не могу тем, кто я есть сейчас. Даже быть с той, которую выбрало мое сердце – не могу, потому что беглый раб – ни в жизнь не заработает на то, чтобы выкупить её у хозяина.

– Мертвый ты тоже не особенно много сможешь, – измученно выдохнула Мун.

– Почему ты так в меня не веришь? – вырвалось у Пауля неожиданно отчаянно. – Мне плевать, верит ли Мансул или кто-то другой, но почему не веришь ты, сердце мое?

– Пауль, – Мун произнесла это устало, почти измученно, – дело не в том, что я не верю. Неужели ты думаешь – она сто лет ходит по Махасару и никто не пытался её уничтожить? В год бывает по два-три отважных болвана. В первые годы ходили десятками. Многие умелые воины решили, что женщинам пустыни не нужна личная Судья, да еще и дух. Вот только кровью всех их Сальвадор омыла песок своего капища. Это знают даже дети Махасара. Пока она служит своему делу, пока она не нарушает посмертной клятвы – её нельзя

победить и уничтожить. Ши-Ра этого не допустит.

– Я сомневаюсь, – Пауль качнул головой, – сомневаюсь, что её суд верен. В конце концов, ведь кажется для этого Ши-Ра и создала эту ночь духов, да? Чтобы люди могли карать духов за их ошибки.

– Пауль, – Мун, кажется, задыхалась от переполнявших её эмоций. Именно в эту секунду до Пауля дошло. Она совершенно не расстроена из-за цели его миссии. А он-то думал, что именно сейчас и столкнется с проблемой того, что Мун в Сальвадор верила.

Она боялась за него. За его жизнь. И это означало одно – он ей небезразличен.

Это было совершенно безумное открытие. Пауль не выдержал, шагнул, сгребая в охапку, стискивая в своих руках девушку.

– Мун, – сорвалось с губ все тем же измученным шепотом, а пальцы зарылись в мягкие волосы, – Мун, ну не бойся за меня. Я справлюсь. Я должен.

– Дурак, – она шипела, царапалась и пыталась вывернуться, – какой же ты дурак...

Целовать её в этот раз оказалось сложной задачей. Это было все равно что целоваться с кусающейся гибкой дикой кошкой, которая совершенно не понимает таких нежностей. Вот только в какой-то момент Мун все-таки обмякла, все-таки ослабла, отвечая и заставляя всю кровь в жилах Пауля вскипеть раскаленным вином. Все, на что он имел право

сейчас – эти долгие поцелуи, которые он практически крал, и у Мун, и у её хозяина. И заpastись ими впрок было чертовски сложно.

Наверное, именно поэтому, когда Мун все-таки отстранилась, Паулю было настолько непросто об этом не сожалеть. Но сейчас она прижалась к нему, такая хрупкая, такая теплая, прижалась и замерла, касаясь ладонью его груди, там, где билось безумное сердце Пауля Ландерса.

Не сразу он понял, что на языке у него была странная солоноватость. Губы у Мун были соленые. И щека, на которую легла левая ладонь Пауля была влажная. Она плакала? Плакала?! Из-за него?

– Прости, что не сдержал обещания, – шепнул Пауль, – я ненарочно, честно. Мне пришлось уходить от стражи, Аман помог мне. Было как-то неправильно ему сразу отказывать.

Пальцы Мун скользнули выше, сжались на медальоне.

– Пауль, послушай, – хрипло шепнула она, – тебе обязательно сражаться с ней.

– Ну нет, это как раз обязательно, – Пауль криво усмехнулся, – именно это является обеспечением моей присяги. Откажусь от боя – эта штукавина меня убьет. И я не смогу её снять до того, как выполню условия поручения халифа.

– Пауль, я это знаю, – Мун дернула головой, явно недовольная, что он её перебил, – но сражаться не обязательно. Там, на капище Сальвадор – просто попроси её тебе помочь. Попроси прощения, за то, что решил, что достоин с ней бить-

ся. Она снимет с тебя эту дрянь. Она – дух, ей это по силам.

Шайтанова девица. Она, казалось, может пробраться под кожу и одной только нежностью заставить тебя сделать то, что ей нужно. По крайней мере – в первую минуту, опьяненный её проникновенным шепотом, Пауль даже задумался – может, и вправду сделать так? Раз уж Мун так просит.

А потом...

– Есть два “но”, почему я этого не сделаю, – Пауль качнул головой, – весь Махасар знает, что Сальвадор не помогает мужчинам...

– Я за тебя попрошу, – тут же вскинулась Мун, – Пауль, она не откажет.

Почему эта глупышка настолько верила в то, что говорит?

– Скольким мужчинам отказала Сальвадор за эту сотню лет? С чего ей делать исключения для меня? – устало возразил Пауль, лишний раз пробегая пальцами по упрямо задранному подбородку девушки. – Даже если так, если она тебя послушает, если даже снизойдет до меня, я не могу так надругаться над собственной честью. Я дал слово. И ничто меня не заставит от него отступить.

Он не понял, как она выскользнула из его рук. Вот просто только что была в его объятиях, прижималась к нему, и вот уже стоит в двух шагах и обнимает себя за плечи.

– Уходи, Пауль, – сухим, как полуденный песок, и страшным, как голодная смерть, шепотом, произнесла девушка. Это было жестко – такой контраст нежности и отчуждения...

Пауль шагнул было к девушке, но Мун отскочила от него еще дальше.

– Коснешься меня, и я закричу, – предупредила она холодно, и да, было ясно, что так она и сделает.

Пауль только бессильно сжал кулаки.

– Мун...

– Убирайся, – от неё дохнуло такой подлинной яростью, что аж мороз по коже прошелся, – иди, блюди свою честь, герой.

Еще минуту он стоял, пытаясь найти повод не уходить, но его не было. Он был на женской половине чужого дома, он был в непозволительной близости к чужой рабыне – и она его видеть не хотела.

– Я уйду, хорошо, – Пауль кивнул, – ты поймешь меня, потом.

– Сомневаюсь, – ядовито возразила Мун, – сомневаюсь, что пойму, почему ты выбрал свою честь, а не “ту, что выбрало твое сердце”. Впрочем, мужчины часто слишком много болтают. Вот и ты – болтун, Пауль Ландерс. Красивыми словами бросаться мастер. Но так же, как и все другие, ты делаешь только больно.

Пауль кивнул и развернулся к двери.

– Стой. – Он не успел шагнуть к циновке. Мун его остановила.

В нем шевельнулась была надежда, что она отошла, но девушка прошла мимо него, не для того, чтобы снова к нему

приблизиться.

– Я посмотрю, нет ли там кого, – пусто сообщила девушка, – если тебя заметят – мне достанется. Хочешь навредить мне всеми способами?

– Ты несправедлива, – Пауль вздохнул.

– О, как часто я это слышала, – едва слышно прошептала Мун, а потом коснулась циновки и, чуть смяв её, глянула в коридор через небольшую щель.

Чтобы тут же отпрыгнуть от двери и обернуться к Паулю. Слишком резко...

– Мансул идет, – выдохнула девушка, оборачиваясь.

А вот это было точно не кстати...

19. Глава, в которой враг, как всегда, насмехается

Когда Мансул зашел в комнату, вспыхнули все восемь магических светляков под потолком. И сама Мун дернулась от окна, будто бы смотрела в него, а не подскочила к нему только что. Она выглядывала в коридор слишком быстро, её не должны были заметить.

– Хозяин? – в её голосе прозвучало такое искреннее удивление, что сейчас она, наверное, и Шии-Ра бы обманула. Она и вправду не ждала его сейчас. Он должен был находиться на пиру, наслаждаться этим праздником его тщеславия. Но нет.

– Еще не спишь? – с неожиданной мягкостью поинтересовался Мансул, скрещивая руки на груди.

– Нет, хозяин, – Мун качнула головой, – сегодня красивый закат. Я засмотрелась.

– Закат? – задумчиво повторил Мансул, а потом шагнул к Мун. – Знаешь, это интересно, я безумно давно не наблюдал закаты.

Погасли светляки. Все. Мансул умел неплохо колдовать в бытовом смысле, поэтому его сил хватило, чтобы погасить и те магические огни, что зажигала сама Мун.

И как-то вдруг оказалось, что она стоит в темноте, лицом к лицу с мужчиной, который считается её хозяином. И глядя в загадочную самодовольную физиономию Мансула, она

только лишний раз озадачилась – зачем он вообще явился.

– Ты, кажется, любовалась закатом, Мун, – вкрадчиво улыбнулся мужчина, – не мной. Ты все пропустишь.

Пришлось поворачиваться к нему спиной и все-таки уставиться на небо за окном. Пылающее кровавой зарей. Такие закаты были всегда, когда пустыня собирала особенно большой урожай жертв в своих песках.

Мансул стоял за её спиной, настолько близко, что до неё доносилось его дыхание.

– Ты устала?

Весьма неожиданно оказалось услышать этот вопрос от Мансула, которого обычно почти не волновали проблемы его рабынь.

– Немного, – осторожно произнесла девушка, – я плохо выпалась сегодня.

– Да, мне докладывали, что ты уснула днем, – Мансул явно решил удивить её по полной, – я приказал разбудить тебя за час до выступления. Чтобы ты успела хоть чуть-чуть отдохнуть.

– Вы очень великодушны, хозяин, – выдохнула она, пытаюсь звучать благодарно. Голос чуть подрагивал от волнения. Только бы он не понял, почему именно она волнуется.

Пальцы Мансула скользнули по её голой спине. Она, напряженная как струна, отчаянно боящаяся за одного безмозглого придурка, даже вздрогнула от этого неожиданного касания. Будто молнией ударило.

– Ну-ну, не бойся, – Мансул произнес это со смешком, – я твой хозяин. Забыла? Если я к тебе прикасаюсь – ничего не случится.

Ну, не совсем. На прикосновения магический пояс верности не реагировал. Но, разумеется, девушек запугивали, что и на них тоже. Правда Мун не собиралась признаваться, что была в курсе маленьких слабых мест этих шайтановых чар.

– Ты была не в себе во время танца. Думала, я не замечу?

Она думала, что если он и заметит, то точно не явится к ней выписывать змеиные дорожки по её голой спине. У Мансула был короткий разговор с провинившимися рабами. И в них вот эти прикосновения точно не входили.

– Простите, хозяин, – виноватый вздох удалось изобразить достоверно, – я не хотела разочаровать вас.

– О нет, ты не разочаровала, – Мансул фыркнул. – Ты прекрасно справилась сегодня. Я оказался прав, что в тебя поверил. Многие мои гости не могли отвести от тебя глаз. Они и не заметили. Я – заметил. Я же знаю, как ты танцуешь, когда твоя душа спокойна, Мун.

Он был пьян. Он был пьян и хотел не пойми чего. Этих странных разговоров и будто чего-то еще. Шайтан его раздери. И от него пахло не только вином, но и магией. Эльясовой магией, поглоти его кошмар. Уж Ворон-то мог с трех раз догадаться, к кому пошел Пауль, и послать к ней Мансула, чтобы Мун досталось лишний раз. Да еще и приложил вот этим странным заклятием, обострившим в градоначальнике

Турфана непонятно что.

– Ну же, скажи мне честно, драгоценная, – шептал в это время Мансул, – ты волнуешься перед выходом в Хариб?

– Я последую воле хозяина, – тихо ответила девушка, краем глаза косясь влево, пытаюсь увидеть – достаточно ли естественно лежит покрывало на кровати, – но если хозяину любопытно – да, столь скорая разлука с Турфаном вызывает у меня беспокойство.

– Беспокойство? – повторил Мансул, и его касания стали плотнее. – Или страх, Мун?

Она не нашлась, что ей ответить, просто опустила глаза, надеясь выглядеть виноватой. А еще надеясь все-таки рассмотреть шайтаново покрывало.

– Ты не такая как Алия и Зулейха, – нашептывал Мансул уже почти в самое ухо девушки, – я же вижу. Они радуются, что могут стать наложницами халифа. Ты – нет. Ты не рада. Ты боишься. Ты не хочешь менять хозяина, так ведь, Мун? Хочешь остаться моей?

Она молчала. Она молчала, а Мансул к ней прикасался.

Ей не было страшно, но неприятно – как и всегда, когда ей навязывали эти непрошенные касания. Только Паулю удавалось не вызывать у неё отчуждения, но и это отныне должно было остаться в прошлом.

По дурацкому смертному телу пробежала дрожь, и Мансул, ощутив её, удовлетворенно хмыкнул и отстранился. Кажется, он воспринял это как какое-то волнение. В общем-то

он угадал, но совершенно не понял её мотивов.

– Я не буду тебя торопиться, драгоценная, – снисходительно усмехнулся он, – отдыхай, собирайся с мыслями. Если захочешь остаться моей наложницей – ты придешь и как хорошая девочка попросишь меня об этом. Попросишь, чтобы я остался твоим господином. Думаю, я соглашусь. Я даже буду рад не делиться с халифом тобой. Ведь, как верно заметил сегодня один из моих гостей, ты из моей коллекции – самая яркая.

– А как же ваши дары для халифа, господин? – негромко поинтересовалась Мун. Не будь Мансул пьян, он бы, наверное, и не ответил, но сейчас все играло на её стороне.

– У меня по-прежнему остаются Алия и Зулейха. Халиф любит чужеземок, Алия ему придется по нраву. – Мансул пожал плечами, а потом глянул на девушку свысока. – Ты поняла, что я тебе сказал?

– Я поняла, господин, – она произносила это смиренным и усталым тоном, всячески демонстрируя удивленную и совершенно неподготовленную к таким разговорам дурочку.

– Прекрасно. Тогда отдыхай, драгоценная, – Мансул вышел из комнаты все с тем же удовлетворенным видом.

Вот ведь... Павлин недощипанный. Его надо было попросить! И он, так и быть, возможно, мог сделать милость... Хотя, чего удивляться. У Мансула две жены и три наложницы. Не сказать, что всем достается его внимания, они нужны ему больше для того, чтобы умаслять собственное эго.

Если бы ей не было так паршиво из-за всего, навалившегося на неё этим вечером, – она бы, наверное, даже посмеялась над этой ситуацией. Надо же, как занятно он её понял. А она-то уж думала, что Каул её выдал... Бедняга Каул, наверное, стоял там на посту и не знал, куда бежать от хозяйского гнева...

– Вылезай, Пауль, – ровно произнесла Мун.

Эффинец выполз из-под кровати, но уходить не торопился. Так и остался стоять у её постели молчаливым изваянием, со скрещенными на груди руками.

– Я просила тебя уйти, – сухо напомнила ему девушка, – мне тебе больше сказать нечего.

Пока ты такой глупец, пока ты подыгрываешь шайтанову Ворону, пока ты слишком горд, чтобы жить дальше – нечего. Никаких других слов для тебя не найдется.

И как же больно, что именно в твоих проклятых сильных руках впервые за эту сотню лет хотелось быть слабой.

– Ты не его наложница? – Пауль дернул головой в сторону двери, в которую ушел Мансул.

И это все, что его волнует?

– Пока – нет, – Мун равнодушно пожала плечами, – рабыня. Танцую, музицирую, массирую господину ноги. Мансул бережет меня...

– Для халифа? – рвано выдохнул Пауль. Вот как у него так получилось? Вот так взять и помешаться именно на ней. За какой-то день. Хотя... И она-то сама хороша.

– Для халифа, – ледяным тоном подтвердила Мун, – но тебя это не касается, Пауль Ландерс, тебе пора.

– Послушай, Мун, – осторожно начал Пауль медленно подбирая слова, – я же говорил тебе, что с Аманом у меня своя договоренность?

– И что мне за дело до этого?

– А то, что эта договоренность тебя касается напрямую, – Пауль сжал левый кулак, будто собираясь с мыслями, – мы с Шейлом договорились, если я... Вернусь от Сальвадор победителем, он заплатит мне столько, чтобы я смог тебя выкупить. И в этом случае ты будешь моей, понимаешь?

Ох, ну конечно, она понимала. И по губам зазмеилась горькая улыбка. Наверное, ей должно быть лестно. Ведь это такая великая честь – стать наградой для героя.

Такая честь быть вещью, которую передавали из рук в руки – Сальвадор аж подташнивало.

– А в чем его выгода? – насмешливо поинтересовалась Мун, отчаянно придерживая яд в тоне.

– Ему что-то там нужно, – Пауль сморщил лоб, припоминая, – пепел уничтоженной полубогини. Он – алхимик, для него это бесценный ингредиент для зелий. И он готов платить аллатским жемчугом за него. Любую цену, какую только захочет твой хозяин.

Звучало складно. Пепел уничтоженных духов продавался и охотниками на вечно голодных хорл и стайных ядовитовых вайгов. И для алхимиков он действительно имел большую

ценность, и чем сильнее дух – тем ценнее был от него пепел. Так что да, горсть пепла Сальвадор могла обеспечить Паулю покупку наложницы даже у жадного Мансула. А две – даже помогли бы Паулю добраться до родных Эффин.

Вот только... Ворон же не мог не знать истины. И ничего-то он Паулю давать был не намерен.

– Мун, ну что ты молчишь, – не сдавался упертый северянин, – скажи мне, ты хоть чуточку рада? Сейчас ты понимаешь, почему я не могу отказаться от этой сделки. Почему не могу попросить Сальвадор о помощи? Ведь тебе-то это никак не поможет, так?

– Знаешь, даже если бы я не сомневалась, в том, что все у тебя выйдет – есть у меня глубокие сомнения в том, что Мансул уступит меня хоть кому-то, пока он сам в меня не наигрался, – спокойно произнесла Мун, – но, видишь ли, возможно, мне это не помогло бы, зато ты бы остался жив. Для меня это важнее.

– Мое право распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению, – Пауль качнул головой.

– Да, и какая жалость, что у меня такого права нет, – с пустотой, сводящей сердце, ответила Мун, глядя мимо Пауля, – вот только знаешь, в таких условиях – мне без разницы, для кого быть вещью. Для павлина Мансула, для шайтанова халифа, или для одного лжеца, что очень старается выглядеть благородным героем.

На самом деле она понимала, что её слова слишком же-

стоки для него. И их действительно хватило, чтобы Пауль замолчал.

– Мун... – в его голосе зазвучала такая глухая тоска, что самой себе ей захотелось залепить оплеуху. В конце концов, он был неплохим парнем, и ранить его вот так – было некрасиво. Почему перед Мансулом у неё получалось разыгрывать глупую девочку, а с Паулем обнажалась именно её суть? Но все-таки... Быть неплохим – не значит быть действительно хорошим. Ведь не было у него даже в уме, если он выкупит её – распустить рабский ошейник на её горле. Иначе он бы сейчас об этом сказал.

У него – рожденного в Эффинах, где рабство было запрещено, никаких таких мыслей не было...

– Ты – свободен, Пауль Ландерс, – девушка качнула головой, – во всех смыслах этого слова.

Пауль упрямо сжал губы. Может быть, она что-то задела в его душе, но он продолжал упираться и явно не намерен был сдаваться.

Он ушел. Ушел, и Мун осела на пол, пряча лицо в ладонях. Господи, как же хотелось плакать... Но из-за кого? Из-за смертного? Какая глупость.

Серебристый смешок прошелся по её коже.

– Убিরайся, Эльяс, – выдохнула Сальвадор, не поднимая глаз. Этот ублюдок не был достоин её взгляда.

– Ах, Салли, какая ты разбитая, – промурлыкал Ворон,

присаживаясь напротив, – скажи, тебе ведь жаль юного Ландерса?

– Скажи-ка, Эль, – она ощерилась как голодная гиена, – а тебе самого себя не жаль? Я ведь буду убивать тебя настолько медленно, что ты забудешь, что вообще жил в мире, лишенном твоей агонии.

– Ты такая злая, дорогая, наверное, и в постели горяча, – теплые крылья Ворона прижались к её спине, будто обнимая Сальвадор. Он знал, что её это бесит, но делал это ровно затем, чтобы довести её окончательно.

Что она там хотела? Выдергать эти крылья по перышку? О да! И заставить его сожрать эти перья. По одному. И тщательно пережевывая.

– Ты ведь знаешь, что я не смогу ему проиграть, так? – прошипела Сальвадор, все-таки поднимая взгляд и глядя на Ворона в его истинном обличье. – На моем капище, в ночь духов – я не смогу отказаться от поединка и проиграть – тоже не смогу. Ты хочешь, чтобы я его убила. Скажи, чем он тебе так досадил, Эль?

– Ты знаешь, – Эльяс встряхнул головой, отбрасывая длинную черную прядь с лица, и поднял запястье. На нем, на бледной коже Ворона красовался браслет. Обручальный. На нем вились, переплетаясь друг с другом, черные и белые узоры. Для знающих язык пустыни не было бы сложно разобрать в этих узорах имена. Их с Эльясом имена.

Такой же был и на её руке. Уже давно – с той самой поры,

как первый смертный придумал эту байку об их помолвке. Сальвадор было плевать на эту связь, так же как и Эльяс, вот только с недавних пор он решил, что это была все-таки ужасно забавная идея. И надо бы её сделать явью. Именно с того дня и началась история ненависти Сальвадор к Королю Воронов – и с каждым днем этой ненависти становилось только больше.

– Никто не смеет прикасаться к собственности Эльяса эль Мора, – с едкой ухмылочкой произнес Ворон, – а ты – моя, так суждено.

Нужно было рассечь эту связь раньше. Почему она была настолько глупа, что не хотела на это отвлекаться? Вот сейчас она не могла воспользоваться кинжалами для этого. Нужно было дожить до конца этих пяти лет. Которые уже сейчас кажутся почти бесконечными.

– Просто сдайся, Салли, – шелково шепнул Эльяс, – просто согласишься принадлежать мне. И тебе не надо будет никого убивать. Правда, больше никаких мужчин, никаких реинкарнаций в телах мужних жен, ты будешь только моя и ничья больше. Моя Королева никакой Судьей быть не может.

– Просто сгинь, Эльяс, – в её голосе ярость уже не кипела – она готова была извергнуться будто вулкан.

Именно сегодня её уже тошнило от необходимости быть чьей-то вещью.

– Позовешь, как надумаешь, – хмыкнул Ворон и милостиво растаял. Кажется, свое удовлетворение он уже получил.

Наверное, было ужасно приятно видеть её настолько разбитой.

И все это – из-за одного упрямого безмозглого эффинца!

Часть 2. Пустыня

20. Глава, в которой происходят встречи

Белый шелковый песок её судилища приятно ласкал ноги. Её капище, место её силы – в котором она была сильнее, чем где-либо, если, конечно, ступала сюда своими ногами.

Сальвадор стояла посреди круга из двенадцати белых камней, на вершине каждого из которых сиял белым светом кристалл. Кристаллы светили внутрь капища. За камнями же стояла плотная непроглядная темень.

Она стояла в чем была – в тонкой рубашке, в которой спала, и черных шароварах с распушенными подколенными завязями.

Ночной наряд, не дневной. Под безжалостные очи Ши-Ра нельзя было являться в черном, если, конечно, не хотел превратиться в хорошо прожаренный кусочек мяса. Солнцеликая терпеть не могла ночь, её цвет и имя Мафрея, накрывающего мир смертных своим шелковым покрывалом, в складках которого прятались только звезды и сны.

Что она делала здесь? На капище – и в таком очень смертном виде. Смертным не дано было увидеть её такой. На их

зов она являлась именно Судьей, укрытой от их ненужного внимания синим широким нарядом.

Но почему сейчас и здесь она – не в форме духа?

– Сальвадо-о-ор, – протяжно провыл ветер за спиной, пройдясь по спине холодом.

Повернулась она медленно, вглядываясь в густую пелену мрака за незримой чертой, отделявшей её капище от пустыни.

Пустота. Тишина.

– Сальвадо-о-ор, – снова хриплый, измученный, будто даже голодный стон.

Кто-то будто хотел её напугать. Кто-то очень глупый решил, что ему это по силам.

Она не боялась, но чутье – чутье ничего хорошего ей не сообщало. Ни одной живой души на добрый десяток фарсов вокруг. Но кто-то её призвал сюда, кто-то достаточно сильный волей, чтобы дозваться до духа.

Достаточно сильный, чтобы вытягивать её сюда каждую ночь, с той самой минуты, как караван вышел из-под защиты солевых озер. Стоило только смежить веки – и она тут же оказывалась тут, на капище, и слушала его вой.

Голодный, захлебывающийся, яростный.

Вой чрезвычайно сильной и не живой твари...

Шесть дней она уже проводила здесь ночи. Сначала – звала. Попыталась выманить тварь на белый песок её капища, под ослабляющий свет кристаллов.

Потом – просто ждала, не реагируя.

Сегодня – окончательно потеряла терпение.

Трего и Тейлат, два кинжала её правосудия, легли в ладони, стоило только их призвать.

Она спала сейчас, и тело её дрыхло в одной из палаток караванщиков, укутанное в тонкое одеяло из верблюжьей шерсти. Здесь, на капище, был только дух без каких-либо ограничений.

В черную тьму она шагнула без страха. Здесь, и на три фарса во все стороны – была её земля. Ни один мелкий дух, ни один наглый демон здесь не смел творить произвол, все они трусили, боясь привлечь её внимание.

Ноги сделали пятнадцать шагов вперед, увлекая свою хозяйку подальше от защитного света камней Судилица. Здесь её нечему было защищать кроме неё самой.

– Где ты? – спокойно произнесла Сальвадор, прикрыв бесполезные в этой густой темноте глаза и обратившись в слух. – И кто ты?

За спиной её закрипело, засипело, зашелестело.

Нет, точно мертвяк...

В пустыне скрипеть нечему. Это скрипели кости...

Мертвяки, неуспокоившиеся души, ничем новым для Сальвадор не были. Много их было, тех, кто ненавидел её, тех, кто, умирая – очень хотел расквитаться с Королевой Скорпионов.

– Сальвадо-о-ор, – протяжно взвыл мертвяк. Но не подо-

шел.

– Ну же, давай, вот же она – я, – шепнула девушка в темноту, танцующим движением скользнув еще на пару шагов в направлении скрипа.

Она ощутила, как вздрогнул воздух, и руки сами взметнулись вверх, встречая сведенными вместе концами кинжалов ржавый меч её врага.

Мертвяк был огромный. Такой высокий, что короткий меч пешего воина в его руках смотрелся простой игрушечкой. У него, как и у всякого выходца из Царства Вечных Снов, была серая кожа и черные, без всякого зрачка, глаза. И темные волосы, собранные на затылке, были заплетены в длинную толстую косу. Он был главой семьи когда-то.

– Верни... – прохрипел мертвяк и, сделав шаг назад, резко взмахнул клинком, – верни...

– С этим не ко мне, сладкий, жизни мне не подвластны, я дарую только правосудие, – Сальвадор нырнула вниз, уклоняясь от клинка, а потом сделала еще два шага вперед, чтобы ужалить своего соперника кинжалом в подмышку. Здесь, в её снах, все уязвимые точки его тела работали как у живого.

Повлиять на ловкость врага почти не удалось, он просто перебросил клинок из раненой руки в целую. Но она и не собиралась останавливаться. Скользнула вперед с кинжалом наперевес до того мгновения, как сталь не встретилась с серой плотью умертвия. И сам выходец из царства Мафрея упал на колени на песок, выронив меч тут же.

Он осыпался мелкой пылью, медленно, но неминуемо.

– Спи спокойно, – шепнула Сальвадор, опускаясь на колени рядом с мертвецом. Она не очень любила выходцев, но в конце концов, любая душа была достойна покоя. Хотя Мафрею и надлежало лучше следить за своими приемными детьми.

Холодная рука выходца вдруг сгребла её за шею. Это было настолько неожиданно, что сердце в груди испуганно подскочило.

– Здесь ты меня победила, – прорычал мертвец, демонстрируя перед своим исчезновением чудеса красноречия, – но я найду тебя там, Сальвадор. И там ты вернешь мне...

Он не успел договорить, потому что кинжал Тейлат в его груди вспыхнул, ускоряя процесс уничтожения.

Проснулась Мун, все еще ощущая на своем горле ледяную хватку выходца.

Встала, выглянула из шатра наложниц, взгляделась в темноту, сгущающуюся над караваном. Спокойная ночь – никаких криков, даже хорлы голодные не воют.

Но вот надолго ли?

Только умертвия ей и не хватало...

Выходец обещал найти её *там* – то есть тут, в теле смертной, с запечатанной магией.

Ей не было страшно. У неё был Анук, и он мог её защитить, даже смертную. Его магии было более чем достаточно,

не нужно было бы даже снимать печати.

Но в этом караване было полно смертных, которые могли не справиться с умертвием. Были здесь и женщины, которых защищала Сальвадор. Подставлять их всех под удар ей не хотелось...

Уснуть снова не получилось. Жаль, конечно, сон никогда не был лишним в жизни простой рабыни, а в пустыне – даже если ты едешь верхом на верблюде, нельзя сказать, что ты не устаешь во время пути.

Солнцеликая Шии-Ра любила мучить странников в своей пустыне. Хотя она и называет это более приятным словом “испытывать”.

Мун предпочла бы, чтобы её не испытывали. Женское тело и так было слабым, не особенно пригодным для таких путешествий.

Уже на рассвете в Махасаре было пекло. Ночной холод отпускал за два часа до пробуждения Шии-Ра.

Анук явился по первому зову. Принес соль и похищенный с кухни нож из галламской стали.

Отлично. Охранных рун нет, значит, магией вора не отследишь. Да и вряд ли местный повар поднимет тревогу из-за мешка с горстью соли, если будут разбираться – прознают, что он и сам приворовывает из общего караванного продуктового запаса. Мун только и оставалось, что спрятать мешок с солью и ножом в самой глубине дорожного мешка, и спокойно отправиться к колодцу, вокруг которого и разбили ла-

герь караванщики. Грех пренебречь возможностью нормально умыться, следующий колодец – в трех днях пути. И до него весь караван будет воду только пить и вообще тщательно экономить. А умываться собственным потом – благо сомнительное.

– Доброе утро, Мун, – Халима, рабыня торговца, что вез в Хариб тончайший Турфанский шелк, приветливо кивнула, – становись за мной.

– Спасибо, Хали, – вздохнула Мун, обозревая столпившихся у колодца караванщиков. В основном – слуг и рабов, господа купцы так рано не просыпались.

Очередь была приличная, несмотря на ранний час. Слуги вообще редко имели право и смелость просыпаться поздно. Если господин проснется, а вчерашнее похмелье в честь остановки у колодца ему запить будет нечем – кому-то не поздоровится.

Поэтому все и явились сюда, чтобы набрать воды для своих господ впрок.

И тем не менее, пусть от долгожданного умывания её и отделяло не меньше трех четвертей часа, пусть смертное тело и бесило тем, что уже заранее изнемогало от духоты, на вкус Мун – утро начиналось прекрасно.

У неё была сталь и соль – все что нужно для того, чтобы провести защитный контур вокруг лагеря, чтобы выходцы держались на расстоянии. Осталось только понять, какими силами удержат некоторых непоседливых караванщиков

внутри этого контура вечером. Можно было бы использовать магию Анука, но... Это слишком большое воздействие, оно наверняка заинтересует Эльяса.

А он и так не давал ей проходу, еще и в караван этот влез как участник. Ходил с отрядом охотников на духов, магичил и делал вид, что охотой на диких вайгов ужасно перенапрягается.

На самом деле – он, кажется, просто следил, чтобы один конкретный смертный болван не попал под раздачу раньше срока.

– Доброе утро, лилия моя, – раздался за спиной негромкий вздох.

Пауль...

Её упрямая проблема, не желающая отступаться от намеченной цели.

Она так старательно избегала мыслей о нем все это время, пыталась найти выход, как ей избавиться этого идиота от магического контракта и самой избежать поединка – но... Она не могла действовать без его просьбы. Это бы нарушило условия её пари, по которому она не могла вмешиваться в дела смертных по своей инициативе.

И Эльяс бы выиграл. Её бы выиграл. Как она ненавидела его за самую суть этого унижительного пари – никакими словами не передать.

Северянин коснулся её плеча – Мун пришлось им дернуть, чтобы оттолкнуть его руку. Он совершенно не сообра-

жал – здесь же были и слуги Мансула, да и в принципе – в караване сплетни разлетались быстро.

Сама она к Паулю не повернулась. Он все еще не передумал, и разговаривать им было не о чем.

Но вот глазами Анука, стоящего слева от неё, она на Пауля все-таки поглядывала.

Он выглядел усталым. Одну ночь из двух он выходил с караванным отрядом наемников в охоту на вайгов. Купцы, не умелые в охоте и воинском искусстве, платили за каждого убитого вайга поголовно, и Пауль пользовался этой возможностью заработать себе на обратный корабль до Эффин.

Он хотел домой... Она могла его понять на самом деле. Но из четырнадцати открытых контрактов халифа он выбрал именно тот, который ничего хорошего ему не обещал.

– Мун, может, хватит меня мучать? – хрипло произнес северянин, глядя в её спину.

– Ты передумал? – она уже устала произносить эту фразу. За эти две недели она произносила её иногда два раза за день. Ведь Пауль как назло постоянно искал с ней встречи.

– Я устал тебе говорить, я не могу нарушить слова, – негромко откликнулся Пауль, – на кону слишком многое. И ты!

Халима тихо хихикнула. Но она была хотя бы не сплетницей и помалкивала. О том, что Пауль никак не оставляет рабыню Мансула в покое, она знала давно. Находила это романтичным. И молчала. Это было хорошо – потому что еще

не хватало, чтобы Мансул имел на непутевого эффинца зуб.

– Тоже мне, большая ставка, – Мун поморщилась.

– Сердце мое, да, большая, – вздохнул этот болван, чьи таланты в упертости превосходили тысячу ишаков, – я без тебя дышать не хочу.

Халима тихонько вздохнула. Не без зависти. Романтичная дурочка. Впрочем, Пауль умел забалтывать и водить за нос. Видимо, не все купеческие привычки отшибла ему Харибская Арена.

– Не стоит ради приступа похоти рисковать своей жизнью, Пауль, – холодно откликнулась Мун, – красоток в этом мире достаточно. Не обязательно ради всякой лезть на рожон.

Пауль же стиснул зубы, глядя в её спину. Разозлился. Мун уже две недели прохаживалась по тому, что отнюдь не высокие чувства его к ней влекут, раз уж одного дня ему хватило для того, чтобы «влюбиться».

Это было жестко и некрасиво, но она только отчаянно надеялась, что сможет до него достучаться. В конце концов – Сальвадор никогда не славилась особой церемонностью. Было даже странно, что она сейчас чувствовала эту странную неловкость за свою прямолинейность.

А Пауль... Ну, если серьезно, он ведь и вправду был влюблен не в неё. Не в неё настоящую.

Он любил рабыню Мун, а не Сальвадор, что была заточена в этом хрупком смертном теле. Ему нравилось смазливое личико, фигуристое тело, но ни в коем случае не его содер-

жимое. И что? Это не похоть разве?

И никогда бы он не смог полюбить именно её. Никто на это не был способен. За эти несколько сотен лет в пустыне никто не нашел хоть сколь-нибудь очаровательным её бунтарский дух. Все они хотели её сломать, усмирить, заставить опустить руки.

Зато все были уверены, что именно мужа ей и не хватает, мол, именно поэтому она и не унимается!

21. Глава, в которой герой не ищет легких путей

В палатку Пауль вернулся уже привычно раздраженный.

Настолько привычно, что Рахим, что шел вдоль лагеря и голосил о подъеме, обогнул Пауля по дуге, не желая лишний раз нарываться.

Нужно ли говорить, что с Рахимом у Пауля были острые отношения? Для этого оказалось достаточно одного фривольного замечания в адрес Мун...

Пауль и понимал, что ему бы лучше шифроваться получше в своей приязни к рабыне Мансула, но выходило это паршиво. Впрочем, до Мансула эти слухи то ли не доходили, то ли ему было даже приятно внимание к «его собственности». Уж не за этим ли одну ночь из четырех его танцовщицы развлекали самых солидных купцов, пустившихся в путь до Хариба.

Да и не один Пауль неровно дышал к рабыне Мансула. Темноокая Зулейха так и вовсе не знала бы отбоя от ухажеров, будь она свободной. Пауль слышал как минимум двоих мечтателей, собиравшихся её у Мансула украсть и рассуждавших о том, как бы избавиться от рунного ошейника. Или – без согласия Мансула перезамкнуть на себя.

А никак. Эту дрянь можно было только самому распустить, если тебе повезло стать хозяином рабыни. И хозяином

можно было стать только в одном случае. Если тебе рабыню передали.

– Дай угадаю, братец, ты встретился со своей сладчайшей? – мягко поинтересовался Шейл, приподнимая голову с подушек.

Он страдал от духоты и мучал Падме, заставляя её обмахивать его веером, не желая плести для самого себя освежающие чары. Хотя иногда у Пауля было ощущение, что Шейл просто любит заставлять Падме вокруг него бегать. Впрочем, по некоторым признакам – служанка у чародея была очень даже «за» беготню вокруг своего слегка самовлюбленного хозяина.

На вопрос Пауль не ответил, недовольно зыркнув на названного брата. Все было понятно.

Вот почему – жизнь потихоньку налаживалась, вместо побега у Пауля Ландерса вдруг появилось дело, привычное и понятное – и кошелек потихоньку тяжелел.

Да и в плане перспектив, нельзя сказать, что боги противились затее Пауля. На прошлой неделе Пауль был в храме Эльяса эль Мора, принес в жертву прибитого собственноручно арахнида – унес из храма черный отпечаток четырех перьев на левом плече — знак благословения Короля-Ворона на грядущую битву с Сальвадор.

А Мун... Эта несносная девица только все меньше его замечала.

– Не суди Мун строго, Пауль, – мурлыкнул Аман, сладко

потягиваясь, – может быть, ей по нраву перспектива стать наложницей халифа? А ты как охотник на духов ей уже не очень интересен? Говорят, халиф Хариба видный мужчина.

Ага. Видный. За три фарса видный. Из халифа можно было скроить двух Паулей и еще осталось бы материала на трех Аманов.

– Шейл, скажи, ты ведь очень хочешь, чтобы я тебя придумал? – хмуро поинтересовался Пауль, а чародей на это лишь прищурил свои бесстыжие лиловые глаза и промолчал. Дразнить Пауля у него было в привычке. Вместо доброго утра.

И все же еще и эта версия была лишней.

В голове Пауля было и так слишком много ревнивых версий о том, кто мог значить для Мун больше, чем этого хотелось именно ему.

Мало ли их было – тех, кто рядом с ней крутился. Каул этот – из охраны Мансула. Он точно пялился на рабыню своего господина слишком плотно.

И Анук!

За эти две недели Пауль уже успел заметить, что этот немой раб-магик регулярно оказывается рядом с Мун. В любой миг, когда у него самого нет работы. А по вечерам они и вовсе сидели у костра вдвоем, подолгу, плечом к плечу. И тишина между ними казалась опаснее любой болтовни.

– Падме, налей нам чаю, – Шейл таки взмахнул рукой, очерчивая длинным пальцем в воздухе витиеватую загогулину, чтобы воздух стал посвежее.

Чай пришелся кстати. Особенно охлажденный еще одним заклинанием Амана практически до ледяного состояния.

– Ну, что ты все мрачнее тучи, братец, – фыркнул волшебник, потягиваясь к блюдцу за кусочком пахлавы, – лотос души твоей наговорила чего?

Наговорила? В общем-то ничего нового Паулю Мун не сказала. В очередной раз проехала по тому, что идет он на смерть, отказываясь верить, что он победит Сальвадор, в очередной раз будто ткнула своим тонким пальчиком в больное место.

– Она мне не верит, – Пауль покачивал пиалу в пальцах, наслаждаясь её прохладой, – не верит, что значит для меня больше, чем весь мир. Говорит, это просто похоть. Я уже даже не знаю, как ей доказать обратное.

– Доказать? – задумчиво повторил Шейл и зашарил по карманам халата в поисках трубки. – А хочется именно доказать? Может, ну его, выкупишь её у Мансула, и пусть эта бесовка поспорит с тобой как с хозяином. И не надо ничего доказывать.

Пауль глянул на Амана лишь для того, чтобы понять, что это была одна из его идиотских подколов. Да, именно она это и была. Можно и посильнее набычиться, чтобы этот любезнейших из магов подлунного Махасара прекращал нести свою чушь.

Разумеется, Пауль хотел, чтобы Мун перестала принадлежать али Хмару. Пауль не хотел ни с кем её делить. Ни с

Мансулом, ни с Ануком, ни с четырьмя десятками купцов и их прислугой, что пустились в путь до Хариба. Но заставлять Мун принимать его силой... Она и так была для него хрупким миражом, и от пары мыслей о хоть каком-то принуждении накатывала тошнота.

Его теплая солнечная лилия была достойна лучшего отношения. В конце концов, если Пауль бы допустил иное к ней отношение – разве в этом случае и не оказалось бы, что Мун права, и что его к ней ведет одна лишь похоть.

– Знаю, знаю, что ты хочешь по-хорошему, – рассмеялся Шейл, подбрасывая в пальцах кисет и меняя вкус у табака, – болван ты, братец, такие возможности упускаешь.

В воздухе потянуло фисцианом – редким фруктом из дальних оазисов Махасара, доживавшим до Хариба только благодаря магии, не дающей испортиться. Какие специфические однако у Шейла вкусы. Пауль знал вкус фисцианов только потому, что ему их присылали со стола халифа после особенно жестоких – и интересных для зрителей – боев.

– Пойду-ка я собираться, – Пауль вздохнул и встал на ноги. Разговор с магом явно не задавался.

– Сядь, – Шейл поморщился, щелкнул пальцами, и ноги Пауля обвилось покрывало. Иногда эффинец даже диву давался тому, насколько искусен в своем деле Аман. Еще никогда Пауль не видел такой непринужденности в магии. Аман колдовал по наитию, по памяти и по настроению, до того редко ныряя в магические свитки или гримуары, что казалось – он

и читать-то не умеет.

Пауль не шелохнулся, испытующе глядя на Шейла.

– Ладно, ладно, – Аман примиряющее улыбнулся, – я не буду больше шутить на эту тему, Пауль. Если ты хочешь с Мун по-хорошему, то я тебе точно мешать не буду. Сядь, Пауль, у меня есть мысли на этот счет.

Вот это уже был другой разговор. Шейл еще ни разу не предложил Паулю ничего такого, что в итоге бы не оправдало себя.

Даже эта идея с благословением у Эльяса эль Мора – её предложил именно Аман, намекнув, что если уж встрял в миссию по сражению с местной полубогиней – ни одно благословение лишним не будет.

Пауль не особенно верил, что Ворон откликнулся, но тем не менее – тогда, в тишине, когда догорало сердце арахнида на углях в жертвенной чаше, вспыхнули глаза на костяной вороньей маске идола, и именно тогда и ощутил Пауль прикосновение тяжелого крыла к плечу. Тогда отпечатались на его коже четыре пера. Четыре. Это было сильное благословение, на самом деле. Кому-то и двух не давали. Мансул тогда угощал весь лагерь, заявив, что если боги встали на сторону Пауля – и Сальвадор бесчинствовать в Махасаре осталось совсем не долго.

В общем, Шейл али Аман был, разумеется, огромным прохвостом. Это чувствовалось и в том, как он играл в карты, как общался с клиентами, как умудрялся стрясти с Пауля

лишнюю монету за свои магические услуги.

И да, Пауль прекрасно знал, что Шейлу очень нужен пепел сильного духа, иначе бы маг не потащился вслед за наемником из Турфана. Сам Аман получить желаемое не мог и сейчас по мере сил заботился о Пауле, взявшемся за его задание. Но все же их отношения не очень-то походили на отношения заказчика и исполнителя.

– Ты же знаешь, что это за неделя, да? – Шейл все-таки закурил, заполняя воздух вокруг себя сладковатым дымом.

– Неделя духов, семь дней полнолуния, – Пауль пожал плечами. Он знал это в основном потому, что вайг и хорл – этих диких, хищных полудухов, полумонстров именно в эту неделю стало вдвое больше. Они голодали быстрее.

В конце этой недели – Ночь Истины, ночь, когда смертным разрешено оспорить волю Ши-Ра, давшей бессмертие какой-то мятежной душе.

Через шесть дней – его встреча с Сальвадор. Через шесть дней он подробно спросит с неё за смерть Мег.

– Я вообще сейчас о другом, братец, – Амандохнул в сторону Пауля дымом, и из сизого табачного тумана вылетел маленький вороненок. Он облетел вокруг Пауля, а затем рассеялся.

– Шейл, я не умею читать мысли, поэтому многозначительное молчание – это не моя любимая форма разговора, – Пауль кривовато усмехнулся, – говори уже, наконец. Ты же знаешь, если дело касается пустынных духов или богов – я

осведомлен очень поверхностно.

– Оно и видно, – Шейл недовольно скривился, – послезавтра – на третий день недели духов – мы подойдем к оазису Ахиллам.

– Такого оазиса на нашем пути не обозначено, – практично заметил Пауль, изучивший карту движения каравана вдоль и поперек.

– Это не тот оазис, который доступен для смертных, Пауль, – Шейл закатил глаза, явно удивляясь неосведомленности своего собеседника, – это оазис богов, и обычно людям туда вход закрыт.

– Ну и в чем смысл? – с Шейлом иногда приходилось косить под идиота, просто потому что он любил вечно растягивать беседу, превращая её в загадки.

– На неделе духов в Ахиллам можно войти, чтобы получить благословение от одного из их богов, – вздохнул Шейл, явно надеявшийся, что Пауль сам догадается.

– Благословение – это хорошо, – Пауль практично кивнул, – ни одно лишним не бывает. А какое отношение это имеет к Мун? Чем поможет доказать, сколько она для меня значит?

– В Ахилламе есть озеро, на котором отдыхает Нии-Фэй, богиня любви, – тоном совершенно отчаявшегося подсказывать человека сообщил Шейл, – и синий лотос из её озера... Это на любом краю пустыни – знак истинной любви. Достань его и подари Мун – и даже она не посмеет спорить с твоим

к ней отношением. Ведь похоть – это не к Нии-Фэй. Она лотосы всяким повесам не раздает.

– Вы забыли сказать, господин, – еле слышно пискнула Падме, вернувшаяся в палатку с черным вороном Кимом на руке, – что в Ахилламе опасно для смертных. И Нии-Фэй своих гостей испытывает.

– Женщина, – мягко вздохнул Шейл, – лучше налей еще чаю, не болтай ерунду. Может, прикажешь Паулю сидеть у твоей юбки до конца его жизни? Самый лучший повод просить благословения Нии-Фэй – это рассказать ей историю нашего друга. В конце концов, он из-за своих сердечных страданий жизнью рискует. Нии-Фэй непременно это оценит.

Все это было смертельно интересно!

22. Глава, в которой появляется брат героя

Ночь была до смерти холодная.

Мун отчаянно мерзла.

Анук мог сотворить согревающие чары, но его руки вливали магию в песок, по которому плясал нож. А еще согревающие чары могли наложиться на чары отвода глаз, и испортить их эффект. А так подставляться с пари Сальвадор не хотелось. Никто не должен был видеть её, творящей высшую магию. И точка.

Работа заняла время. Иначе и быть не могло. Поди-ка возьми да обведи в защитный контур огромный лагерь каравана. При том, что нож должен быть в руке плетущего заклинание, никаких тебе маневров вроде управления мыслью эти чары не предусматривали.

А еще нужно было справиться до мертвого часа – то есть до того момента, когда Мафрей все больше терял в бдительности, наблюдая за ночной пустыней.

Только тогда, когда меркла луна, и осмеливались вылезть из-под песка выходцы из страны вечных сновидений.

Мансулу, любившему во время путешествия посидеть с гостями допоздна, пришлось подливать сонного зелья, с этим нельзя было частить – он был подозрителен до крайности, да и истинным чудом сегодня Мун удалось стянуть

у него перстень, греющийся, если в чаше хозяина было какое-то зелье. Уже когда он уснул, она шмыгнула в хозяйский шатер и снова надела перстень на узловатый палец Мансула. Но такое удавалось провернуть только ценой немислимой осторожности и изощренных маневров.

Уж больно осторожен был Мансул и не из всяких рук принимал чашу с питьем.

Мун сыпала соль в извилистую дорожку, остававшуюся после ножа Анука.

Соль, сталь, магия. Надёжный и простой ритуал, но много работы, хотя все проходило по плану. За этой работой удавалось отвлечься от вороха неприятных мыслей.

Позавчера ей лично пришлось перехватывать руку стряпничей в караване. В тот самый миг, когда в миску Пауля чуть не упала капля травяного яда. Этот яд она вывести из его крови не смогла бы.

Стряпничая же, оказывается, даже нанялась в караван только для того, чтобы в глубине пустыни отравить того, кто решил бросить вызов Сальвадор.

Когда-то Сальвадор помогла матери этой девушки...

Когда ее поймали, Шайлиф шипела гневно, заявила, что Мун предаёт сестринство дочерей пустыни и саму Сальвадор лично, защищая жизнь северянина. Это было смешно.

Пришлось даже присниться Шайлиф в привычной форме духа и строго наказать оставить при себе мстительные порывы. Судья Пустыни сама разберется с любым, кто бросит ей

вызов. Для неё это долг, а для смертной – преступление.

Девушка притихла.

Как будто Сальвадор бы стало лучше, если бы этот безмозглый эффинец вдруг взял и погиб. Она и так уже сломала голову, как ей обойти условия пари и снять с Пауля узы его присяги.

Выходило либо, что она ему поддастся в поединке, либо – Пауль Ландерс станет тем, чья кровь впитается в песок её капища. Из всех подлецов, что ходили по пустыне, почему-то умереть от её руки решил именно тот, к которому у Сальвадора претензий не было.

За которого болело сердце...

Почему из всех мужчин пустыни оно было беспокойно именно за этого безмозглого эффинца?

Обойти – точнее обползти весь лагерь караванщиков получилось за три с лишним часа.

Силовой контур, отталкивающий выходцев был закончен как раз к тому часу, когда большинство караванщиков спали, отдыхая перед тяжелым переходом следующего дня.

– Молодец, – шепнула Мун Ануку, касаясь широких пальцев. Глупая привычка. Но еще в Турфане ей начала мерещиться искра сознательности в темных глазах её второго тела.

Это была совершенно безумная идея – ведь Анок был просто пустым телом, созданным самой же Сальвадор, чтобы даже в условиях пари у неё был доступ к магии, хотя бы в ка-

ком-то варианте.

Мун должна была быть рабыней без магического дара, таково было условие Эльяса. Анук же нужен был именно для таких случаев как сейчас. Когда вроде и нужна магия, а своими руками её творить нельзя.

Анук не ответил. Он и не мог ответить, она создавала его немым, дабы не задумываться над тем, чтобы еще и речью его управлять. Но в который раз Мун показалось, что Анук посмотрел на неё дольше, чем это было бы, будь он просто её инструментом.

Глядя на извилистую змейку защитного контура, сохраняющуюся на песке, Сальвадор думалось о том, что вообще, ей бы этим не стоило заморачиваться.

Ну, подумаешь, – выходец. В конце концов, у караванщиков есть Ворон, и вряд ли в его интересах, чтобы её смертное тело погибло до того, как она прибудет в Хариб. Ворон намерен трепать ей нервы весь этот год, все четыреста двадцать дней, не меньше. И он наверняка шевельнет крылом и отправит выходца к Мафрею в одно мгновение.

Вот только когда он это сделает?

У мертвяков совершенно другая магия, человеческая магия перед ними бессильна, а сами неспящие были смертельно опасны. Даже легкое прикосновение выходца к человеку было способно надолго покалечить. Есть ли Эльясу дело до людей, идущих в караване? До женщин? Увы, но Сальвадор в это не верилось.

Ну и... Было у нее подозрение, что одна не в меру героичная личность обязательно сунется сразиться с выходцем. Хотя вот в этом случае ему было не справиться.

Поэтому пришлось делать все самой.

Ждали мертвяка они поодаль от лагеря. С той стороны, куда не шлялись даже по естественным нуждам. Все, лишь бы никто не заметил, как Мун и Анук встают спина к спине, переплетаясь пальцами, и на её лбу вспыхивает метка духа, как вспыхивают в самой глубине её зрачков сапфировые точки.

Трего.

Тейлат.

Кинжалы правосудия легли в ладони, и она прямо ощутила, как соскучилась по ним. Как неполноценно себя чувствовала в этой неполноценной реинкарнации, с сознанием духа в ограниченном смертном теле. Простой смертной было проще. Память о подлинной сущности всегда приходила только после смерти.

Алима. Тариас.

Реликты откликнулись на зов тут же, но Сальвадор не стала снова короновать себя скорпионом и украшать аспидом. Ей сейчас абсолютно ни к чему была вся её сила. Было довольно лишь глотка. А для этого достаточно было присутствия реликты.

Это было совершенно невозможное ощущение. Она видела все, что хотела увидеть. Слышала даже самый тихий ше-

пот поодаль отсюда.

И шорох песка под деревянными ногами того, кому надлежало крепко спать и не просыпаться – тоже.

Он был недалеко... Совсем рядом... Волочился к лагерю.

Она и не думала, что он окажется настолько близко, Мафрей еще не спал, час мертвых не наступил. Всем им полагалось спать.

Всем, кроме...

Странная догадка забрезжила где-то на краю сознание.

Занятое дело ей рисовалось...

Под очами Мафрея осмеливались шагать только те, кто не был допущен в его страну. Те, кого отверг суд предков. Люди, при жизни запятнавшие семью, ставшие причиной её лишений.

Мертвец, имевший претензии к Сальвадор, что-то от неё требующий, и не прощенный предками...

В идеальном мире, с правильными законами, таких было бы море. В мире неидеальном редкие предки осуждали своих потомков за их деяния. Вредная привычка любой матери, которая редко замечает, что её сын – грабитель и разбойник, а если и замечает – то всегда найдет чем оправдать.

Души смертных обычно слушались воли тех, кто был поставлен выше них. Богов. И духов...

И если явившийся в страну Мафрея сын своей семьи нес на себе печать проклятия разъяренной полубогини...

И какова же вероятность, что из всех выходцев плетется

именно тот, кого Сальвадор знала в обход наложенных на память чар?

Ну, не то чтобы небольшая, но... Любопытно!

Все-таки характер у дела резко поменялся. Искал Сальвадор не одержимый мстью глупец, а тот, кому от неё досталось, и кому не находилось покоя.

Анук и Сальвадор опустились на песок вместе. Тариас тут уже устроился на коленях хозяйки, свился там в спираль, вокруг Алимы. Никаких слов не нужно было – они скучали, это было ясно.

Сальвадор усмехнулась, поглаживая пальцами маленькую голову Тариаса. В форме реликта король змей казался таким безобидным...

С пальцев Анука сорвался маленький бледный зеленоватый огонек – он должен был привлечь внимание выходца.

Искра скользнула к ладони Сальвадор, замерла над ней. Если мертвяк и имел шансы её не найти, то сейчас точно не должен пройти мимо.

– Как любопытно, – шепнул ветер, и это был не мертвяк. В воздухе запахло чем-то полынным, терпким.

– Ты устал смотреть глазами луны? – Сальвадор не стала оборачиваться, дождалась, пока Мафрей сядет рядом с ней.

– Я просто соскучился, – вздохнул владыка снов и ночи, скрещивая ноги, – тебя давно не было на твоём капище, там только твоя тень, а это совсем не то.

Ночной Владыка был самым древним богом Махасара.

Хотя по внешнему виду этого невысокого, кажущегося таким безобидным юноши это было сложно сказать. Как и то, что сейчас рядом с Сальвадор находился самый опасный из всего пустынного пантеона. В конце концов, многое могло убить в пустыне, но сильнее смерти никого не было. А что такое смерть, как не вечный сон?

Мафрей являлся людям только вот так – стройным, эфемерным, вечно молодым, но с седыми, длинными волосами, вечно распущенным по плечам. Одного только было не ясно – какого цвета у владыки снов глаза. На них всегда лежала плотная повязка, расписанная серебряными узорами.

Ночь слепа, но все видит.

– Когда я искала, кто снимет с меня проклятие – ты не ответил, – тихо отозвалась Сальвадор. На самом деле – тогда ей было больно это понимать. Её отношения с Мафреем почему-то сразу установились, будто он был её младшим братом. Младшим... А ведь это ей была только сотня лет, в то время как ему – больше тысячи...

И все же – именно его отказ в свое время задел Сальвадор сильнее всего.

– Мне жаль, сестрица, – вздохнул Мафрей, – жаль, что я не смог помочь тебе. Это не в моих силах.

Так говорили многие. Проклятие, приковавшее Сальвадор к коротким, всегда заканчивающимся плохо реинкарнациям, было на редкость сильным.

Но... Кто мог проклясть вот так, чтобы отступали боги?

Редкий маг у смертных обладал таким сильным даром.

– Эльяс согласился, – Сальвадор скривилась – её отношения с Вороном за последние несколько недель вышли на новый уровень ненависти. Ну, точнее – это она ненавидела его втрое сильнее, чем до пари, а он – будто и не замечал этого.

Но все же – он согласился, пообещал, что проклятие с Сальвадор он снять поможет. А никто, ни боги, ни полубоги – не осмеливались нарушать свои обещания. Боги должны выполнять свои клятвы. Иначе они просто перестают быть.

Именно поэтому, клятвы богов – очень редкое явление.

– Эльяс – странный малый, – Мафрей поморщился, – никто особенно не понимает его силы, да и вся эта история с его вознесением, с той жертвой, благодаря которой он стал выше тех, кем был рожден, довольно непонятная. Кажется, сама Ши-Ра не в курсе, как он встал вровень с нами... Я слышал, он хочет на тебе жениться?

Стало холодно. Очень холодно...

– Ты не мог бы меня оставить, братец? – негромко поинтересовалась Сальвадор, прикрывая глаза. – Я тут вообще-то занимаюсь делом. Мне недосуг болтать.

Мафрей исчез без единого звука, его никогда не надо было просить дважды.

На самом деле, наверное, её резкость была излишня, Мафрей был из тех богов, кто её не раздражал, но...

Нужно было помнить, что её работа – не в том, чтобы точить лясы со скучающими божками.

Её работа – быть справедливой. И всяческие симпатии и приязни в этом деле только мешали. Она была и есть – холодное сердце пустыни Махасар. И об этом ей забывать не стоило.

На самом деле Мафрей исчез вовремя. Как только его не стало – зашуршал песок за спиной Сальвадор, перед Ануком.

Это было глупо, но наверное, выходец просто не понимал, что глаза сосуда – и её глаза тоже, и бессмысленно пытаться к ней подкрасться.

– Ну, здравствуй, – говорила Сальвадор, а открыл глаза Анок, чтобы увидеть гостя из-за Грани, стоящего чуть поодаль, и чтобы она поняла, что не ошиблась, и повторила свое приветствие.

– Здравствуй, Рик Ландерс.

23. Глава, в которой ради героя ничего не жалко

Она смотрела на Рика глазами Анука и даже удивлялась, почему не узнала его во сне. Хотя, понятное дело – во снах плохо разбираешь лица, Мафрей не любит никакой четкости, и даже если ты дух и твой сон происходит в яви – владыка снов постарается, чтобы выныривала ты, позабыв про лица тех, с кем виделась за закрытыми веками.

– Помнишь м-м-м...

Анук щелкнул пальцами, распуская хватку нитей Мафрея, облегчая выходцу речь. Слава богу, мертвяки за живые души не считались, иначе уже сейчас бы почернели на её запястье те знаки, которые наносились Эльясом для отслеживания того, как честно Сальвадор блюдет условия пари.

– ...меня, – закончил мертвяк, а затем замер, поднял ладонь и, недоверчиво глядя на неё, сжал и разжал пальцы, будто не понимая, почему ему вдруг стало так свободно.

– Это на время, – негромко произнесла Сальвадор, – твоя душа принадлежит миру Мафрея. Не в моих силах справиться с ним вечно.

Им было сложно здесь. Там, где они уже были мертвы, земля тянула их к себе невидимыми магическими нитями, нашептывала: “Только приляг, только усни”, – вот только Рик Ландерсу там, куда его звали – места не было.

– Я не помню тебя, Рик. Но я тебя знаю, – произнесла Сальвадор невозмутимо, отвечая на вопрос Рика. Она и не могла ошибиться.

Он был похож на Пауля. Он был настолько похож на Пауля, что на языке становилось солоно.

Тот же угловатый подбородок, тот же высокий лоб. Длинные волосы – Пауль носил их в узле на затылке, по эффинской же традиции, Рик – плел в косу, как и полагалось старшему сыну семьи.

И все же они были похожи. Насколько безумно похожи, что поставь их рядом – и близорукий бы решил, что у него двоится в глазах. Только Рик был выше. И шире в плечах. Видимо, вся порода у Ландерсов была такая – воинская, медвежья...

Алима, поймавшая игривое настроение, прихватила палец хозяйки клешней. Сальвадор двинула ладонью, позволяя Алиме переползти на неё. Тариас ревниво зашипел. Было ужасно интересно, кого он ревнует – госпожу к Алиме или Алиму к госпоже? Сама Сальвадор, зная о теплых отношениях своих реликтов в их получеловеческой форме, поставила бы на второй вариант.

Рик молчал и еле заметно покачивался. Если честно, этого от этой души Сальвадор ожидала меньше всего. Чего угодно – нападения, изощренного нападения, очень изощренного нападения, ну – или нападения напролом...

Да, такая вот целая куча вариантов...

Но Рик молчал, тяжело дышал, все так же опираясь на длинный клинок, местами покрытый ржавчиной, который все это время волочил за собой.

А ведь это не клинок Арены...

Гладиаторам, конечно, давали разное оружие, но вот этот двуручник – характерной эффинской ковки, из эффинской же стали, которая плохо поддавалась именно рже.

Не простой клинок. Родовой. Клинок главы семьи. И он нес его с собой, значит, предки этот его статус не оспаривали.

– Ты настаивал на этой встрече, – произнесла Сальвадор, ощущая, что гость никак не дозреет до разговора, если ему не помочь, – чего ты хочешь?

– Т-ты н-не слушаешь м-мужчин, – Рик говорил все еще с трудом, все еще запинаясь. Все-таки меряться силами с Мафреем ей было бесполезно...

– Слушаю, – все так же невозмутимо откликнулась Сальвадор, – но делаю все равно так, как велит справедливость.

Тем более, что если исходить из того, что у Рика Ландерса получалось дозваться до неё даже после его смерти – был у неё некий кармический долг перед ним. Долг, оплаченный кровью принесенной им жертвы.

Или это все – были её домыслы, только потому, что она знала, что девочка, которую её просили защитить брата Ландерсы – не прожила в пустыне и недели?

Это было горько. Сальвадор надеялась, что хотя бы в узы Нии-Фэй можно верить. Что хотя бы для некоторых избран-

ных в её пустыне доступно то счастье, та цельность, о которой плели сладкие песни сказочников. Что хотя бы нить подлинной, глубокой любви не позволяла мужчине творить с женщиной что-то непреемлемое, жестокое, ужасное. Но вот, кажется, выходило, что нет...

Хотя – она могла ошибаться. В пустыне было легко умереть. Вот только Сальвадор никогда не умела верить в “лучший” из вариантов. Почему-то шестое чувство пришептывало, что без “истинного” судьба Мег была бы не столь печальна.

Рик снова замолчал. Опустил на рукоять клинка вторую руку, будто собираясь с мыслями.

По лицам смертных она читать умела, а вот по деревянным лицам гостей из Страны Вечных Снов понять, о чем они думают, было сложно.

– Что я должна вернуть тебе, Рик, – чуть прикрывая глаза повторила свой вопрос Сальвадор, – говори. Жизнь? Честь? Спокойствие?

Первое – она вернуть ему была не в силах.

Второе – почти невыполнимо для того, кто уже мертв.

Третье же... Третье требовало от неё уступок. Она должна была даровать Рику прощение и избавить его от собственного проклятия.

Ничего невыполнимого, и никто не пострадает, кроме её самолюбия, которое вообще любило покапризничать.

В конце концов – этот смертный её оскорбил. Но... Ведь

он уже достаточно заплатил за это...

Интересно, без одного болтливого безмозглого смертного это её милосердие вот так обострилось бы?

Но есть законы. Он должен попросить. Должен озвучить, что ему нужно.

– Сестру, – хрипло выдохнул Рик Ландерс, поднимая тяжелые веки и глядя на Сальвадор обсидианно-черными глазами, без белка и зрачков – только шелковой тьмой и ничем больше, – верни мою сестру домой, Королева Ядов. Мне нужно только это.

Она молчала несколько минут, закрыв глаза и у Анука. Одному ничтожно слабому клочку ее души не хотелось возвращаться к этой боли, к боли той судьбы, что она могла изменить, но не изменила, но... Но не прятаться же от этого, только потому что от этих воспоминаний было больно.

– Мне не дано менять судьбы уже ушедших, – на эти слова силы у неё едва нашлись, – нити, что увели душу за грань, не принадлежат этому миру. И сила, дарованная мне Шиира, так далеко не распространяется.

– Моей сестры за гранью нет, – медленно проговорил Рик, будто тщательно выбирая каждое слово, – она не встречала меня на Суде Предков.

Это было очень странное. И непонятное. Очень непонятное.

– Она стала частью семьи мужа, она и не должна была... Да, законы у пустынных браков были те еще. Жена – часть

семьи мужа... Будто бы в час замужества женщина умирала для всей своей родни, переставала быть дочерью для родителей и сестрой для других сестер. Будто бы брак был таким средством купли продажи, и предмет продажи не мог принадлежать сразу двум хозяевам.

Интересно, как долго нужно было объяснять пустынным кам, что подобное отношение к человеку, который способен подарить жизнь, – совершенно отвратительно?

– Тот нареченный, – рвано выдохнул Рик, и в его горле заклокотала истинная ненависть, – тот, кого Нии-Фэй назвала истинным моей сестры... Он не стал для Мег мужем. Она не стала частью его семьи. И я повторюсь, за гранью моей сестры нет. Иначе я бы тебя не беспокоил, Сальвадор.

– Пауль говорил, что вы чувствовали, как она умирает, – невесело протянула Сальвадор, прикрывая глаза и припоминая эту часть его рассказа. Зов кровной связи. Краткое время действия и сила смертельной агонии...

– Я не понимаю ничего в этой магии, Сальвадор, – Рика чуть качнуло вперед, и он тяжелей оперся на клинок, – я не маг. И не был им, и уже не стану. Мег нет среди нашедших покой у Мафрея. Это все, что я знаю.

Но почему тогда сработала кровная связь? Самая последняя магическая опора, та, к которой прибегают в самом исключительном случае.

В голове совершенно неожиданно загудело. Мысли стали до омерзения тяжелыми, неуклюжими, и Сальвадор начала

ощущать, что не может додуматься до чего-то безумно простого. До чего?

Запястье обожгло болью.

Пауль, куда ты опять влип?

На это запястье Сальвадор руками Анука переплела чары, предупреждающие ее, что один безмозглый эффинец ходит где-то рядом со смертью.

Так она почувствовала ту угрозу от стряпничей.

Каких усилий ей стоило создать эти чары, чтобы не заметил Эльяс, не ведал ни один из пустынных духов.

Но Ворон не знал. И чары, которые были созданы им, чтобы узнать, когда Сальвадор нарушит правила пари, не сработали.

А запястье жгло все сильнее – вероятность смертельного исхода для Пауля становилась все твёрже.

Великие шайтаны и все их сорок девять жён, как не вовремя...

Она закрыла глаза человека и открыла очи пустыни. Смотрела тысячей глаз пустынных кошек, ушастых лис, песчаных ящериц и ядовитых змей.

От непривычки закружилась голова. Она давно не смотрела настолько глубоко.

Но в лагере эффинца не было. Куда-то же он делся...

– Где ты, Пауль? – шепнули ее губы, и в этот же миг она его нашла. Там, где его быть не должно было.

У белокаменной арки, затянутой синеватой пеленой ма-

гии, с обнаженным клинком шагающего навстречу трехгла-
вому крылатому псу Фарею, стражу оазиса Ахиллам...

Три тысячи шайтанов, зачем его туда-то понесло?

Она открыла глаза Мун и поняла, что сердце колотится
где-то в горле.

А ещё к этому горлу было прижато острие тяжёлого клин-
ка Рика Ландерса.

– Я бессмертна, ты же знаешь, – насмешливо произнесла
Сальвадор, глядя на выходца снизу вверх.

– Да, – кивнул Рик, – ты бессмертна, но это тело нет. За-
хочешь ли ты умирать этим телом, Сальвадор? Пески шеп-
тали, у тебя спор с богом. Что будет, если ты умрешь здесь
и сейчас?

– Как Мун мне умирать можно. Как Сальвадор – нет, –
невозмутимо ответила Судья, прекрасно понимая, что прав-
да ей сейчас не на руку. Но врать она ненавидела.

Рука должна была разить смертную. А не духа в смертной
оболочке.

В конце концов Рику, сама виновата, она могла явиться
сущностью, как являлась всем приходящим на ее капище.

Но явилась смертным телом...

– Тогда тебе бы лучше подумать, госпожа, – холодно вы-
дохнул Рик, – что тебе нужно от моего брата? Он не в ответе
за мой грех. За него расплачиваюсь я, за него мне нет покоя.
Твоя месть и так затронула его, и так отняла у него семь лет.
Оставь его сейчас.

Запястье зажгло с новой силой. Если переводить с магического языка на доступный – Смерть уже седлала своего шайтана. Ещё не выехала за Паулем, но...

Оставишь его, как же. Чуть глаза отведи – он умудряется найти на свою широкую спину приключений.

Ой, не повезет той смертной, на которой Пауль Ландерс изволит жениться.

А меж тем, давление меча Рика стало сильнее. По коже даже побежала кровь – маленький порез на шее уже был.

Нужно сказать спасибо, что он хоть давал ей время подумать.

Видимо, и вправду хотел понять, что стало с сестрой.

Но что делать с тем, что Сальвадор в Ахиллам хода не было? Только смертным или богам.

Всем, застрывшим на промежуточной стадии, предлагалось сидеть тихо и не привлекать божественного внимания.

И Анук туда тоже не пройдет, он не смертный, он – сосуд Сальвадор, тело без души.

А если...

– Рик, – Сальвадор глянула на выходца изучающе, – ты хранишь свою семью, так?

– Я пытаюсь, – хрипло откликнулся выходец, – при жизни я не справился, сейчас могу и того меньше.

– Твой брат в беде, – ровно произнесла Судья, заставляя себя говорить голосом истины, тем, что не лгал никому, и

его слышала и верила любая душа, – и я могу ему помочь, если ты меня об этом попросишь.

– А жертва? – хрипло поинтересовался Рик. – Разве за свои просьбы тебе не полагается брать плату? У меня нет ничего, что я могу принести в жертву.

– Плата будет, – Сальвадор качнула головой, – платой будешь ты...

24. Глава, в которой закljučается сделка

– Ты станешь моим реликтом. И не вернешься больше в Страну Вечных Снов. Покой для тебя станет недостижим.

Она была обязана назвать ему цену. У него, выходца, не было больше возможности ей заплатить ничем, кроме верной службы. В смертном мире ему ничего не принадлежало.

На самом деле – это была высокая цена. Он заплатит своей свободой и станет её орудием. При том, что гордыня его укрощена только недовольством совета предков, но это не значит, что Рик Ландерс принял свою вину и испытывал перед Сальвадором только глубокое почтение.

Нет. Не принял. Не испытывал.

И делать его реликтом в этом случае – бросать вызов Мафрею, да и просто – обрекать саму себя на ряд неприятностей. Ведь реликтом не становятся на пару ночей. Реликты – орудия богов и полубогов и остаются ими до конца вечности. А оружие, что не верит в твой промысел – сослужит плохую службу.

Но выбора не было совсем. Ещё это бы сработало.

– Что угрожает Паулю? – Да, Рик хорошо понимал величину этой платы.

– Ты увидишь сам, брат героя, – она говорила это все тем же гласом истины, просто чтобы не тратить времени на до-

казательства своей правоты. Времени и так не было: – там, за половину фарса отсюда, Фарей распахивал крылья и угрожающе скалил зубы, глядя на приближающегося человека.

И как ей хотелось явиться туда самой, настоящей, и оттолкнуть этого безмозглого мужчину, что зачем— то шагал в пасть шайтану смерти.

Фарей был огромен – в два роста взрослого воина, с пастью, из которой рвались клочья пламени, когда пес был особенно разъярен.

Фарей был магически прикован ко входу в оазис, вот только Пауль тех цепей не видел. И все его оружие составляло только клинок, зачарованный Эльясом, магическое чутье да воинское искусство.

Все это отлично помогало в охоте на голодных, но слабых хорл, а вот с псом-привратником это уже не сработает.

Великие шайтаны, как же мало времени...

Но она не могла торопить Рика, безмолвно обдумывающего ее предложение.

Она и так прибегла к уловке, чтобы поймать возможность вмешаться в судьбу Пауля. Ведь напрямую её это не касалось и не её это было дело – в каком месте эффинец ищет себе приключений.

Но если за него попросит брат, если он обратится к ней как к Сальвадор, с учетом её кармического долга перед Ландерсами...

Короче говоря, Эльясу придется отстать, если он решит

обвинить её в жульничестве. Просьба есть. Плата внесена. Её долг перед Шии-Ра превыше всего.

Шайтаны, как же ей надоело это пари... Каждая мысль была о нем, о ритме жизни, который из-за этого пари пришлось менять. О том, что приходилось искать уловки, а Ворон делал все, чтобы этих уловок требовалось все больше.

– Почему ты предлагаешь это, госпожа? – Рик не понимает, Рику надо знать. – Что тебе за дело до моего брата?

И вправду... Чем она руководствуется? Тем, что считает себя должной этому эффинцу? Смешно.

А представлять, как гаснет свет жизни в ярких синих глазах, – ужасно больно! До крови...

– У нас нет времени это обсуждать, – устало качнула головой Сальвадор, – я не могу войти в Ахиллам, и нужна будет твоя душа, чтобы это мог сделать мой сосуд. Я не могу распорядиться теми душами, что не дали согласие служить мне оружием, стать моими реликтами. Но в Ахилламе Паулю не выжить одному. Это не место для смертных.

Потому что боги совершенно не любили, когда смертные пытались поиграть в их игрушки, коих в Ахилламе имелось в достатке.

И все-таки возможность ступить в Ахиллам у смертных имелась. Такова была воля Шии-Ра, она любила героев и хитрецов и всячески им покровительствовала. А ещё она очень любила дразнить младших богов и подыгрывать смертным.

– Кто-то же должен уравнивать силы, – смееялась Шии-

Ра, незаметно благославляя какого-нибудь очередного наглеца.

– Хорошо, – отрывисто качнул головой Рик, – я прошу тебя помочь и моему брату, Сальвадор. И оплачу я эту помощь той ценой, которую ты назначишь.

Она протянула вперед ладонь – обычная магическая условность, соприкосновение ладоней.

Холодная кожа её – замерзшей от ночной пустынной прохлады, и выходца – который уже давно не ощущал солнечного тепла, соприкоснулись друг с другом.

– Да будет так.

И сухой раскат грома над их головами скрепил эту сделку.

Его тело осыпалось белым пеплом на песок, оставаясь в ладони Сальвадор ярко-голубым ядром души.

Ох и сложно ей потом будет объясниться с Мафреем... Это была его душа. Но, раз придется объясняться – она была готова сделать это.

Затылка Анука она коснулась невесомо, и только после того как ядро души оказалось внутри сосуда – она сжала крепче его за плечи.

Легко вложить готовую душу в пустой сосуд. Сложно сделать так, чтобы эта душа срослась с новым телом, а не заплеталась в ногах, как едва родившийся младенец. А душу воина нужно было сращивать с телом еще старательней, потому что какой смысл отправлять в Ахиллам того, кто не может управиться с собственными пальцами?

Нет. Рик должен был себя чувствовать в новом теле как в своем, должен был ощущать и владеть каждой мельчайшей мышцей.

А еще – не было времени.

Пауль уже сражался с Фареем. Псина уже достала Пауля своим длинным, покрытым зубчиками хвостом, и Сальвадор на одно только понадеялась, что эти зубцы на конце хвоста не ядовиты.

Нет. Вроде бы только обожгли. Почему-то это сделало легче совсем чуть-чуть? Почему так хотелось повиснуть на этих плечах и умолять его отступить? Любыми средствами, что были ей доступны.

Пауль же перехватил рукоять меча покрепче и снова бросился к Фарею. Эффинец подсек псу связки на одной лапе, и чары на клинке не давали этой ране стянуться. Теперь хотел заняться другой лапой...

Почему мужчины вечно ищут опасностей? Почему не могут в кои-то веки сохранить себя в безопасности, особенно если есть ради кого хранить?

Рик открыл глаза. Взглянул на Сальвадор снизу вверх, и она сразу ощутила, как затрещали её связи с этим телом.

Воля.

Его свободная воля рвала нити, запрещая Сальвадор воздействовать на него.

С реликтами и сосудами предполагалось работать иначе. Их нельзя было смешивать.

Но время у этих связей ещё было.

Рик поднялся на ноги, чуть согнул их в коленях, коснулся лба кончиками пальцев, будто не веря, что он может ощущать.

Позже открыл рот и закрыл его, поняв, что вслух ничего сказать не может – немота Анука никуда не делась.

Ну вот и первое наказание для Рика Ландерса, ему будет не до болтовни.

– Я слышу твои мысли, – пояснила Судья, – говорить вслух необязательно.

– Я чувствую ветер... – прошептал Рик, глядя на собственные пальцы.

– У тебя время до рассвета, – Сальвадор коснулась лба Анука, проверяя, все ли сделала до конца.

Все было правильно.

– После этого моя связь с сосудом разрушится, и он будет лишен моей магии, – закончила Сальвадор.

Анук в первый раз кивнул ей по своей воле. Точнее – по воле Рика.

– Я успею, – Рик думал довольно громко, – а что потом?

– Ты очнешься в моем Чертоге, – спокойно пояснила Судья, встряхивая кистями рук, – тебе придется подождать. Когда разрушится сосуд – я некоторое время не буду иметь права пользоваться реликтами. Только когда на Судилище будут приходить люди. Ты обретёшь форму реликта, другие мои орудия об этом позаботятся.

Всё-таки ей будет жаль лишаться Анука. Она к нему привыкла, как к любимым кинжалам.

И было даже жаль, что тело сосуда рассыплется в пыль. Она-то надеялась, что в нем засияет душа. Но ее магии для этого было недостаточно.

– А Мег... – напомнил Рик. Хотя Сальвадор напоминать не нужно было.

Там, за полфарса отсюда Пауля сбил с ног Фарей... Эффинец рубанул по хвосту пса, что было силы. Пёс с визгом отпрянул – всё-таки он был только пёс.

Два-два. Пока счёт равный. Но у Фарея больше голов и всяких штук, типа огненного дыхания.

– Мы разберемся с поиском твоей сестры в самое ближайшее время, – пообещала Сальвадор, – тебя надо вооружить.

Она потянула за магию внутри тела, показывая Рику, как ее будить.

Если бы маги знали о таком скором способе обучения – захлебнулись бы завистью. Она за считанные мгновения учила Рика тому, чему люди учились десятилетиями.

Хотя... Нет, всё— таки это было чуть— чуть иное.

Она выдавала своему реликту инструкцию, как обращаться с её сосудом.

Чем меньше она будет перехватывать контроль над этим телом – тем дольше выдержат ее связи.

В пальцах Анука вспыхнули два огненных серпа.

– Два – не перебор? – Рик поморщился, будто капризный

мальчишка, которому подарили не тот деревянный ножичек.

– Я не люблю пустых рук, – пожала плечами Сальвадор. – Можешь выбрать сам.

Она не собиралась тратить время ещё и на споры из-за мужских игрушечек.

– Могу? – остро уточнил Рик, будто сомневался, а затем лицо Анука потемнело от напряжения.

Первый раз – самый сложный, да!

Огненные серпы растаяли и к ладоням Анука начала подниматься чёрная пыль.

Он вернул себе свой двуручник – тяжёлый клинок хранителя семьи. Ладно. Ему явно привычнее обращаться с этим клинком.

– Что ж, теперь ты готов, – она кивнула и снова напрягла свои связи, чтобы магией Анука создать портал к Ахилламу, – иди, помоги своему брату, Рик Ландерс. Ведь ты ему должен.

Рик медлил всего мгновение, а потом забросил клинок на плечо, плашмя, и шагнул к синеватой искре портала.

– Ты будешь со мной, госпожа?

– Пока целы нити, – откликнулась Сальвадор, а сама пыталась заставить себя не смотреть, как упрямый Пауль карабкается по спине Фарея к сгибу его шеи.

Великие шайтаны, этот эффинец даже не думает об отступлении. Упрямый ишак! Кому нужна была его смерть? Ей? Она уже голову сломала, как бы ей рассечь цепь его при-

сязи без его просьбы и нарушения условий пари.

Он не отступит.

Если он решил попасть в Ахиллам – будет недостаточно помочь ему справиться с Фареем. Нужно будет довести его до конца его пути и вернуться за ним обратно.

Для этого ей и нужен был сосуд с душой... Тот, что сойдёт за смертного человека.

– Спасибо за этот шанс, госпожа, – шепнул Рик мысленно довольно неожиданные слова, – я и не думал, что мне будет позволено увидеть брата и даже сразиться вместе с ним.

Всё— таки путь за Грань меняет души. Очищает от глупостей. Рик казался действительно взрослым сейчас.

– Ты заплатил высокую цену за это, – устало отозвалась Сальвадор.

– Ты тоже, – секунду спустя заметил Рик, – хоть я и не понимаю почему, но... Ты ведь лишишься этого своего орудия, так?

Он понял. Он и не мог не понять, сейчас в теле Анука он ощущал, что происходит с ее связями с этим телом.

Это была высокая цена для них обоих...

Одно смертное тело и одна смертная душа... Один плюс один... Это не всегда будет два. В данный момент – это единое целое. Одно.

Сосуд силы— не может обладать душой. Как только сосуд силы обретает душу – им уже нельзя распоряжаться и пользоваться. Право выбора священо, и даже боги не выбирают

за людей. Только работают с тем, что делать потом с этим выбором – судить или награждать?

Поэтому сейчас нити, что соединяли душу Сальвадор с телом Анука, слабели. У неё было время до рассвета. Потом – она потеряет и этот сосуд. Он перестанет считаться именно сосудом.

И любое использование магии для неё в её целях станет нарушением её пари с Эльясом.

– Иди уже, – Сальвадор недовольно качнула головой. Ещё не хватало, чтобы он начал расспрашивать за причины ее помощи Паулю.

Рик в кои-то веки послушался. Шагнул в портал, чтобы появиться в другом месте.

Чтобы уже секунду спустя, оценив происходящее, ринуться в бой.

25. Глава, в которой герой играет с собачкой

Анук появился из воздушной голубоватой линзы портала. Пауль видел такие штуки два раза в жизни, причем один раз – в Эффинах. Второй раз – когда запуганный им магик Арены сплел ему портал за наружную стену Хариба.

Вот и Анук сейчас шагнул из такой широким твердым шагом.

В ту секунду, когда Пауль только поднимался с песка, отброшенный четырежды проклятой псиной. И видеть сейчас чернокожего раба Мансула, которого вообще-то сам Пауль считал за основного своего соперника – приятно не было.

Анук выглядел странно. Он непривычно прямо держал спину, не избегал взгляда и в ладонях у него покоился тяжелый двуручный клинок.

Не пустынный клинок... Здесь вообще не любили тяжелых мечей, предпочитая опасности скорость. Удивительно, что Анук вообще знает об этой северной модификации клинков.

О ней и Пауль-то знал, потому что Рик обожал именно такие, длинные, тяжеленные мечи. Находил их едва ли не воплощением дикой силы.

Но неужели Анук сбежал?

По крайней мере, по развороту плеч, по осанке, по твер-

дому взгляду было похоже на то. Но зачем ему вдруг понадобилось идти в Ахиллам? Зачем он тут? Случайно?

Или он тоже идет за благословением какого-нибудь бога, отдыхающего в этом оазисе?

А если – он тоже идет к Нии-Фэй?

Фарей прыгнул вперед, стремясь вновь прибить Пауля к песку тяжелой лапой, но именно Анук шагнул ему наперерез, перекрывая псине путь, и тяжело, наотмашь рубанул Стража Ахиллама по подушечкам лапы.

Визг раненой псины причудливо смешался с его разъяренным рыком.

А вдвоем-то шансов всяко больше будет. И как боевая единица Анук полезен. Маг. И судя по тому, как уверенно он держится за меч – оружием он тоже владеет неплохо. И если так задуматься, именно Анук в свое время исцелил Пауля, так что делить им нечего. Ну, почти... Впрочем, в уме, Пауль напрочь отказывался считать черноглазую шельму Мун хоть чьей-нибудь. Только его.

Отказываться от Мун из благодарности Пауль готов не был. Но в данный момент можно было закопать этот топор войны.

– Отвлеки его, – рявкнул Пауль Ануку, отметил, как четко кивнул ему раб-магик, а сам вновь рванул к арке Врат в Ахиллам. Сейчас она была затянута плотной белой завесой, пройти через неё до победы над Стражем было невозможно.

Боги не любили настолько наглых мошенников в своем

саду.

Но Паулю и не надо было в арку. Ему была нужна она сама, её выщербленный рельеф, по которому можно было вскарабкаться выше.

Анук справлялся отлично. В некоторых вещах он совершенно не уступал Паулю, и уж в силе точно. Фарей снова и снова бросался на Анука, но тот ловко уходил от ударов могучих лап и сам уже ронял сверху вниз тяжелый меч на лапы пса. Нет, он не метил в сухожилия, но такие мощные удары раз за разом прорубали толстую шкуру пса, оставляя на его лапах кровоточащие раны.

И с каждой такой раной Фарей становилось все более передвигаться. Уже сейчас каждый прыжок откликался в пустынном воздухе звучным скулежом. Причем тональность была такая, будто Фарей все эти сражения уже были как кость, застрявшая в горле, и он бы с удовольствием оказался хоть где-нибудь, а не здесь.

Страж, которому совсем не нравилась его работа...

Правда, у этого была цена – уже трижды Ануку довелось уворачиваться от огненного дыхания пса. Уже два широких ожога красовались на темной коже бывшего раба Мансула.

Один был на руке. Не так много времени оставалось до того, как Анук не сможет держаться за меч, когда боль начнет пожирать слишком много его сил.

А значит – оттягивать момент уже больше нельзя.

– Сюда, подведи его сюда, – в полный голос крикнул Па-

уль, цепляясь за камень арки и подтягиваясь на нужную высоту.

Анук поднял ладонь, и над ней зажегся бледно-зеленый яркий шар, будто сплетенный из колючих змей. Зажегся и сорвался с ладони, взмывая к самой морде псины.

Ужалил в нос, будто злобный шмель – по тому лишь, как взвыл Фарей, Пауль догадался, что этот шарик «целовался» не очень приятно.

Раз ужалил, второй, третий...

Так когда-то игралась Мег, с псом, охранявшим сад эф-финского сенатора. Уводила его в сторону, чтобы Пауль и Рик могли забраться в сад и набрать полные карманы сенаторской вишни. У него она была самая сладкая...

История о том, что сенатор все-таки пришел тогда к Ариусу Ландерсу, и всех троих детей отец потом жестко выдрал «за то, что попались» – именно в такой формулировке – была самым краем того воспоминания. Сейчас его пришлось принудительно изгонять из головы.

Было не до того.

Пес взвыл и клацнул зубами, пытаясь поймать шар, но промазал – юркий сгусток магии метнулся в одну сторону, потом в другую, а потом – к арке, на которой висел в напряжении уже ожидающий приближения пса беглый харибский гладиатор.

Пауль махнул ладонью, будто прижимая что-то к земле.

Анук – зоркий, внимательный Анук, снова кратко кивнул

и шарик скользнул к песку, заставляя пса пригнуться следом.

И подставить Паулю спину.

Наконец-то...

Спина у Фарея оказалась горячей. Практически раскаленной, и от ожога Пауля спасли только плотные кожаные поножи, на которые удалось выторговать у Амана заклятие защиты от огня. Но, заклятие было временным...

Пауль вцепился пальцами в шипы на спине пса, потянувшись, вперед – к мощной шее, а потом – уже к ошейнику, за который держаться было проще.

Ошейником тем можно было связать двух верблюдов – он был толстый и широкий, с два поясных ремней.

Пауль не знал, зачем лезет. Это было какое-то обостренное жжение его чутья.

Пахло магией. На спине у Фарея пахло магией еще сильнее, чем от его лап.

Почему? Потому ли, что магическое сердце Фарея было с этой позиции ближе?

Возможно.

Но может, дело было в том, что Пауль ощущал, что от спины Фарея несет не только его магией. Но и какой-то другой.

Пауль дополз до загривка, уселся на нем – а пес все-таки почувствовал на своей шкуре «наездника». Взбрыкнул. Вот именно что взбрыкнул, взвился в воздух задними лапами, а потом – вновь оказавшись ими на песке – толкнулся от земли уже передними, устраивая Паулю своеобразные скачки.

Сам-то Пауль удержался, а вот меч... – Легкий клинок выбило порывом воздуха, и он, посверкивая, полетел на песок.

Вот и остался герой без меча...

Запылал знак Эльяса эль Мора на плече, предлагая воспользоваться силой вороньего благословения. Да, это наверняка бы сейчас пригодилось. Но нельзя, этот талисман нужен был Паулю для боя с Сальвадор. Значит – нужно обходиться тем, что есть.

А что есть? Зачарованный кинжал в ножнах на бедре – непутевое оружие, но единственное, что было в наличии. По крайней мере годное для сражения с мистической тварью. Хотя толстую шкуру Фарея этот ножичек даже не поцарапает.

А еще был запах магии, крепкий и непонятный. И навязчивый. Он лез в ноздри, будто требуя немедленно обратить на него внимания. Нет, это запах не волшебной твари – их Пауль уже научился различать. Это был запах...

Узы!

Ну, точно же. Вот почему он был так знаком и так беспокоил Пауля – в караване приторный запах «рабских чар» был даже более привычен, чем мускусный верблюжий пот.

Пауль сощурился, глядя на ошейник, скользкую толстую полосу неизвестно чьей кожи.

Зачем ошейник для такой адской твари?

Фарей числился любимцем Саллада, бога пустынных охотников. И на голой, покрытой плотной чешуей коже шай-

тановой псины, не было ни единого магического знака, к которому можно было привязать рабские чары. А значит узы были...

Пауль рубанул по толстой коже почти без надежды, что его безумное озарение окажется правдой. Рубанул раз, другой – и с третьего раза кожа лопнула. Именно в эту секунду Фарей особенно яростно мотнул головой, и Пауль все-таки полетел с него вниз, на песок...

Воздух скрутился под ним и упруго спружинил мягкой невидимой подушкой. На песок Пауль, конечно, упал, но было ощущение, что упал он не с громадной псины, а с низкой кушетки.

Поднял голову – и увидел кривую ухмылку на лице Анука, стоящего в трех шагах от эффинца. Магик опускал руку, и вокруг его пальцев медленно гасло белое сияние.

А еще – он стоял.

Не бросался вновь в атаку на Фарей.

И сам Фарей – ни на кого не бросался...

Пауль ведь ожидал, что его приложит тяжелой лапой, или того хуже – яростным огненным выдохом ахилламского стража, но... Ничего не было. Секунда за секундой, минута за минутой...

Пауль вскочил на ноги, резко разворачиваясь, быстрым взглядом оценивая расстояние до отброшенного в сторону меча и прикидывая – за сколько же времени он преодолеет эту дистанцию.

И есть ли у него это время?

Он ждал чего угодно – но не того, что увидит громадную тень Фарея, мчащегося куда-то туда, где встречались пески и небо.

Страж сбежал. Стоило только дать ему легкий шанс на свободу.

Тусклое сияние, не дававшее пройти в каменную арку ворот в Ахиллам, погасло.

Пауль мог идти дальше. И не только он...

26. Глава, в которой герой гуляет по саду

– Давай войдем по очереди, – Пауль стоял у самой арки врат в Ахиллам, и в проеме переливалась и дрожала зеленовато-синяя магическая дымка, – мы оба победили Фарея, значит, оба имеем право войти. Только давай сначала я, потом – ты. Не будем мешать друг другу.

– Нет. Исключено. Врата выносят каждого в свое место. Войдете вместе – выйдете вместе. Войдете порознь...

– Я понял, госпожа.

Рик мрачно качнул подбородком Анука и вновь закинув на плечо тяжелый двуручник шагнул к Паулю. К вратам – как кажется его брату, но к Паулю – на самом деле.

– Хорошо. В конце концов, твою помощь я принял без временных проволочек, – Пауль тихонько скрипнул зубами – он довольно странно относится именно к Ануку. Впрочем, он ко многим так относился. Особенно к тем, кто проявлял внимание к Мун.

Ах, так в этом дело?

Ох, Ши-Ра, смилуйся, он ведь не мог ревновать всерьез, да?

Глупый. Глупый медведь. Хотя, справедливо тут будет договорить до конца все-таки...

Глупый медведь, поймавший в ловушку своих искренних

глаз глупого великого духа.

Знал бы ты кого ревнуешь – ту самую Сальвадор, мести и крови которой ты так вожделеешь – пожалуй, сам бы придушил Мун от досады.

Врата казались простой преградой, но стоило шагнуть в них, и ты будто оказывался в длинной темной норе. Холодной. Глухой. Без звуков и запахов.

И по коже спины бежали ледяные мурашки, будто ощущая на лопатках чужой пристальный взгляд. И не только на лопатках: Ахиллам – а сад богов тоже обладал своей душой – вглядывался в самую суть своих неожиданных визитеров.

Во врата братья заходили шаг в шаг, но в какой-то момент оказалось, что Пауль шагает дальше, а Рик так и вязнет в густом воздухе, будто пойманный за шкурку кот.

Ахиллам почуял что-то не то. Рик допустил сомнения? Да, вероятно!

– Ты здесь по праву, – тихо зашипела Сальвадор, ощущая, как её сердце начинает колотиться сильнее, – ты помог победить Стража. Ты должен верить в это.

Лишь бы Пауль не успел никуда далеко уйти...

– Я верю, – эхом отозвался Рик, – сейчас – верю. Спасибо, что напомнили, госпожа. Простите мне мои сомнения. Еще час назад я был простым мертвецом, что не мог найти покоя ни на одной стороне. А сейчас – орудие богини. Иду в оазис богов...

– Я не богиня, Рик, – спокойно возразила Сальвадор, –

лишь наполовину.

Отвлекая Рика болтовней, она снова ослабляла все нити, что связывали её с этим телом. Практически выпускала из рук свое орудие, оставив себе лишь маленькую лазейку, чтобы вернуться обратно, уже после ворот.

Если быть въедливой – Ахилламу было к чему придраться. Сальвадор не могла входить сюда просто так – лишь только для суда, если у неё есть конкретное дело и конкретное обвинение. А вот так – не по гласу долга, а по своей воле, чтобы защитить смертного – так нельзя, это запрещено. А этого человека – что шел сюда ногами Анука и дышал по воле Рика Ландерса – не рождалось по воле Шии-Ра. И наверняка Ахиллам чувствует запретную магию полубогини Сальвадор...

– Есть разница? – Рик хмыкнул – и именно в эту секунду он оказался на свободе, с головой нырнул в звонкий стрекот насекомых, густое, медовое пение птиц. После звенящей тишины, в которой мысленный шепот казался гулким криком – это оказалось ошеломляюще.

Ахиллам решил не препятствовать.

Славься, славься, Шии-Ра...

– Звезды, – мысленно простонал Рик, задирая голову и таращась в темную синь неба над Ахилламом, – они здесь крупнее...

– Боги к звездам ближе, – хмыкнула Сальвадор, – не слышал?

– А луна? Почему её здесь нет?

– Око Мафрея смотрит на смертных. Подглядывать за богами ему не интересно. И он находит это невежливым.

– Здесь мы разойдемся, – Пауль, кажется, ожидавший Анука у арки врат, стоял, скрестив руки на груди, – я свой путь с тобой делить не буду, хоть мы и союзники и ничего плохого я тебе не желаю.

Упрямец...

А Рик тем временем согласно покачал головой. Вроде как «даже не думал».

До чего дошла великая Сальвадор, поборница правды и справедливости – сама потекает лжи. Обманывает сама. Важного для неё человека!

Знал бы Эльяс – о-о-ох, сколько ядовитых замечаний он бы отпустил по этому поводу.

Пауль развернулся и шагнул вперед, по тропинке, что тут же возникла под его ногами. Такие тропы были даром Шиира настойчивым путникам, тем, кто знал чего хочет, и благодаря этой целеустремленности мог избежать большей части местных опасностей.

Значит – он знал, куда идет. Уже хорошо!

– Невидимость... – вздохнула Сальвадор, а пальцы Анука – теперь уже пальцы Рика – нарисовали в воздухе замысловатый знак, пряча его тело за иллюзорной пеленой. Нити связей снова жалобно застонали. Это тело должно было протянуть еще пару часов – а если Рик будет магичить, то, мо-

жет быть, час.

А он будет... За этим он здесь. Защищать брата.

– И все-таки, госпожа, почему ты бережешь Пауля?

Настырность Рика Ландерса границ не ведала.

– Я помню нашу первую встречу на твоём капище, – тем временем заметил Рик, – помню, как Пауль был удивлен, что к нам явилась хрупкая девица вместо грозной Судьи, которой нас пугали...

– Болтай поменьше, – все тем же мысленным шепотом взмолилась Сальвадор. Это было невыносимо.

И потом – в мысленном тоне Рика ей почему-то мерещилось ехидство. Он недавно с ней, неужели её порывы настолько очевидны? Знал ли он, чего вымогал, какого именно ответа добивался? Догадывался ли?

Вот только – какой был бы смысл в этом ответе? Она уже была согласна озвучить это вслух, лишь бы Пауль остановился.

Но разве это ему было нужно? Нет. Ему было нужно столь многое – отмщение, возвращение домой... Мун.

Всего лишь Мун...

Та, которой она и быть-то не могла дольше нескольких лет.

Какая жалость все-таки, что не могла... Хоть бы одну жизнь прожить без притворства, без тяготеющего долга на плечах, но...

Но кто будет на её месте? Кто будет защищать её сестер?

У неё есть долг, от которого она отступаться права не имеет. Да и сейчас – имеет смысл отвлечься от всего этого бессмысленного мысленного нытья.

В конце концов – они в Ахилламе. В самом прекрасном саду пустынных богов. Здесь не было песка под ногами – лишь темная жирная земля, которую и не видно было за нежной зеленой травой да пестрыми лепестками. Здесь встречались только самые редкие, самые невиданные, самые волшебные цветы, что существовали в мире.

За пару цветов из Ахиллама – сорванных со знанием, конечно, Пауль не только мог купить себе билет до родных Эффин, но и пару хороших кораблей в придачу. И те редкие охотники за приключениями, что проникали в Ахиллам на неделе духов, обычно редко уходили отсюда с пустыми котомками. Ну, если уходили, конечно...

Здесь отдыхало много богов, и каждый из них развлекался по-своему. Развлекаться алчностью глупцов, что никак не могут утолить собственную жадность – было их любимое занятие.

И сейчас – Ахиллам поражал самыми яркими красками, будто умелая танцовщица в пестрой юбке, щедро сверкал разноцветьем тугих сочных бутонов и распущенных лепестков, привораживал сладостными запахами своих плодов, пел десятками голосов совершенно невиданных птиц.

И магия... Магии здесь было в избытке. Весь сад пропах ею, пропитался, дышал. Без магии здесь даже насекомые не

летали.

Посмотреть было на что, короче говоря. Еще бы было желание любоваться местными красотами. Куда больше Сальвадор, глядящую на мир глазами Анука, волновало, чтобы Рик вел это тело за Паулем, не отставая. След в след.

И вроде все у них было – и невидимость, и скрытность, но все равно несколько раз Пауль останавливался и оборачивался. Будто чуял кого-то. Но с тропы, что вилась под его ногами, не сходил. Будто знал, что его тропа – его нить, что приведет его к цели. Выпустит нить из рук – и заблудится в этом волшебном саду-лабиринте.

Куда же ты идешь, Пауль?

Он просто шел вперед. Напряженный, бдительный, реагирующий на любой мало-мальски слышимый шорох.

А потом...

– Великие шайтаны...

– Госпожа?

Она даже не стала делать ему замечания, что он обращается к ней слишком вольно. В конце концов, Рик имел право удивляться этому её тихому стону. Уж слишком красно-речив он был.

Озеро Нии-Фэй.

Тропа вывела Паулю к нему.

К озеру со сверкающей хрустально-прозрачной водой, сквозь которую было видно сад, разбитый на дне – все, до каждой маленькой белой мраморной беседки. С берегом,

усеянным мелкими гладкими камушками. С мраморными лестницами, сбегаящими к воде и продолжающимися под ней – ровно до узких белых дорожек, змеящихся по озерному дну.

Озеро! Нии-Фэй!

Из всех трех сотен отдохавших в Ахилламе богов, способных благословить его на бой с Сальвадор, Пауль решил рискнуть жизнью... Ради этого?!

Ведь он точно знал куда шел! Ведь он уже нашел их взглядом – среди всего огромного, такого волшебного сада Нии-Фэй он смотрит на них, будто самое острие нацеленной стрелы.

Синий лотос. Знак истинной любви, дар верного сердца. Глупость, за которой гонялись особенно романтичные безумцы. Говорят, из сушеных лепестков этого цветка можно было сварить мощнейшее приворотное зелье, и многие алхимики бы многое отдали за один только лепесток. За целый цветок можно было купить весь Хариб с его халифом.

А еще... А еще цветок открывал истину. Раскрывал глаза тому, кто сорвал его со стебля. И никакие магические препоны не могли устоять перед этим даром Нии-Фэй.

Какая ирония – то, что всей пустыней ценится как величайший дар подлинной любви – Сальвадор не могло принести ничего хорошего. Просто потому, что вернись Пауль из Ахиллама с цветком – он увидит её настоящую. Знак духа на лбу, тени реликтов на теле и кинжалов – у ладоней.

И...

Слишком рано.

Она надеялась, что хоть несколько дней у неё осталось, до того, как придется повернуться к нему лицом на капище. До того, как придется заставить себя ему поддаться. До того, как она нарушит присягу, данную Шии-Ра... Она ведь обещала никогда не поддаваться эмоциям и всегда вершить свой суд бесстрастно, с холодным сердцем.

Бесстрастно – в это у неё сейчас играть не получалось.

Великая Шии-Ра, кто вообще рассказал Паулю про эти шайтановы лотосы? Хотя... Сколько вообще у Сальвадор было попыток, чтобы угадать точно? Ведь этот упрямый баран даже ночевал в одном шатре с Эльясом.

Спустившись к воде, Пауль остановился на самой последней ступеньке и достал из кармана пузырек.

– Проверь, что за зелье...

Рик вытянул вперед ладонь, и над ней расцвел еле заметный магический знак Осведомления.

– Зелье подводного жителя, госпожа, – откликнулся Рик, хоть в этом и не было особого смысла, все, что знает он – знает и Сальвадор. Ну, точно Ворон тут напакостил. Наплев Паулю с три короба и послал в Ахиллам. Всяко ведь не сам гладиатор варил это зелье, он же целительный лист фейхина от его ядовитого корня не отличит.

Хорошо, что просто зелье, хорошо – что не яд. С Эльяса бы стало сварить доверчивому смертному именно его. Зе-

лье было настоящим. Видимо, Эльяс очень рассчитывал не на то, что Пауля сожрет Фарей, но что Пауль вернется к каравану. С лотосом. И увидит...

Ворон попросту украл у них эти последние несколько дней. У нее украл...

Эта подлость была ужасно в его манере.

И сейчас Сальвадор сама, своими руками помогала Паулю... узнать.

Пауль залпом опустошил пузырек и шагнул дальше. По тем ступенькам, что были скрыты в воде. Вниз, вниз, еще одна ступенька – и так, пока вода уже не оказалась у горла.

Сначала, по вполне понятной человеческой привычке, он задерживал дыхание, ведь он не привык ко всем этим магическим штучкам, а затем нырнул уже с головой и впился пальцами в шею – там после соприкосновения с водой прорезались жабры, а это никогда не бывает безболезненно.

– Идем за ним...

Когда Пауль вошел в воду – это ощутили все обитательницы озера Нии-Фэй. Они бы и Рика заметили, но только их чутье не сможет одолеть скрывающую магию Сальвадор.

А Нии-Фэй ведь сможет... Должна! Но, к счастью, её пока нет. А русалки – есть. Любимицы Нии-Фэй, её дочери, подруги, сестры...

Они выплывали из прибрежных подводных гротов, в первые минуты были настолько прозрачны, что заметить их можно было, только если знать, куда смотреть. А вот когда

они подплывали ближе к гостю озера – они проявлялись во всей красе своих тонких лиц, блестящих яркой чешуей хвостов и волос, пенящихся в воде густыми облаками, украшенных жемчугом и золотом.

Они все были прекрасны.

Хотя нет, это слово не подходило, как не подходило безжалостному солнцу Махасар слово «теплый».

Русалки, каждая из их, была немислимым совершенством, доведенным до такого состояния особой русалочьей магией. Каждая из них сотни раз менялась с подругами: голосом, волосами, курносым носиком, губами – чем угодно, любой чертой лица или тела, лишь бы добиться самой прекрасной версии себя.

К любой из русалок можно было приревновать обычного мужчину, который ценит женскую красоту, но в эту секунду Сальвадор меньше всего хотелось забивать свою голову еще и этими глупостями.

Куда больше её занимало знание, что питаются эти твари и человечинной в том числе...

Кто их знает, чего им больше хочется – жрать или зрелища?

Да, покуда Нии-Фэй не позволит – им можно только глядеть на гостя. Как и гиганскому динихтису, уже заинтересованно пощелкивающему костяшками гигантских лап из-за спин русалок.

Динихтис – водный демон, разумный, ядовитый и безум-

но опасный – единственный, кто в свите Нии-Фэй был, мягко говоря... некрасив. Честно говоря, на вкус многих он был совершенно ужасен, и отмахаться от этой твари, явись она во сне – не представлялось возможным ни саблей, ни ятаганом, ни любым другим известным оружием. Разве что самому себе глаза выколоть, чтоб сие создание больше не видеть – только это бы и помогло.

Рост в полтора взрослых смертных воина, многоглазая рыба морда, хищные четырехпалые клешни вместо передних лап, и длинные осминожки щупальца вместо ног – все это динихтису обаяния не добавляло. Он не был похож на монстра, лишь на кошмарного себя. И этим и выживал. Монстров в своем озере Нии-Фэй попросту не держала. А вот динихтису, что подарил ей когда-то собственное сердце, которое внезапно нашлось в его костлявой груди – позволила остаться.

Говорят, сердце динихтиса до сих пор хранилось у Нии-Фэй, а сам демон питался сердцами ей неугодных.

Чего может бояться великая Сальвадор, безжалостное холодное сердце пустыни?

Она боялась, что слишком отстанет от одного безмозглого смертного и не успеет прийти к нему на выручку.

Зелье водного жителя держало ноги Пауля на дне, так же, как держит сейчас Рика магия Сальвадор. Оно же – позволяет упрямому эффинцу дышать под водой магическими жаб-

рами, что исчезнут, как только Пауль окажется на суше. Благодаря зелью он движется в воде как на суше, не ощущая неуклюжести, что обязательно была бы, не выпей он зелья.

Если бы только была возможность – Сальвадор бы вытянула этого недоумка из воды за шиворот, вот только он не из тех мальчишек, что позволяют собой вертеть. Она даже знает, что вновь услышит от него.

Я сам решу, ради чего рисковать моей жизнью.

Да еще и зыркнет мрачно из-под темных бровей.

– Госпожа, у нас тут гости... – Рик мысленно кашлянул, явно пытаясь звучать деликатно.

– Это не гости, – устало вздохнула Сальвадор, только глянув вперед, – это хозяйка этого озера. Это мы у неё в гостях.

По белым ступеням из резной беседки, той самой, что была увита тонкими стеблями, на которых красовались те самые шайтановы лотосы, навстречу Паулю спускалась Нии-Фэй.

27. Глава, в которой герой слышит отказ

– Нет.

Голосом Нии-Фэй можно отправлять на верную смерть, до того он сладок и нежен. Любое её слово звучало, как признание в любви – искреннее, глубокое, страстное. И что бы она не сказала смельчаки все равно вдохновились бы настолько, что сами ринулись на вооружённого до зубов врага.

Да и сама Нии-Фэй голосу своему не уступала – свела бы с ума не одного смертного воина, одним только тем, как отбрасывает волосы с плеч.

Она была богиня.

Этим можно было описать абсолютно все, что Пауль мог подумать о Нии-Фэй.

Уж насколько хороши были русалки, что сплывались к той дорожке, по которой он шагал, но богиня любви своей красотой могла затмить солнце на небе, если бы осмелилась настолько бросать вызов солнцеликой Ши-Ра.

Наверное, будь Пауль чуть поюнее, он, верно, с четверть часа мог бы простоять с открытым ртом, наблюдая за каждым плавным движением Нии-Фэй. Да даже за её волосами, вот уж на что действительно сложно было налюбоваться...

Эти кудри... При виде них не думалось о волосах, только о золоте, из которого пряли эти шелковые пряди и завивали

их этими тугими локонами... В этих волосах, кажется, даже вспыхивали крохотные звезды – подарок самого Мафрея, который, по слухам, уже давно ухаживал за богиней любви и страсти.

И эта богиня сказала Паулю: «Нет». Паулю, что стоял сейчас перед ней преклонив колени и потратил столько собственного красноречия на самую изящнейшую просьбу, на которую вообще был способен. Не мудрено, конечно, даже в период своей купеческой практики, у Пауля не было настолько сложной цели, как богиня, у которой надо выпросить вожденное.

– Я явился к тебе без дара, достойного тебя, и прогневал тебя, прекраснейшая? – осторожно начал Пауль, но Нии-Фэй просто качнула головой, не спуская с Пауля взгляда ярких небесно-лазурных глаз.

– Я не чту даров и не принимаю жертв, эффинец, это известно всем, кто слышал обо мне, – от холодности в тоне богини можно было околеть до смерти, – любой, чье сердце тронули любовь и страсть, уже приносит мне жертву. Большого дара мне не нужно.

– Но что тогда я сделал не так, прекраснейшая? – Пауль слышал, как шипят за его спиной русалки, но отступить сейчас... он просто не мог. Он явился сюда за лотосом для Мун и без него уходить не собирался. Хотя...

Он ведь уже имел дело с разъяренной богиней и знал, чем может аукнуться их гнев. Вот только сейчас ему терять было

нечего. Через три дня он встретится с Сальвадор на песке её капища, и может не уйти с него живым.

Хотелось оставить для Мун хотя бы что-то, после чего она бы его не забыла.

И у беглого гладиатора было довольно мало способов объяснить этой пустынной колючке, насколько глубоко она засела в его сердце. Что она не права, дело было совсем не в похоти...

Так мало времени у них осталось. И ни единого подходящего слова у Пауля так и не нашлось, чтобы с ней объяснить-ся.

Но Нии-Фэй все так же непреклонно смотрит на него. Она не может солгать. Она не может сказать то, чего нет.

Неужто – он и сам ошибается? Неужели, он и вправду недостаточно места в своем сердце отдал Мун и принимает за глубокое чувство то, что этим чувством не является?

– Сердце твое – как раскрытая книга, эффинец, – Нии-Фэй все-таки решает удостоить его ответа, – и дар твой велик, и выбор твой крепок. Из всех, кто приходил ко мне и просил у меня мой лотос, ты достоин не меньше других. И все-таки нет. Мой ответ останется именно таким, и никак иначе.

– Почему же? – Пауль вновь повторяет свой вопрос, глазами же нашаривая подходящий бутон.

Необязательно получить лотос в дар от самой богини. Можно и украсть...

Главное потом – выбраться из воды, встать ногами на твердую землю. По законам богов и смертных – в этом случае Пауль будет считаться победившим в поединке с богиней.

Нашел...

Лотосы тут везде – и парочка так удачно прикорнули на мраморной ступени, у самой золотой сандалии богини.

– Знак на твоём плече, эффинец, – тихо вздохнула Нии-Фэй и сделала шаг влево, чтобы опереться ладонью об узорчатые перильца лестницы, – это ведь знак благословения Эльяса эль Мора?

Она вроде как делала дистанцию между собой и Паулем больше, но он не был в обиде – это было очень кстати. Тугой синий бутон оказался у самой подошвы сандалии богини.

– Да, прекраснейшая, – недоумение не пришлось изображать, – но почему тебе это важно?

– Я не диктую смертным, как им жить и кому приносить жертвы, – в тоне Нии-Фэй звучали только неудовольствие и горечь, – но тем, кто взывает в сложный час к Королю Голода, я не даю своих благословений и не дарю своих цветов. Тебе лучше уйти. Я начинаю терять терпение.

– Прошу, прекраснейшая, не гневайся...

Пауль подался вперед, вставая уже на оба колена у ног богини, касаясь лбом узорчатой плитки у самых пальчиков ног Нии-Фэй.

Все это было не просто так – именно в эту секунду он и

опустил свои ладони у сандалий Нии-Фэй. Одной из них накрыл тугой бутон. Сакральный момент. Аман говорил, что если сердце любит недостаточно крепко – как только сорвешь цветок, раздастся громкий звон...

Нии-Фэй топнула ногой.

Это было как подводное землетресение, и плотная волна просто отшвырнула Пауля назад на несколько шагов. Лишь чудом он успел укрыть крохотный бутон лотоса в плотно сжатой ладони.

Если Нии-Фэй не видит сквозь его плоть – она не увидит этого цветка.

Тихо. Или это просто в ушах зазвенело после сильного удара?

– В иное время, я бы нашла твою настойчивость очень милой, смертный, – Нии-Фэй говорила это негромко, но каждое ее слово будто капало на кожу каплей раскаленного свинца, – но я уже говорила. С теми, кто выбрал своим кумиром Эльяса эль Мора, я дел не имею. И с этим лживым недоразумением, что выдает себя за бога – тоже. Верни мой цветок.

Странно. Звона ведь не было... Но Нии-Фэй все равно в курсе свершившейся кражи.

Русалки могли бы, наверное, выдрать, а то и выгрызть нежный нераскрывшийся бутон лотоса из пальцев Пауля. Он случайно поймал пару улыбок этих красоток и понимал, о чем говорит – зубы у любимиц Нии-Фэй были мелкие и острые, абсолютно нечеловеческие.

В общем – забрать лотос у героя, что на ходу освоил профессию вора, они могли. Но почему-то они не стали этого делать.

Более того, и Нии-Фэй осталась неподвижна, ни на дюйм не сдвинулась с нижней ступеньки лестницы, что спускалась из её беседки.

Только ладонь вперед протянула, будто требуя свою вещь назад незамедлительно.

– Верни, – её слово было сказано шепотом, но именно оно пробрало Пауля глубже всех прочих. Слово-граница, последнее требование, последний шанс разрешить все мирно.

Пауль же просто качнул головой, осторожно опуская бутон лотоса в кожаный мешочек на поясе. И сделал первый шаг назад.

Нии-Фэй молчала всего одну секунду, а потом – качнула головой, неожиданно мягко улыбаясь. Нет, это не была уступка настырности Паулю.

– Он ваш, девочки, – нежно бросила она, поворачиваясь к русалкам, – только оставьте его сердце моему Деаму. Он тоже голоден.

– Боги, а он хорош...

– Ариш Тель Лан... Лучший воин Харибской Арены, – тихо шепнул Рик, будто ощущая, что сейчас может допустить эту реплику.

– А кто же ты? – Колкость сорвалась с языка сама по себе,

но Рик её будто и не заметил.

– А я – мертвец и твоё орудие, госпожа. – невозмутимо хмыкнул он.

Ворчун... Приговорив себя к настолько дерзкому слуге, Сальвадор очень многое не взяла в расчет. Ну что ж, значит, ее ждёт очень веселая вечность. Но об этом она подумает позже.

Сальвадор медлила, выжидая.

Сама реакция Нии-Фэй, с одной стороны, была несправедливой, с другой стороны – это все еще могло быть испытание.

В воле и власти богини было не только вышвырнуть Пауля из озера и заставить украденный лотос истлеть в его ладони прахом, но и насыпать пару крепких проклятий на дорожку. Таких, чтоб до седьмого колена потомкам Пауля Ландерса икалось от дерзости их предка, что спер цветок самой Нии-Фэй, пойдя поперек воли его владелицы.

И все же – она всего лишь натравила на Пауля свою стражу.

Всего лишь...

Русалок было больше пяти десятков. Пока что... Вот только все они к Паулю сразу подплыть точно не могли. И он этим, разумеется, воспользовался.

Пожалуй, после той краткой стычки в переулке Сальвадор и не видела Пауля в бою. И сейчас ощущалось, что он в том узком тупичке Турфана особенно не расходился, предпочи-

тая быть быстрым и эффективным.

Как и сейчас – только и пространства, и противников сию секунду у Пауля было больше.

Он был до крайности безрассуден, рисков, и наглости Паулю тоже отвесили немало, но назвать Пауля Ландерса никудышным воином у Сальвадор язык не поворачивался.

Сильный как медведь, он умудрился прорваться сквозь кольцо окруживших его русалок. Резкий как плеть, он не дал ни одной из подводных хищниц приблизиться к себе даже на пару шагов.

Он точно чем-то обработал клинок – потому что русалки цепенели от одной лишь скользящей царапины. Замирали, будто время для них останавливалось, еще сильнее распахивая свои глаза, пылающие во время охоты багровым цветом.

Парализующий яд арахнидов? Это Паулю даже покупать не требовалось, этих тварей он и в рейдах с охотниками бил в достатке. Для Фарея этот яд был слабоват, а вот для русалок Нии-Фэй его вполне хватило.

Может ли один воин без единой царапины отбиться от двенадцати русалок, налетающих на него разом, вооруженных короткими, но смазанными ядом динихтиса, копьями?

Может ли он делать это с непринужденной легкостью, умудряясь даже обезвреживать противниц без того, чтобы сворачивать им шеи и рубить головы?

Может ли он при этом – еще и отступать, по шагу, по два, по ровной каменной дорожке, туда, к лестнице, ведущей из

воды?

Да. Да! Тысячу раз да!

Он мог бы быть эффективнее, он мог бы уже не одной неумелой русалке снести её чересчур красивую голову – уж Сальвадор, зная толк в искусстве боя, видела, где Пауль нарочно уводил клинок ниже и обходился легкими ранениями.

И вправду? Зачем, если было достаточно парализовать. Правда, у яда арахнидов ограниченный срок действия.

Им было сложно не любоваться. Им любовалась Сальвадор, которая вообще-то терпеть не могла всех этих драк, что мужчины устраивали, чтобы кому-то что-то доказать.

На него даже заинтересованно уставилась сама Нии-Фэй, явно удивленная, что этот смертный мужчина, оказывается, настолько упрям.

Ох, Ния, ты даже не представляешь степень его упрямства...

Но толку-то, что она тарасилась на Пауля? Она лишь заставляла сердце самой Сальвадор ревниво подрагивать, а отзывать своих русалок хозяйка озера явно не спешила.

– Госпожа, – Рик осторожно покашливает, – нам не пора вмешаться?

Пауль как раз достиг подножия лестницы. Прохвост – он и под водой прохвост. Добрался все-таки...

– Еще ждем, – если бы Сальвадор могла мысленно покачать головой – она бы это сделала. Ждать было непросто... И

пусть, в первую секунду, когда Ния дала добро своим гадинам начинать охоту – Сальвадор чуть не выдала себя, швырнув тело Анука вперед, сдирая с него невидимость, то потом перехватила собственный порыв.

Она не понимала, почему это делает и что её удержало. В иной ситуации, это могло стоить Паулю жизни.

Но... Не стоило...

Это все еще может быть испытание богини. И вмешиваться в него было опасно.

Ведь Пауль сам бросил Нии-Фэй вызов, утянув бутон лотоса обманом, и в некотором роде Ния имела права покарать наглого смертного...

Но с каких пор она вообще отказывает смертным только по одной их связи с Эльясом? Он же еще демоном умудрялся пролезть в Ахиллам, и здесь – портил и нимф, и русалок, и кого только не портил, и обычно боги – включая и Нии-Фэй – смотрели на это сквозь пальцы, как смотрят на шалости хулиганистого, но очаровательного ребенка.

Но Ния была так экспрессивна, так убедительна, столько враждебности было в каждом её слове, касавшемся Ворона... Будто у неё имелись к Эльясу счеты...

– Госпожа!

Рик заставил Сальвадор очнуться от этих размышлений.

Пауль поднимался все выше – медленно, осторожно, отбиваясь от новых русалок, что выползали из пещер и тоже присоединялись к охоте.

Папу раз он едва не оступился и уже обзавелся новыми рассечениями – на плече и на голени. Яд динихтиса не парализовывал... Но в принципе был очень токсичен...

И по движениям Пауля было заметно – у него начинает кружиться голова.

Вот только окликал Рик Сальвадор не поэтому.

Со дна, к верхним ступеням лестницы поднимался резкими сокращениями щупалец динихтис, явно решивший зайти к упрямому смертному со спины.

И Пауль и вправду не замечал самого опасного своего врага, которого точно не удалось бы нейтрализовать ядом арахнида. Водный демон яда не боялся – он был ядовит сам по себе. Зараза заразу не берет...

Но и это было не все...

Сейчас, когда Пауль поднялся выше – в поле зрения попала уже и поверхность озера. Прозрачная раньше, настолько, что через неё звезды казались еще крупнее, сейчас она темнела, мутнела и... твердела, превращаясь в твердую корку. И... Что-то были у Сальвадор сомнения насчет того, что эта корка легко пробивается...

Один только взгляд Сальвадор заставила Рика бросить на Нии-Фэй.

На губах богини играла едкая улыбка.

Это было никакое не испытание.

Выпускать Пауля из своего озера живым Нии-Фэй была не намерена.

– А вот теперь нам пора вмешаться, Рик...

28. Глава, в которой герою спешат на помощь

– Прекрати, – Нии-Фэй не повысила голос ничуть, но тон доведенной до белого каления богини отчаянно пытался добраться до самого уязвимого места души.

Интересно, до чьей души она пыталась доораться?

До души Сальвадор? После того, как попыталась прикончить её смертного? Ха!

И пусть он дерзкий, пусть он упрямый, но это не значит, что Сальвадор согласна позволять кому попало покушаться на его жизнь. Уж если она не прибила Пауля Ландерса тёмной ночью, чтобы дышалось проще, то заносчивой и ветреной богиньке точно не собиралась разрешать ничего подобного.

Уж если вмешиваться— то ни в чем себе не отказывать.

Сальвадор казалось, что она закусила удила. Как в первые годы, когда она еще не усвоила никаких правил взаимодействия с богами, и являлась по душу любого из них, вздумай они как-то поиграться с дочерьми пустыни и выбросить наскучившие игрушки. Именно тогда она и поняла— силу Шии-Ра в её руки вложила исключительную. Потому-то ей и не надо было никакого храма, никакого ранга полноценной богини.

Правосудие в любом случае было сильнее всего. И даже

сильнее капризов богов.

Боги, кстати, оказались понятливее смертных, истории о том, как Оррес владыка кровавой жатвы спустился в пустыню и заделал особо понравившейся ему особе ребенка, а её потом забили камнями за нарушение храмовного обета безбрачия сошли на нет.

Увы, но и Сальвадор все-таки пришлось следовать неким правилам, по личной просьбе Ши-Ра. Иногда...

Не сегодня.

У динихтиса не хватало уже трех пальцев, и одна клешня ядовитого демона болталась на сухожилии.

Сражаться спина к спине с братом Рику явно безумно по-нравилось...

По крайней мере динихтиса он вдумчиво кромсал уже сам своим тяжеленным двуручником, иногда откликаясь на замечания Сальвадор.

– Я сказала, хватит, – уже в голос рывкнула Нии-Фэй, и за спиной Рика пошатнулся Пауль. Случайно? Так вышло?

– Все в порядке, – сипло бросил тем временем этот ужасно бледный упрямец и ужалил коротким острым ударом подошедшую близко русалку, – лучше скажи, ты сможешь пробиться на поверхность?

– Госпожа?– Рику, кажется, это тоже было интересно.

– Мы сможем, – тихо откликнулась Сальвадор, – нужно только убрать с дороги динихтиса.

А вот динихтис ужасно не хотел, чтобы его убирали с до-

роги. Он напрягся, напружинился и внезапно вдруг – в прямом смысле этого слова, будто вобрал в себя воды и раздулся, став выше вдвое. Делал он это как-то незаметно, увы, напрягись он для этого магического трюка— Сальвадор непременно подкараулила момент, когда наливается магией сердце водного демона.

Возможно, дело именно в том, что сердце его было в руках у Нии-Фэй? И это она придала своему цепному псу такой облик именно в эту секунду?

– Госпожа!– во встревоженном вскрике Рика смысла не было.

Она и сама услышала глухой стон за спиной.

Время... Его было мало. Ещё меньше было шансов обойтись малой кровью без жертв.

Ну, что ж, значит, будем по-крупному...

Сальвадор губами Рика рявкнула заклятие— одно из древнейших, сложнейших, требовавших больше магии, чем все те чародейства, что он творил этой ночью.

Динихтис замер, лишенный своего времени напрочь. Заклятие поймало его до того, как он яростно оскалился, тварь только успела ощериться, показывая длинные острые зубы, из каждого из которых можно было сделать хороший нож...

Любоваться не было времени— откат от заклятия пришел тут же, нити контроля, что удерживали тело Рика во власти Сальвадор уже даже не зазвенели— они взвыли, будто озлобленные вайги, и в первую же минуту Сальвадор лишилась

почти половины. С тихими всхлипами начали лопаться и все остальные.

Еще пять минут, и это орудие она потеряет.

– К Паулю, быстро, – шепнула она отчаянно, напрягаясь всей сущностью.

У неё был выход. Самый паршивый из всех возможных, но он был! Главное— не дать Паулю умереть. Те, кто умирали в озере Нии-Фэй считались её жертвами...

Пауль был бледен. И не стоял на своих двоих— осел на одно колено и тяжело упирался в белый мрамор ступени собственным клинком.

Лишь взглядевшись в него магическим зрением, она заметила то, на что не обратила внимания сразу.

Нити. Тонкие энергетические нити тянулись от Пауля к динихтису.

Вот же стерва...

Яд её демона просто высасывал силы из всех, кого им умудрились отравить.

Поэтому яд был на копьях, кинжалах и на прочем оружии русалок. Даже на когтях их наточенных. Чтобы лишить приговоренного на русалочью охоту и малейшего шанса на побег.

Одну царاپину получить несложно— Пауль обзавелся даже несколькими, хотя уж его-то воинское искусство давало фору многим смертным.

Если бы заклятие Сальвадор распространялось только на

динихтиса, и не парализовало и русалок, атаковавших смертного, то этого несносного искателя приключений пришлось бы вырывать из их челюстей по частям.

Но в магии Судья была весьма искусно

Парализовало всех, кто был рангом младше Сальвадор. Русалки, динихтис, мелкие магические создания, коих Нии-Фэй использовала для украшения собственного подводного сада...

– Быстрее, – шепнула Сальвадор, когда руки Рика подхватывали Пауля подмышками, – у меня мало времени. После того как я потеряю контроль над телом, у тебя будет полчаса. Потом это тело просто развеется прахом. Ты должен успеть за это время вывести его из Ахиллама. Запомни только одно— ты можешь разрушить барьер на поверхности воды. Магии хватит. А там— колдуй портал и проваливайте подальше. С рассветом Паулю уже не будет ничего угрожать.

– А ты, госпожа?– в тон ей откликнулся Рик. – Что ты будешь делать?

– А я, – она подняла голову Рика и глянула вперед, – я разберусь с ней.

Как уже говорилось— во власть заклятия попали те, кто был слабее полубогини Сальвадор. А вот богиня...

Нии-Фэй шла вперед. Своими точеными ножками в золотых сандалиях она ступала по белым камням дорожки и шагала к ним— к своим гостям.

Ведь в её озере не осталось никого, кто мог бы помешать

Рику увести Пауля.

Кроме самой хозяйки этого гадюшника.

– Я знаю про твои пари, Судья, – Нии-Фэй остановилась у самого подножия лестницы и подняла голову, – тебе нельзя являть свой истинный облик при смертных. А в Ахиллам в ином виде тебе ходу нет.

– Госпожа, – тихонько охнул Рик, – так в этом дело? И при Пауле тебе...

Как быстро он срастался со своей ролью реликта. А ведь когда-то именно этот смертный плюнул на её алтарный камень...

– Помолчи, – ровно выдохнула Сальвадор.

Да, ей было нельзя входить в Ахиллам в форме духа, таковы были законы. Богам в глаза она должна была смотреть, не скрывая лица за покрывалом.

Она должна была придти сюда, как есть, лично, сейчас— при смертном, находящемся в сознании, и выдать свою тайну.

Это все— не имело значения.

Имел значения только самоуверенный взгляд Нии-Фэй, будто богиня уже ждала, что вот сейчас Сальвадор отступит, не рискнет своим пари, и оставит Пауля.

– Я его тебе не отдам, Ния, – холодно произнесла она. Не губами Рика, своим гласом Судии, просто потому, что сейчас уже не имело смысла пользоваться этим посредником.— Никакой ценой не отдам. Ни тебе, ни кому другому. Он – мой.

Сказала— и закрыла глаза, на одно только мгновение, чтобы явиться на ступенях уже лично...

— Ну вот и чудно, — мурлыкнула Нии-Фэй, и этот шепот прошелся по сущности Сальвадор, почти принявшей форму, — ты не обманула моих ожиданий, Судья.

А потом— богиня топнула ногой...

Удар был сильный, резкий и магический— он швырнул сущность Сальвадор куда-то назад, ослепил, оглушил и...

Бросил спиной на песок. На холодный песок под любопытным глазом луны.

Нии-Фэй просто вышвырнула их вон— с глаз долой, к самым вратам в Ахиллам.

Всех их. Пауля, ослабевшего, еле шевелящегося. Рика— в теле Анука, тут же, рядышком. И её.

Босую, в коротких черных шароварах да в свободной рубахе для сна, без покрывала, с волосами, заплетенными в тугую длинную косу.

В теле Мун.

Как она была, когда вернулась в лагерь, в шатер прислуги Мансула, чтобы там, уже переодевшись для сна и завернувшись в тонкое одеяло из верблюжей шерсти, закрыть глаза и уже в полной мере сосредоточиться на том, что она могла видеть глазами Рика.

Последний подарок от Нии-Фэй!

— Мун?— Пауль смотрел на неё со странной смесью удив-

ления, радости и непонимания. Смотрел, вглядывался, буд-то...

Будто видел что-то не то.

Она скосила глаза— тот кожаный кисет, в который Пауль сбросил бутон лотоса по-прежнему болтался на его поясе. И... Судя по всему, цветок Пауль тоже не потерял. И дар видеть истину он только, что получил...

– Госпожа...

Мысли Рика звучали не то что встревоженно, но как-то растерянно... Смотреть на него своими глазами оказалось странно, но нитей контроля больше не было— удар Нии-Фэй лишил Сальвадор связи с её сосудом окончательно.

Рик поднял ладонь Анука, протянул её к Сальвадор— видимо, чтобы она точно увидела в чем дело.

С темной кожи летел мелкий пепел. По всей видимости, магия богини повредила не только хрупкие связи Сальвадор с сосудом, но и оказалась сокрушающа для него самого. Время Рика в этом теле вышло.

Она успела подойти к нему, пока он опускался на одно колено, склоняя голову ниже. Успела коснуться губами гладкой головы.

– Увидимся в моем Чертоге, Рик, – шепнула она устало, – спасибо за службу. Ты очень пригодился мне сегодня.

Лишь по глухому, полузадушенному хрипу, донесшемуся со стороны Пауля, она поняла— проговорила это обычным человеческим языком, а он – услышал имя брата. Верно

услышал. А еще— наверное, подаренным Нии-Фэй даром, увидел в чертах лица Анука то, что за ними было спрятано.

Он молчал.

Он смотрел в её спину и молчал, так, будто только что откусил себе язык. Что он видел? Её боевую форму? Ту, что со скорпионьим хвостом, с боевой косой, зачесанной на безумный манер, и острые кинжалы в опущенных ладонях? Или видел её тень во всяком движении рабыни Мун? Синий шелк Судейского одеяния, те же кинжалы, что она не отпускала никогда в форме духа.

Ну, знак духа – эту светящуюся каплю на её лбу, он точно видел, когда Мун стояла к нему лицом.

Как хотелось бы... Просто быть его Мун, рабыней, полюбившейся этому безрассудному гладиатору. Просто Мун... Не Судьёй Пустыни... Не той, кого Пауль ненавидел самым лютым образом.

– Может, взглянешь мне в лицо? – тихо проговорил Пауль, явно собрав силы для разговора, и закончил эту фразу уже её именем, чтобы уж точно не оставалось никаких сомнений, что он её узнал. – Сальвадор...

Так забавно...

Она не боялась никого из божественного пантеона. Ни одна волшебная тварь, возвращенная по капризу какого-нибудь божка, её бы не напугала.

А повернуться сейчас к Паулю и увидеть его глаза – было ужасно страшно...

Он ведь совершенно не умеет врать, по крайней мере— она всегда видела, когда он лжет, фальшивит или пытается уклониться от прямого ответа.

И все же— нет выбора. Не в её правилах пасовать. Не в её привычке— бежать от ответа.

Она все-таки повернулась на босых пятках, встречая взгляд бездонных синих глаз прямо.

Это оказалось даже больше, чем она ожидала...

29. Глава, в которой герой все видит

Они шли к лагерю в пяти шагах друг от друга.

Вряд ли ей нужна была его защита... Сиянием её ауры можно было отпугнуть и парочку голодных шайтанов, и самого Фарея, не то что хорл. Те так точно держались от Судьи Пустыни на почтительном расстоянии.

Скорей уж это она защищала его. Поймав эту мысль, Пауль чуть не сбавил шаг, чтобы отстать от шагающей вперед девушки, но... Не стал.

Отставать от неё не хотелось. Чувствовать себя бесполезным, пользуясь её защитой не хотелось тоже, но чуть меньше, чем отдаляться от неё еще сильнее.

Сальвадор шла молча. С той самой поры, как она оказалась у враг в Ахиллам, как он увидел... Все увидел— она не проронила ни слова. Только смотрела на него так, будто душу пыталась вынуть своими темными глазами.

Хотелось, чтобы она заговорила. Сама. Сказала что-то, что ставило бы все на места, что безоговорочно бы её оправдывало, что уняло бы вот эту растерянность Пауля, доводящую практически до бессилия.

Во многом это её молчание было к лучшему. Пауль и сам не понимал, с чего ему начать разговор... с Судьей. Не с Мун. Ему еще нужно было привыкнуть к этой мысли... Так просто это в мозгу не укладывалось.

Он столько времени планировал, как снова ступит на капище Сальвадор. Как призовет её и потребует ответить о судьбе Мег. И вот когда он не дожидается от неё ответа— вот тогда он и бросит ей вызов. Столько слов было задумано на это будущее, но...

Как выйти теперь на Судилище, как бросать вызов ей? Даже если она явится на бой в образе Судьи, он ведь будет знать, кто скрыт за её покрывалом. И как выходить сражаться с ней? Как следовать данной присяге?

Ладно, об этом можно подумать потом, но сейчас...

О чем Паулю говорить с Судьей сейчас? Как говорить, чтобы не закончить эту беседу так же, как они с Риком закончили тогда...

Рик. С ней был Рик. В теле Анука.

Пауль сейчас уже находил, что мог бы догадаться и сам— он видел брата в бою на Арене, он знал его любовь к клинкам именно того типа, что был в руках у чернокожего магика, но...

Мало ли тех клинков? Мало ли кто дрался в такой же манере. Рик не вернулся с Арены в начале этого года. Именно тогда Пауль и понял— искать возможность побега нужно лучше.

Но как? Почему Рик вдруг оказался в прямой власти Сальвадор? Почему явился в Ахиллам вслед за Паулем и защищал его?

Разве было дело Судье Пустыни до того, кто поклялся

освободить Махасар от её «тирании» – так говорилось в халифском приказе.

У него было столько вопросов, и он не мог решить, с какого начать, а она— молчала, как немая от рождения. И...

Обручальный браслет на её запястье царапал Паулю взгляд. Теперь-то он его видел, черно-белый, узорчатый, широкий... Чей он?

Ши-Ра, почему сейчас его заботят эти глупости?

Она ведь его обманула. Столько раз, что смешно после этого с ней даже разговаривать. А не думать о том, почему она вообще молчит? Потому что ей безразлично, что он о ней думает? Или она просто устала с ним возиться?

Весь Махасар знал, мужчин Сальвадор не замечает напрочь. Много лет она уже воспитывала обитателей песков, и уж, наверное, могла бы найти себе и одного мужа, и десять.

А что?

Она дала посмертную клятву защищать дочерей пустыни от жестокости и несправедливости, давать им справедливый суд— кто бы удивился, вздумай она завести себе мужской гарем?

Ну, Пауль бы точно не удивился. Это казалось на самом деле даже вероятно. Самая упрямая женщина в пустыне могла повернуть это хоть даже в пику всем многоженцам.

И тем не менее, она оставалась одна. Ни в ком не нуждалась.

А вот сейчас – носила на себе знак того, что кому-то уже

дала обещание разделить с ним судьбу. И... Это можно было как-то изменить?

Что Пауль мог вообще предложить великому духу? Смертного себя? Свое сердце? Лотос?

С какой стороны ни глянь, а выглядит это настолько жалко, что даже врагу такие козыри не пожелаешь, чтобы не позорить его таким бесчестьем.

На самом деле Пауль увидел не только браслет. Просто обручальное украшение было ему хотя бы понятно и ощутимо скребло. Остальное— занимало тоже, хоть и чуточку меньше.

Пауль видел узоры цветов, нарисованные темной хной на стопах Сальвадор. Говорили, это потому, что смерть она встретила невинной, но обвиненной мужчиной в распутстве. Тот суд не был справедлив, девушку забили камнями, но Шии-Ра решила вмешаться...

Говорят, на месте того белого города Элиада сейчас только и осталось, что капище. Которое и было там, где в Элиаде располагалась судебная площадь.

Ну а еще с тех времен остались эти узорчатые цветы, которые наносили просватанным невестам. Будто подчеркивали, что с чистотой своей Судья так и не рассталась...

Пауль видел сложную, едва заметную вязь магических знаков на всем теле Сальвадор.

Она была абсолютно не заметна, когда Анук еще стоял на ногах, и засияла золотым светом совершенно нестерпи-

мо, как только тело немого магика рассыпалось пеплом. Оно потускнело, после того как девушка несколько раз шумно вдохнула, будто загоняя что-то вглубь себя, беря это под контроль.

Он видел, и что между изящными золотистыми знаками вьется тонкий, едва заметный черный узор. Плотный... Что это было? Этот узор Паулю не понравился совершенно, хоть он и был уверен, что завитушки очень даже красивы. Но было в них что-то... От чего хотелось передернуться— а лучше смыть. Вот и об этом бы тоже спросить Сальвадор, но она до того холодно молчала, что даже глядеть на неё искоса— и то было неловко.

Пауль видел сияющие кривые кинжалы. Они заковыристыми тенями, покачивающимися во время ходьбы, парили у бедер Судьи, готовые к тому, чтобы она их призвала. Собственно только по этим кинжалам Пауль и понял, какой именно дух оказался в теле Мун.

Сальвадор.

Из всех духов пустыни он нашел в Турфане именно Сальвадор, решившую поиграть в очередную смертную жизнь. Поговаривали— она так развлекалась...

Интересно, с ним она тоже развлекалась?

Пауль припоминал то, что было сказано им, а что говорила ему Мун за это время. Найти бы хоть какую-то подсказку о том, зачем именно Сальвадор вообще тратить на него свое внимание и силы? Неужто он тронул её своим неуклюжим

подвигом в Турфане?

Так она тех бандитов могла обратить в червей одним щелчком пальцев, и...

И почему не превратила?

Почему она вообще позволяла себе быть рабыней? Это была особая форма божественного мазохизма?

Нет, конечно, шайтан их разберет— этих бессмертных с их заморочками, но почему-то Пауль сейчас в этой мысли усомнился.

Мун никогда не наслаждалась положением рабыни. Это не было похоже на какую-то добровольную аскезу, которыми иногда развлекались бессмертные, помешанные на совершенствовании воли и духа.

Но разве не в её силах было стереть с кожи рунный ошейник легким движением пальцев, а мага, его создавшего, подвесить за ноги над скорпионьей ямой?

Зачем было так упрямо следовать этой неприятной судьбе, если уж она-то могла разрешить все свои проблемы одним мановением ресниц?

От количества вопросов у Пауля уже начала побаливать голова...

А Сальвадор, шагающая с ним шаг в шаг, все так же молчала.

Путь от врат в Ахиллам до места остановки караванщиков был не ближний и отнял примерно час. Когда впереди яркими пятнами запыхлели шатры купцов— уже слегка светлела

полоса неба на горизонте.

Шии-Ра просыпалась. Судья же остановилась и повернулась к Паулю. Он бы этому обрадовался, вот только её лицо не выражало ничего. Абсолютно ничего, будто она вообще не слышала об эмоциях.

Вроде как темные глаза коснулись лица Пауля, ему бы должно было потеплеть, но ему стало только холоднее.

– Ты нашел меня в пустыне во время ночной охоты. Ты слышал, что Мун одерживают духи, что она бродит по ночам, и решил вернуть меня хозяину. Понял?

И это все, что она сейчас хотела ему сказать?

– Боишься, что они узнают о тебе правду?– Пауль чуть поднял брови. – Я не собираюсь орать твое имя направо и налево. Так ведь и за сумасшедшего примут ненароком.

– Мой хозяин знает, что я оказалась слишком далеко от лагеря, – тонкие пальцы Сальвадор еле-еле коснулись рунного ошейника на её шее, – и Анук исчез в то же время. Тебя тоже в лагере не было, когда подняли тревогу. С Мансула станется придумать заговор, в котором ты украл двух его рабов. И поверь, ничего хорошего тебя в этом варианте не ждет.

Такая циничная, такая бесстрастная и такая чужая.

Ему смертельно хотелось взять её за плечи, стиснуть, встряхнуть, сбить эту ледяную корку.

Но что если под этой коркой прячется тот же самый лед? Даже будучи рабыней Мансула Мун не казалась настоль-

ко чужой, каковой сейчас смотрелась Судья Пустыни, пусть тело у них с Мун было одно. Даже больше— Мун и не было вовсе, была только Судья, называвшаяся этим именем.

– Как скажешь, – Пауль недовольно дернул уголком рта, заталкивая весь этот чувственный сумбур в самый дальний уголок рассудка, – нашел в пустыне, решил вернуть хозяину.

Сальвадор же удовлетворенно кивнула и зашагала дальше. Чем дальше, тем сильнее усугублялось ощущение, что она абсолютно потеряла к Паулю интерес.

– Там, у врат, – Пауль неловко кашлянул, пытаясь привлечь внимание девушки, – ты назвала Анука именем моего брата.

– Я не могу отвечать на твои вопросы сейчас, – все так же бесстрастно откликнулась Судья, будто бы зябко ежась.

– И что это значит?

Ответа на этот вопрос не последовало. Но красноречивый язвительный взгляд вполне себе Паулю достался. Ну, все какие-то эмоции, все не это ледяное равнодушие.

– Ты сказала «сейчас», – упрямство так и зудело в груди, требуя продолжать донимать её вопросами, – когда сможешь? Через два дня, на капище?

– Судья ответит тебе на капище, – ответ вышел каким-то вымученным, будто что-то мешало Сальвадор говорить нормально, – не спрашивай со смертной то, что касается Судьи.

Это напоминало какую-то магическую присягу, когда прямых ответов на вопросы давать нельзя, и они даются наме-

ками. Магическая присяга? У духа-полубогини?

Пауль все меньше понимал, что происходит.

– Отстань на пару шагов и иди прямо за мной, – вдруг вполголоса бросила Сальвадор, – нас встречают. Ты должен выглядеть так, как будто ведешь Мун хозяину под конвоем, чтобы не сбежала снова.

– Можно подумать, если бы Мун пыталась от меня сбежать, я бы её и так не догнал, – не удержался Пауль.

Девушка, конечно, была легче, и наверняка— была резва, ежедневные занятия танцами поддерживали тело в нужной форме. Но все же свою физическую подготовку Пауль оценивал чуть повыше.

Судья ничего не ответила на это, но обогнала Пауля уже сама, шагая всего в паре шагов от него. Если бы он захотел— то, потянувшись, коснулся бы лопаток под этой тонкой рубашкой. Он хотел... Не хватало решимости.

Он и перед Мун-то обмирал несусветно, всякий раз пытаюсь держать свое заходящееся в безудержной скачке сердце в своих руках, но терпя одну неудачу за другой.

От вскрывшейся же Сальвадор так дышало внутренней силой, что этого трепета почему-то стало еще больше. Сразу вспоминалось старое, почти забытое: "Вы пришли на Судилище, а не в гарем", когда молодой и необбитый Пауль Ландерс восхитился изящной фигуркой да красивыми глазами явившейся на их призыв Судьи.

И подумать сейчас о том, чтобы вот так просто взять и

стиснуть в своей медвежьей хватке её— хрупкую, холодную, такую могущественную колючку было как-то... Еретично.

Нужно сказать, за оставшиеся четверть часа, что они добирались до лагеря, еретичных мыслей в голове Пауля Ландерса нашлось более чем достаточно.

30. Глава, в которой открытия не заканчиваются

По лагерю каравана Паулю сопровождать Сальвадор довелось не долго. По всей видимости, об их появлении доложили и Мансулу, и караванной страже. Потому что градоначальник оазиса Турфан обнаружился на пути Пауля довольно скоро.

И его разъяренная физиономия обещала Паулю и четвертование, и скормление голодным хорлам, и яму со скорпионам— и прочие виды изощренной казни, на которые только сподобились фантазеры-пустынники.

На Судью оборачивались. И до Пауля далеко не сразу дошло почему— она была без покрывала, со свободной непокрытой головой. Волосы были сплетены в косу, но абсолютно ничем не укрыты от посторонних глаз. По всей видимости, магия Нии-Фэй или чья-то другая выдернула её прямо из постели. А пустытники, повернутые на традициях, смотрели на девушку как на безумную.

– Не вздумай вмешаться, герой, – только завидев своего «хозяина», велела Сальвадор краем рта. Её приказной тон начал конкретно утомлять.

Но девушка не стала дожидаться ответа, торопливо зашагала к Мансулу, обгоняя Пауля еще на пару шагов, и ничком рухнула на песок.

Даже привыкший всегда ждать удара по воинской привычке Пауль не успел заметить, когда именно взвилась в воздух плеть. Он только услышал свист и увидел, как вздрагивает от первого удара тонкое девичье тело.

Когда плеть вновь взвилась вверх— Пауля и самого качнуло вперед. Так ведь нельзя... Она же... Её нельзя!

– Братец, живой, – таким тоном возопил вынырнувший из уже собравшейся толпы караванщиков Шейл, будто уже похоронил Пауля и даже один раз сходил на его могилку, после чего и вовсе повис у эффинца на плечах, незаметно оттягивая его подальше от Мансула.

– Даже не вздумай лезть туда, – прошипел магик Паулю на ухо, – он её хозяин. Ты еще помнишь об этом?

На поверку Шейл али Аман оказался на диво сильным. По крайней мере, удержать Пауля он смог.

– Отпусти, – сипло выдохнул Пауль так, чтобы услышал только Шейл, в то время как к горлу подкатывал кровавый ком, – я его просто убью. Ничего больше.

Четвертый удар... Мансул оказался резв на порку...

Девушка у его ног не шевелилась, не издавала ни звука.

– А потом убьют тебя, – тут же откликнулся чародей, продолжая удерживать Пауля, хотя он и кренился вперед с большей силой, – сейчас ты вернул хозяину его имущество. Вмешаешься— и выплывет, что ты неровно дышишь к этой рабыне господина али Хмара. Выплывет побег еще одного его раба. И его повесят на тебя. Её тоже казнят, кстати. Нет, ей,

конечно, это не особенно страшно, но ты вообще уверен, что в следующем перерождении она тебя вспомнит? И что ты её найдешь?

Последняя фраза была произнесена даже не шепотом. Это был какой-то негромкий голос, который Пауль слышал не ушами, а разумом. От него мороз шел по коже, даром, что от песков уже начинал подниматься раскаленный жар.

И что это была за фраза!

– Ш-шейл?– Пауль это просипел, потому что начал уже сомневаться, что этот маг— просто маг. После сегодняшней ночи, когда Мун оказалась самой Сальвадор, которая вот так безропотно подставила спину под плеть Мансула,— Пауль сразу начинал представлять самые невообразимые варианты. И кто? Владыка сна и ночи Мафрей? Саллад, Песчаный Ястреб?

– Думаешь ты в верном направлении, братец,— насмешливо хмыкнул все тот же пробирающий до костей голос, — но все мимо.

У Мансула, кажется, устала рука, потому что он попросту швырнул плеть на песок и, склонившись, сгреб лежащую ничком девушку за косу и что-то яростно ей зашипел. А потом— сплонул, кивнул людям из своей охраны и, отвернувшись, так и не взглянув в сторону Пауля даже один раз, зашагал к своему пестрому шатру.

А Пауль все пытался оторвать взгляд от съездившейся фигурки на песке, тихонько подрагивающей от боли.

Может быть, она и была могущественной Сальвадор...

Но больно ей было сейчас как и любому смертному. Как простой девушке, которая только что перенесла порку.

Она поднялась. Медленно, явно боясь двинуться лишней раз. Чуть пошатнулась, едва не упала на подскочившую к ней Зулейху, тут же набросившую покрывало на длинные волосы. Но все же устояла. И медленно, опираясь на плечи Зулейхи, зашагала в ту же сторону, куда только что ушел Мансул.

– Я его убью, – тихо прошептал Пауль, глядя на болезненную поступь девушки, – я его убью, и напоследок он будет молить её о прощении...

– Не сейчас, – откликнулся Шейл на это все тем же потусторонним тоном, который будто складывал слова прямо в черепашке Пауля, – сейчас сделай пять шагов назад, будь послушным мальчиком. Я отведу глаза твоей смертной браatii, и мы сможем уйти. Ты не можешь идти за ней. Сейчас— не можешь.

Караванчики и вправду начали разбредаться— скоро должны были выходить в дальнейший путь.

Оторопь, что на самом деле держала Пауля на месте, то, что он принимал за шок, внезапно отступила. Судя по всему, Аман его попросту парализовал, а для вида вис на плечах, как брат, уже нечаявший возвращения ушедшего за приключениями родственничка.

– Пять шагов назад, Пауль, – повторил Шейл ровно и разжал руки, будто бы даже слегка отступая, чтобы уступить Па-

ую путь.

Да кто это вообще такой, что сейчас диктует Паулю, что ему делать? Кто знает о том, что Мун не особенно расстроится собственной смерти и вообще переродится другой жизнью?

Пауль сделал те самые пять шагов назад, а потом резко кутнулся на пятках, ища взглядом Амана.

Нашел.

Лотос, открывавший Паулю глаза на сокрытую от его глаз истину, не подвел.

Сам Аман казался будто мороком, темным туманным сгустком, только лиловые яркие глаза пылали полным цветом. А за его спиной стоял высокий...

Голые плечи, покрытые кольцами и петлями, кажется, шевелящихся татуировок, сдвинутая на затылок белая маска с длинным клювом и шесть огромных, абсолютно черных крыльев за спиной...

Слишком много опознаваемых примет.

У Пауля подкосились ноги. Ну, точнее они попытались...

– Ну, вот падать на колени и вправду не обязательно, – насмешливо улыбнулся Король Воронов, раскуривая длинную трубку, – все-таки мы друзья, так ведь, братец?

Собрать слова на ответ богу, в чей храм Пауль лично при-
таскивал жертву, получилось не сразу.

Казалось бы, кого только он не видел сегодня— и Нии-Фэй близко, даже лично к её золотым сандалиям прикоснул-

ся на удачу, и Сальвадор, в её мрачном хладнокровии, но почему-то именно Король Воронов— такой будничным, такой естественным, доканал его окончательно.

Если бы сейчас к Паулю спустилась с небес Шии-Ра, он и то, наверное, уже не удивился. Ну, а что— все-равно его представление о мире ему капитально искромсали, обнаружив за тем холстом нечто совершенно невообразимое.

– Дыши, братец, дыши, – лиловые глаза Эльяса эль Мора откровенно смеялись, но сам он тактично улыбался еле-еле, – пойдем в шатер. Поговорим обстоятельно.

Все еще пытаюсь собрать отдельные буквы хотя бы в слоги, Пауль кивнул и зашагал за Вороном. Если столько времени он был рядом в теле Шейла— опасаться его сейчас смысла нет.

Каким-то образом Пауль влип в божественные разборки по самые уши.

На Сальвадор Пауль обернулся раза три.

На третий— её худенькая спина в яркой желтой рубашке, раскрашенной алыми полосами, исчезла где-то промеж шатров караванщиков.

– Ты можешь звать меня просто Эльясом, – через плечо бросил Король Воронов, и это было, пожалуй, самое забавное разрешение в жизни Пауля. Все равно что халиф Хариба лично попросил бы звать его Салайдином.

– Ну, харибского халифа ты вряд ли можешь назвать другом, – хмыкнул тем временем Эльяс, внаглую подслушивая

мысли Пауля, – меня можешь.

– Это ведь ты втравил меня в затею с присягой на бой с Сальвадор, – мрачно заметил Пауль, – это не очень-то похоже дружеский жест.

Сейчас было очевидно, что все то, что произошло в Турфане, когда Пауль оказался под угрозой разоблачения— провернул именно Эльяс эль Мор, потому что ему было за чем-то нужно, чтобы Пауль взял на себя эту магическую кабалу.

С учетом того, что Мун и Сальвадор сейчас оказывались единым целым— это внезапно становилось ситуацией, из которой Пауль не находил ни единого возможного выхода.

Не убьет Сальвадор— присяга его прикончит.

Убьет— так ведь и Мун он выкупить не сможет.

Эльяс не ответил на этот вопрос. По крайней мере пока они не дошли до шатра— не ответил. И даже уже в шатре Король Воронов сначала, снова соприкоснувшись с телом Амана, слился с ним в единое целое, а после блаженно рухнул на подушки.

Картина была та еще— крылья не исчезли, лишь померкли, уменьшились, как и татуировки, которые на худых плечах Шейла смотрелись несколько иначе, чем на худощавом, но, тем не менее, отлично сложенном Эльясе эль Море.

И вот после этого он бросил взгляд на Пауля и будто вспомнил о его вопросе.

– Присяга? Ты смеешься?– Король Воронов ухмыляясь

щелкнул пальцами, и медальон на шее Пауля, медальон с заговоренной неразрезаемой магической цепочкой вдруг оказался у Пауля на ладони.

Было ощущение, что даже щелкать пальцами собеседнику Пауля было не надо. Он это сделал больше рисуясь, чтобы подчеркнуть, насколько ему это ничего не стоит.

– Можешь выкинуть его к шайтановой праматери, – небрежно уронил Эльяс, – ты ведь понимаешь, что магия смертных для меня— как для тебя детская погремушка?

Пауль понимал.

Он видел и магию Шейла, которая намного опережала все то, что Пауль Ландерс видел раньше. Шейл творил без мудреных заклятий, без сложных пасов и формул. Будто магия была его дыханием, будто он сам писал те магические талмуды, в которых по идее должен был искать мудрости. И еще тогда, когда турфанский магик не смог превозмочь иллюзию Шейла, было очевидно— как маг он сильнее очень многих.

– И это я сдерживал силу, – самодовольно усмехнулся Эльяс, – но, как я уже говорил, ниц перед моим величием можешь не падать. Тебе можно.

– Да уж, благодарю за такую великую честь, боже, – су-мрачно откликнулся Пауль. Он ожидал, что когда отступит ошеломление, пробудится трепет, благоговение, но... Король Воронов продолжал быть бесстыжим Шейлом али Аманом, тем самым, который и вправду был Паулю привычен, как шептунной младший брат. Перед ним не трепещалось.

– Нет в жизни скромного бога счастья, его даже не боятся, – фыркнул Эльяс, чуть поводя ладонью. На столе перед ним тут же появилось две пиалы с чаем и блюдечки со сладостями.

– Надо было становиться кем-то вроде Саллада, – делая красноречивый жест «угощайся», тем временем продолжал Король Воронов, – его все боятся. Потому что он мстителен, как вся его шайтанова свора разом.

– Уже поздно?– Пауль поднял брови, разглядывая не очень-то расстроенную физиономию Шейла. Если Ворон и был огорчен нахальством Пауля Ландерса, то внешне это было совсем никак не заметить.

– И это все, о чем ты хочешь меня спросить, братец?– тоном Эльяс не изменился ни разу, но что-то блеснуло в глазах нетерпеливое, будто Пауль лишал Короля Воронов его лакомого кусочка. Ему так не терпелось поговорить о деле?

Ничего внятного Пауль сказать не успел. Пока он выбирал из своей тысячи вопросов самый актуальный, звякнули сигнальные чары у полога шатра, и Эльяс скривился.

– Гости, – брезгливо выдохнул он, – мы потерпим несколько минут, правда, братец?

Наверняка в его возможностях было дать этим гостям такой магический отворот, что они бы полдня вспоминали, куда вообще шли, но... Вопрос нескольких минут. Потерпеть можно.

Эльяс шелкнул пальцами, и на шее Пауля появилась точ-

ная копия того самого присяжного медальона, что должен был убить его в случае отказа от боя с Сальвадор. Только больше никакой магией от этого медальона не пахло.

И все-таки Ворон думал о таких мелочах, когда у Пауля уже и из головы-то это выскочило. А и правда— караванщики не должны видеть его без присяги, возникнут вопросы.

Такое количество событий за одну ночь все-таки очень сильно сбило Пауля с толку. Оказалось, что он по самое горло в какой-то божественной передрыге. И пока— совершенно не ясно, в какой именно.

Явился лично градоначальник прекрасного Турфана, Мансул али Хмар, с лицемерной сладкой улыбочкой во всю свою фальшивую физиономию.

Он и Эльяс-Аман рассыпались друг перед другом в любезностях, таких привычных для пустынников. Пауль же мрачно молчал и пытался не стискивать пиалу уж слишком сильно.

Перед глазами так и вставала худенькая подрагивающая спина, а в ушах пела свою мерзкую жестокую песню плетть Мансула.

– Я пришел, чтобы выразить мою благодарность вашему брату, господин Аман, – тем временем Мансул-таки добрался до цели своего визита, – ведь это он привел шайтанову девку ко мне обратно. Я уже думал, мне придется прибегать к силе ошейника. А ваш брат...

– Благодарностей не нужно, – глухо откликнулся Пауль.

Про то, что это был его долг, договаривать не стал. Потому что именно «вернуть рабыню хозяину» просто не мог считать своим долгом. Сам был рабом слишком долго.

– Как мало в наше время столь честных, благородных людей, – фальшиво восхитился Мансул, – и все-таки, не откажите, мой друг, примите в дар скромное подношение.

Один из слуг, прибывших вместе с Мансулом, шагнул вперед, протягивая вперед изящную серебряную шкатулку.

– Я не особенно нуждаюсь в деньгах, – говорить учтиво на самом деле было сложно. У Мансула же на это проскользнула только кривая ухмылка— мол, все нуждаются в деньгах, просто некоторые мнят о себе слишком много. Но это градоначальник Турфана не произнес.

– Это не деньги, господин, – сладко усмехнулся Мансул, – в этой шкатулке жемчужина Поссея, благословленная его мощью. Я слышал, вы заручаетесь поддержкой богов перед боем с Сальвадор.

Пауль шумно вздохнул, пытаясь сформулировать, куда именно господину али Хмару следует обратиться со своими дарами, но...

– Мой брат вам очень благодарен, господин али Хмар, – торопливо вмешался Эльяс, поднимаясь со своих подушек и принимая из рук слуги ту самую шкатулку, – столь великий дар за беглую рабыню. Вы ужасно щедры.

И та самая оторопь, которая уже парализовывала Пауля, стиснула его снова. Даже язык отнялся.

– Мун – подарок для халифа, она практически бесценна, – Мансул скривил губы, изображая, что дар этот по его меркам – пыль и песок.

Каким-то неведомым чутьем Пауль ощутил— Мансул недоговаривает. Не была для него Мун только подарком для халифа... Ревность в который раз выкрутила Паулю нутро. Пусть Мансул пока не прикоснулся к своей рабыне, пусть чего-то выжидает. Но он о ней думает! Касается нежной лилии Пауля Ландерса своими похабными грязными мыслишками. Придушить бы этого знатного ублюдка, да только долго ли после этого подвига проживет Пауль?

Эльяс устами Шейла наговорил Мансулу еще три вороха благодарностей, и в воздухе запахло его магией— незаметной, вкрадчивой, дурманящей. Мансул даже не обратил внимания, что Пауль за все время беседы практически ничего не сказал. Ушел.

– Как же сложно с вами, смертными, – раздраженно бросил Эльяс, снова возвращаясь на свои подушки и распуская чары, которыми удерживал Пауля, – вы сами вообще помните про ваши же законы приличия?

– Завязывай с этим, – уже раздосадовано прорычал Пауль. Чувствовать себя беспомощным ягненком он не любил. И если боги и должны были с чем-то считаться— так это со свободой воли.

– Ну, вот послал бы ты его к Ши-Ра за лампадкой, и что?— Эльяс говорил покровительственно, будто с маленьким ре-

бенком. – Ты бы поссорился с человеком, у которого хочешь выкупить рабыню. Ты ведь хочешь?

– Я... Не уверен, что ей это нужно, – тихо откликнулся Пауль.

– А что ей нужно, по-твоему?

Эльяс встряхнул ладонью, выуживая из воздуха раскуренную трубку и после глубокой затяжки запустил к полу длинную белую дымную струю сложившуюся в вереницу верблюдов.

– Я нахожу немислимое удовольствие в том, чтобы никем не притворяться, – задумчиво пояснил Король Воронов, по всей видимости, заметив внимание Пауля к разгулу его магии.

Не притворяться? Серьезно ли он?

Пауль сидел и взвешивал, насколько он доверяет этому чрезвычайно хитрому божку, который явно имеет в этой истории свои интересы. Какие?

Доверие было. Но что-то сквозило в жестах и мимике Эльяса эль Мора странное. Будто что-то было, что он скрывал. И... Куда подевалась Падме? Обычно она всегда выскакивала к Аману, именно она накрывала на стол, кормила ручного ворона, да и вообще— шатер Шейла всегда был наполнен розовым маслом её притираний. Сейчас же этого запаха не было и следа. Девушка будто растворилась, и почему она исчезла именно сейчас? Кем она была? Еще одной иллюзией Короля Воронов, человеком, которого он нанял или

какой-нибудь адепткой из его храма?

– Так что нужно Судье, как ты думаешь, Пауль?– хмыкнул Эльяс, напоминая о себе. – Ты ведь понимаешь её лучше прочих, если я верно чувствую.

Он вообще серьезно это говорил?

Пауль глянул в яркие лиловые глаза Короля Воронов, и вопрос про Падме будто истерся из памяти. Не о том он думает, и правда...

Что нужно Судье? Не понятно, почему Эльяс спрашивал это именно у Пауля, но все-таки, об этом можно было подумать.

В мыслях зазвучали горькие слова Мун, сказанные еще в Турфане, с такой измученной обреченностью, что они крепким эхом отдались в груди Пауля.

Мне без разницы для кого быть вещью.

– О, – глаза у Эльяса вспыхнули еще ярче— он снова подслушал эту мысль, – это уже интересно, мой друг.

Было такое ощущение, что Пауль ему что-то подсказал...

31. Глава, в которой судьба капризничает

– Мун, Мун, просыпайся.

Ненавистное имя жгло душу сильнее любого каленого железа. Как же она устала быть Мун. А ведь нет просвета даже, не виделось.

Мансул не спешил убивать её рабским ошейником, Эльяс не думал раскаиваться в собственной гнили и пересматривать условия пари, Шии-Ра же... Ей, кажется, было забавно наблюдать все это представление. Да и потом, не может же Солнцеликая няньчиться со всеми, кому она дала силу.

Тысяча шайтанов, до чего же она дошла— рассчитывать на кого-то в освобождении от тяжелой доли.

– Мун, Мун...

– Я не сплю, – тихо выдохнула Сальвадор и с усилием заставила себя сесть.

Зулейха, что до этого осторожно трясла её за плечо, понимающе закивала и бросилась умываться.

Осторожно— потому, что после порки Мансула девушки Мун все-таки сочувствовали. Они думали, что это духи уволокли девушку куда-то в пустыню, где на неё и наткнулся искатель приключений, караванный охотник на духов и вообще бравый воин— брат господина Амана.

Мансул— вроде бы тоже так считал, но в качестве мел-

кой маленькой мести приказал Мун вообще не показываться из шатра без черного длинного покрывала-накидки с одной только узкой прорезью для глаз, закрывавшим тело аж до колен. И вообще – одеваться только в черное! Считалось, что так можно укрыться от глаз мелких духов, что сводили с ума некоторых смертных. Это была и часть наказания, конечно, наверняка она бы с ума сходила от жары и духоты— если бы была смертной. Но, за сотню лет она к раскаленному Махасару привыкла, да и честно говоря— внешний жар она сейчас почти не замечала.

Калило изнутри.

Что можно сделать за два дня и чего нельзя успеть за сотню лет до этого?

Можно сойти с ума. Окончательно и бесповоротно спятить.

Пауль...

Он просто будто исчез. Нет, он по-прежнему был в лагере, по-прежнему ходил в ночные вылазки с охотниками на духов, и пару раз за эти два дня она все-таки с ним пересеклась, но...

Он молчал. И будто не замечал её. Один раз— Сальвадор почти готова была поклясться, что он обогнул её по дуге.

Нет, она ничего особенного от него и не ждала, никакого синего лотоса, принесенного в дар, все-таки он шел за ним для Мун, а не для Судьи, потому коварная Нии-Фэй и раскрыла ему глаза в ту же секунду, как только признала его по-

бедителем. Но настолько предательской тишины от него она не ожидала. Ничего.

Гордости было слишком много, чтобы идти к нему самой, чтобы что-то говорить, навязываться. Ну уж нет, она не будет, обойдется как-нибудь...

Хотя, чего греха таить, Сальвадор уже с нетерпением ждала, когда же, когда догорит этот последний закат, когда Пауль шагнет на белый песок её капища, когда она сможет с ним... Поговорить. Хотя бы пару слов, до того как рассечет его присягу и отправит к бабушке в Эффины. Пусть... Пусть боги потом дерут горло, пусть Эльяс изводит остаток вечности, вот только этот балбес уйдет в Эффины, вернется домой, и на память она выпрямит линию его судьбы. Хорошую жену, детей, сколько душа попросит, верный промысел...

От того, что он где-то там будет доживать свою жизнь, а ей даже взглянуть на это не получится, к горлу как всегда подступил ком, но его Сальвадор привычно проигнорировала.

Одно в этом выборе было ужасно— как можно было оставлять пустыню без Судьи? Нет никого, кто за сотню лет оказался готов принимать её долг и заботу. Сколь много проклятий она получит, отдав кинжалы Эльясу? Сколь много боли останется дочерям пустыни, если не будет у них заступницы?

Она все еще надеялась, что что-то придумает, как-то решит эту проблему, но на ум ничего не шло.

Только надеяться, что в её опустевший Чертог придет дру-

гая хозяйка, и она возьмет и кинжалы, и имя, и возьмется за этот промысел. Дорожка все-таки уже проторенная...

К завтраку Мансула она явилась вовремя и привычно сняла покрывало. Перед хозяином— разрешалось. Если хозяин завтракал один.

Из всех утренних обязанностей у Мун имелись две: накрывать на завтрак хозяину и играть на флейте или эффинской арфе. Услаждать слух— и глаза, ведь под покрывалом пряталась бесстыжая кофточка-чоли, открывавшая и живот, и плечи, и все остальное. С черными шароварами вполне смотрелась...

И никто и не думал освобождать Мун от её обязанностей только потому, что совсем недавно её хозяин расписал ей спину плетью. Отнюдь. Это была тоже часть наказания, положенного ослушнице-рабыне.

Сегодня у Мансула было какое-то непривычное настроение. С одной стороны, раздраженное, с другой— и доброжелательное в том числе.

– Садись, позавтракай со мной, Мун, – приказал он, как только девушка сложила покрывало.

Это было не то что нельзя, можно, вот только горделивый и самовлюбленный Мансул никогда не ронял свое достоинство до того, чтобы разделять пищу со своими рабами. Особенно— перед теми, кто совсем недавно провинился. Но в шатре сейчас никого не было, ронять лицо было вроде как и не перед кем.

Ей было все равно. Обязанности рабыни стали хоть и раздражающей, но привычкой, требованием от её обстоятельств. Думалось только о том, что все-таки еще три дня назад Пауля бы по дороге к Мансулу она бы точно встретила...

Пальцы Мансула сжались на её подбородке. Пришлось заставить себя посмотреть ему в глаза.

– Ты плохо ешь, Мун, – Мансул на самом деле пытался выглядеть добрым. Правда, в его случае это получалось так же как у крокодила, но что уж тут... – Тебе не здоровится? Следует ли вызвать к тебе знахарку или это проблемы по вашей шайтановой женской доле?

Такая обходительность была в новинку.

– Нет, господин, я в порядке, – устало шевельнулись её губы. Она даже не задумалась на тему, что же ей солгать. Ничего не хотелось. И кусок в горло не лез по вполне определенным причинам, совсем не известным Мансулу.

Она ничего от него не ожидала. Но то, что Мансул, измерив её долгим взглядом, прикажет повернуться к нему спиной— не ожидала больше всего.

Что ж... Хозяйская воля...

– Что же мне с тобой делать, шайтанова девка, – узловатый палец Мансула скользил вдоль красных полос, оставленных плетью— скользил с нажатием, чтобы совершенно точно причинить боль, – тебя нельзя дарить халифу, он меня лично скормит мантикорам, если ты провернешь фортель, подобный последнему... Себе тебя оставить? Так ведь ты

вечно как будто не здесь витаешь. Я ведь говорил тебе, чтоб ты сама меня попросила, если захочешь остаться. Говорил?

В эту секунду Мансул прихватил её за волосы, и оттянул их назад.

– Я тебе говорил, отвечай?– тихо прошипел он в самое ухо девушки.

– Говорили, господин, – его, кажется, выводило из себя её безразличие. Он тут из кожи вон лез, чтобы если не добиться её трепета, так хоть причинить боль, а у неё даже лицо не вздрагивало...

Нет, Сальвадор уже и не рассчитывала, что своей неосторожной волей Мансул внезапно поможет ей освободиться от пари, но все-таки, иногда в кончиках пальцев покалывала надежда— а вдруг все-таки сорвется?

– И ты молчишь, дрянная девка, – с подлинной яростью прорычал Мансул и толкнул её в спину, заставляя растянуться навзничь. Это было почти не больно, но очень унижительно. Не столько для Мун, сколько для Судьи в её теле.

Попробовал бы он такое повернуть, если бы её не сдерживало пари— уже попрощался бы с рукой.

– Пошла с глаз моих, – бросил Мансул все в той же тональности, и подобной удачей нельзя было не воспользоваться.

Она подхватила покрывало, на ходу ныряя в него головой. Голос Мансула догнал её уже у самого полога.

– Раз женских слабостей у тебя нет, явишься ко мне вечером лично. Останешься согреть меня ночью. Поняла?

– Да, хозяин, – губы снова произнесли ответ сами, а в груди помертвело еще сильнее.

Мансул решил ничего не ждать. Решил оставить её себе, по своему капризу, а не по её просьбе, нужно предполагать— особенно терпелив и бережен к рабыне-ослушнице напоследок он не будет.

И вот пропасть, он вполне может успеть с этим всем до того часа, как Пауль окажется на капище.

Сюрприз напоследок!

Почему от него так тошнило?

Она шагала к себе, едва находя под ногами землю. Имелась надежда, что Мансул передумает, или Пауль придет на капище пораньше, как раз к закату. Вот только верилось в них плохо. Случится наверняка самый плохой вариант.

А ведь она должна была привыкнуть... Ничего «такого» в приказе Мансула не было. Он волен был распоряжаться телом своей рабыни, как ему угодно. Разве что рабыня была продана отцом или мужем, без разрешения, но к Судье, самой себя загнавшей в тело смертной, и следующей условиям пари, это никак не относилось.

То, что от неё требовали сейчас, было «обычно» для рабыни. И именно в этой жизни оно и было особенно неприятно.

Пользоваться магией нельзя, слишком рано, и как назло именно сдержаться, не защитить себя от липких рук Мансула будет действительно сложно.

Она проигрывает, как только использует магию для исполнения своей воли, а не долга духа. И упускать шанс освободить Пауля от присяги она не может.

Придется потерпеть...

Обычно караванщики шли вперед с самого раннего рассвета и до трех часов дня— когда жар Шии-Ра становился совершенно нестерпимым. Богатые купцы и вельможи вроде Мансула разбивали себе шатры, купленные у волшебников, прятавшие в себе и нормальные постели, и прочую мебель, которую точно не утащишь на верблюдах. Мелкие же купцы, из тех, что шли торговать целыми семьями, спали вповалку под открытым небом, укрываясь от солнца под общими навесами.

Наложницы господина Мансула обычно шли пешком. Они могли бы ехать на верблюдах, но во-первых— скорость шага у всего каравана не была широкой, а во вторых— один день на верблюде уже обеспечит вам плоское мягкое место, а несколько недель кряду и вовсе натрут вам на том месте одну сплошную корку мозоли, да и силу в ногах танцовщицам лучше было не терять, но именно сегодня пришлось ехать верхом.

Предчувствуя Ночь Истины, а может, по какой-то другой причине, караван собрался быстрее, чем обычно, да и двигался вперед тоже куда торопливей. К закату Пауль должен быть недалеко от капища Сальвадор, а купцы— то ли умудрились отстать, то ли просто беспокоились, что не успеют к

открытию харибской праздничной ярмарки, в честь дня рождения великого халифа.

Алия и Зулейха щебетали, радуясь такой внезапной радости, и тому, что ноги не устанут, Сальвадор же потерянно глядела на ускользящую все дальше черту горизонта.

Сегодня— она проиграет пари. Сегодня— еще будет много всего неприятного. И Эльяс...

Даже представлять довольную физиономию Ворона было неприятно. Думать про Мансула— и того хуже.

Задумчивость была такого рода, что даже то, что верблюд встал как вкопанный, а где-то впереди начали галдеть караванщики, Сальвадор заметила не сразу, но все-таки это случилось. Остановка? А не рано ли?

В этой части пустыни нет ключей и колодцев, останавливаться нет смысла, еще четыре часа идти, не меньше.

– Что там такое, – она потянулась вперед, окликая Зулейху, ехавшую на верблюде, чуть выбившемся вперед.

– Говорят, какой-то монстр преградил нам путь, – Зули дернула худеньким плечиком, и это было явно все, что она знала.

Сальвадор обернулась, посмотрела на тех, кто, рискуя свернуть шею, встал меж двумя горбами своего верблюда ногами, и...

Потянулась так же, стискивая коленями узкий горб, за который до этого держались руки.

Ловкость позволяла.

Верблюд был смиренный, спокойный, будто и не заметил.

Караван утягивался вперед довольно далеко, но было заметно, как они замерли, сбиваясь в кольцо все плотнее, по мере того, как те, кто шел позади подтягивались к передним.

В паре сотен метров от первого верблюда уже расправлял свои широкие черные крылья сбежавший из Ахиллама верный страж богов— шайтанов пес Фарей... Он еще не атаковал. Но уже проснулся и разминал лапы для охоты.

Как все-таки была тесна эта маленькая пустыня...

32. Глава, в которой герой называет цену

Караванщики сбивались в плотное кольцо и шумели все громче. Защитный барьер, что воздвиг щелчком пальцев Король Воронов, переливался в солнечном свете.

– Четверть часа, господа, – скучающе напомнил Шейл, скрещивая руки на груди, ограничивая время для оплаченной ему защиты. За это время караванщики должны были определиться с тем, что им делать дальше.

– Ты ведь можешь пришибить Фарея одним щелчком крыла, – задумчиво произнес Пауль вполголоса., – помочь людям и все такое...

Он стоял неподалеку от Шейла, плечом к плечу с только ему видимым Эльясом. Но никто бы и не обратил внимания на эту болтовню с пустым местом, у караванщиков сейчас было много других, более актуальных забот.

– Я-то могу, – скучающе зевнул Эльяс, – но с чего мне вообще помогать этим людишкам? За так? Без жертв? Это недопустимая щедрость. Я – Король Голода, не забывай. Без своей выгоды я и пером не пожертвую.

– Даже ради того, чтобы помочь другу? – насмешливо уточнил Пауль. Ответ он примерно представлял, ровно как и собственную значимость для бессмертного Эльяса эль Мора. Друг? Так, забавный человечек, за которым, кажется, весело

наблюдать. Иначе зачем бы этому богу вообще выручать Пауля, а он, похоже, не один раз это делал...

– Даже если допустить, что ты попросил меня достаточное количество раз и достаточно раболепно, – Эльяс красноречиво усмехнулся, показывая, что это и то будет большая уступка "для друга", – видишь ли, я очень ограничен силой своего сосуда. Шейл али Аман против Фарея не выстоит. Тепло просто в прах рассыплется от соприкосновения со слишком большой силой. А без сосуда я против Фарея пойти не могу. Эта псина— любимец старого Саллада. Старого— потому что этот бог древнее меня лет этак на тысячу. Хочешь, расскажу, что со мной будет, если я обижу этого песика? Ты очень любишь истории, в которых заживо раздирают на части? На тысячу мелких кусочков! И к тому же...

О, эти дивные божественные отношения. Чем больше Пауль пытался в этом разобраться, тем больше не понимал.

– А мне, значит, можно обижать песика? Меня Салладу можно драть на части?– Пауль уточнял чисто для проформы. Отступить он не собирался.

– Ты – смертный, – Эльяс невозмутимо пожал плечами, – с тебя другой спрос. По закону Шии-Ра, если ты победишь Фарея— Саллад тебя даже наградить будет обязан. За доблесть и все такое прочее.

– Да больно мне нужна его награда, – хмуро фыркнул Пауль. Тем более, что это ведь он спустил псину с привязи...

– Тише, упустишь момент, – Эльяс вскинул к небесам уз-

кую ладонь. Даже пальцы у него были расписаны черными знаками.

Пауль прислушался. На его вкус— ничего не поменялось. Так же как и четверть часа назад караванщики и близко не были к тому, чтобы договориться.

У караванщиков было два варианта дальнейших действий— сходить с пути и пользуясь магическим щитом закладывать крюк. Так было надежней. Но задержало бы караван на две недели, и ко дню рождения халифа не успели бы ни Мансул, и никто больше.

А еще был вариант— что охотники на духов дружной толпой пойдут и заберут псину. Это же их долг, не так ли?

Охотники на духов трезво смотрели на свои вполне человеческие возможности.

Дикие, полукровные, дети шайтанов и шакалов, вайги? Их рогатых голов мы за ночь принесем до десятка.

Безликие зыбкие хорлы, высасывающие путников одним только ледяным поцелуем? И их липкой сущности алхимикам Хариба везут полные кувшины.

Но идти против любимого пса пустынного бога охоты...

– Да вы, верно, спятили, лучезарнейшие господа!

Вот именно эту фразу и рывкнул в эту самую секунду Хайлар, старшина охотничьего отряда. Ничего другого Пауль от него и не ожидал— Хайлар всегда на охоте следил, чтобы все вернулись в лагерь целыми. Не пускал в охоту ни уставших, ни— не дай бог – раненых, чтобы запахом крови не прима-

нили голодных вайг.

– Это трусость, недостойная воинов, – в голос заголосили караванщики, те, что во главе с Мансулом проталкивали вариант силового решения проблемы.

– Это разум опытного охотника, – Хайлар был незыблем, как скала, – я самолично вырублю того болвана, что решит так бездарно лишиться головы. Без божественного благословения ни один из нас к этой твари и близко не подойдет.

Вот именно в эту секунду все и заткнулись.

Эльяс был прав, это был тот самый, переломный момент. Самую важную фразу Хайлар озвучил.

Взгляды караванщиков начали обращаться к Паулю, стоявшему со скрещенными на груди руками. Их интерес объяснялся просто. В конце концов— со знаком благословения Короля-Ворона на плече по каравану расхаживал всего один человек.

– Господин Пауль, – неловко кашлянул Рашиф, старший купец каравана, – тогда возможно ли попросить о помощи вас? Ведь вы имеете в запасе благословение...

И даже два, но про лотос Нии-Фэй в караване просто не знали. Жемчужину Поссея Пауль не считал. По своим причинам.

– Мое благословение дано мне Королем-Вороном на бой с Судьей Пустыни, – хладнокровно откликнулся Пауль.

– Но ведь силу его можно использовать в любом бою, – тут же услужливо вякнул Рахим. Он, наверное, думал, что

изобличил Пауля— по крайней мере вид у него был такой. Пауль же снова криво усмехнулся и качнул головой.

– Я скажу иначе, господа, – Пауль сжал пальцами медальон присяги на шее, – благословение Эльяса эль Мора дает мне шанс исполнить мою присягу и выполнить приказ халифа. Кто осмелится выйти против Сальвадор без благословения? И что вы хотите мне предложить за то, что я поставлю свою жизнь под удар?

– Верно ли я понимаю, что вопрос только в цене, господин охотник?— Мансул заговорил тихо, но этого оказалось довольно, чтобы окружавшие его купцы примолкли. – Что вы хотите? Я лично оплачу вам вашу доблесть фумерскими рубинами. По одному за каждый день сэкономленного пути.

На лицах собратов по отряду охотников начала проступать отчетливая зависть. Четырнадцать рубинов из Фумера— это несусветное состояние: свой дом на землях плодородного Дульха, гарем из двух жен, большой скотный двор и маленькая маслобойня, чтобы было, где зарабатывать наследство детям.

У них не было благословений— Пауль уже сталкивался с Фареем, и знал, что с этой тварью толком и не справишься. Ему повезло— рядом оказался магик, а псина слишком обрадовалась неожиданной свободе. Вот сейчас— его нужно именно одолеть, прикончить, подрезать крылья, отрубить все три головы. И без благословений в этом деле было нечего искать. Но многие бы с удовольствием заняли место Пауля.

А он невозмутимо покачал головой.

– К чему мне рубины, если уже завтрашним утром я проиграю бой Судье? Их снимут с моего тела мародеры, или сама Сальвадор сделает из них себе серьги. Эта цена меня не устраивает.

– Не верите в себя?– насмешливо бурчит кто-то из купцов.

– Я верю истине, – Пауль развел руками, – Судья Пустыни опаснее Фарей и с ней даже одно благословение не гарантирует мне абсолютной победы. Не одержу над Судьей победы— умру от её руки. Не выйти против неё я не могу— присяга нерушима. Так что насчет цены за мою жизнь— подумайте еще. Вы же хотите попасть в Хариб вовремя?

Мансул хотел. Пауль видел это по глазам.

Он в принципе знал, слышал от распорядителя Арены, что халиф не любит, когда его днем рожденья пренебрегают. И опоздавшим к официальному приему было гарантировано недовольство пресветлого правителя. Лишиться должности, состояния, дома, а то и вовсе оказаться рабом на галерах— все это можно было получить в качестве «награды» за нерасторопность. Не за тем Мансул вез халифу наложниц, чтобы дарить их «вдогонку». Пожалуй, из всего каравана именно Мансулу нужней всего было, чтобы Фарей убрался с дороги. Купцы просто упускали самые выгодные дни в году, когда можно было продать действительно много товаров— к празднику халифа съезжалось много иноземцев, и они не

упускали возможность прикупить бесценного золотого шелка или Махасарских самоцветов, или фицианов— опять-таки. Много всего мог предложить харибский рынок...

Но Мансул терял больше, чем только деньги...

– Ну что ж, назови свою цену, охотник, – раздраженно прицокнул языком Мансул, после недолгого размышления, – я не хочу терять время.

– Любую мою цену?– уточнил Пауль. – Вы поклянетесь именем Сальвадор, господин али Хмар, что исполните одно мое желание, касающееся вашего имущества, за то, что я пожертвую своим благословением ради того, чтобы убрать с дороги эту псину?

Фаррей за защитным барьером будто услышал небрежную «псину» и гавкнул так, что в пустом небе раздался сухой гром. Да, небрежность не была уместна. Интересно, сколько еще умений у шайтановой псины.

– Касающееся моего имущества?– задумчиво уточнил али Хмар. – Того, что я взял с собой в дорогу? Халифские подати не считаются моими, господин охотник.

Крохобор— он и всех остальных меряет только деньгами.

– Деньги меня не интересуют, господин, – Пауль едва качнул головой, отменяя этот вариант от себя подальше, – так что...

– Хорошо, – Мансул кивнул, в уме явно имея мысль, что вряд ли такому блаженному как Пауль, отказавшемуся от рубинов Фумера, нужно что-то действительно ценное. Но это

было не все. Это было просто согласие.

– Клянетесь именем Сальвадор? – Пауль протянул вперед свою ладонь.

– Почему именно её? – Мансул недовольно скривился, явно ничего хорошего о Судье Пустыни не думая.

– Ну, это её земли, господин али Хмар, – Пауль рассмеялся, – и я нахожу забавным, если именно она защитит мои интересы.

Дело было не в этом, разумеется.

Она редко слышала обращения мужчин. Вообще не слышала, если быть честными. И требовать клятву от её имени было необдуманно, но все-таки... В землях духа мудрее всего было попробовать использовать её имя, тогда возмездие клятвопреступника настигло бы быстрее всего.

Но вот сейчас — он очень хотел, чтобы она услышала.

Ведь слышала же она, как он её именем пренебрегал, еще тогда в Турфане...

– Господа, оплаченное вами время истекает, – кашлянул Шейл, и Пауль мысленно поблагодарил Эльяса за то, что он поторопил Мансула, который не очень-то рвался привлечь внимание Сальвадор.

– Я клянусь именем Сальвадор исполнить одну вашу просьбу, касающуюся моего имущества, если вы, господин Пауль уберете эту тварь с дороги каравана, – торопливо выдохнул Мансул и сжал пальцами ладонь эффинца. Неприятное прикосновение, а потом...

Обжигаяще-горячим брюхом скользнул по запястьям Мансула и Пауля огненный змей. Аспид. Она— услышала...

Пауль задумчиво кивнул, а затем повел плечами, глядя на Фарея. Он и не сомневался что с этой тварью разбираться придется именно ему.

– Пусть караван не ждет меня, – спокойно произнес Пауль, чуть щурясь на солнце, – я не буду вас догонять, я сразу пойду на капище.

– Тогда цену назовете в Харибе?– тут же предложил Мансул, явно надеясь, что расплачиваться вообще не придётся.

– Нет,– Пауль качнул головой, – цену я назову сейчас. Как только вы пройдете целый фарс от места, где мы сейчас стоим— вы, господин али Хмар, распустите ошейник своей рабыни Мун.

– То есть? – Мансул непонимающе моргнул. – Отдать вам рабыню?

Неделю назад Пауль бы решил, что это выход. Но сейчас... Судье не нужен другой хозяин. Ей вообще не нужны хозяева, только провидение почему-то над ней смеется.

– Нет, – эффинец отвечал все так же бесстрастно, – вы отпустите её на свободу. Более от вас мне ничего не нужно.

33. Глава, в которой "вместо тысячи слов..."

Сальвадор стояла у магического барьера, точно зная, что за это полагается Мун.

Влетит. Как пить дать, влетит— она не должна была уходить от людей Мансула, Каул чуть руку ей не вырвал, донося, что Мун просто обязана была оставаться с Зулейхой и Алией.

Он получил в нос.

Самым обычным, немагическим, крепким маленьким кулачком, с размаху... Эльясу было бы не к чему придраться.

К шайтану их всех. Каула, Зулейху, Алию, Мансула... О, и Эльяса, его, разумеется, нельзя забыть, но с ним один шайтан не справится. Ему можно выписать всю свору Шейахи-жницы, младшей сестры Мафрея, что собирала души для своего брата.

Сейчас до всех них просто не было дело. Да обрушья сейчас небо на землю, всеми своими осколками, Сальвадор и не заметила бы, потому что сердце в груди скакало, как голодный кролик. Она просто обязана была дожидаться его. Он задолжал ей столько объяснений...

И она их ждала. Объяснений, героя, а можно— и только героя, лишь бы поскорее, а то— каждый лишний вдох пытался застрять в груди.

В любой тишине своего несносного героя Сальвадор уже могла узнать по шагам. По глубокому неспешному дыханию. Даже по тому, как именно барабанило в груди его сердце. У него был совершенно особенный ритм.

В этот раз о его приближении она узнала по другому—когда вслед Паулю, наконец закончившему свои переговоры и зашагавшего к магическому барьеру, скрывающему от глаз Фарея весь караван, все, кто имел хоть какой-то воинский опыт, начали вразнобой шуметь. Восхищенно, одобрительно, с пожеланиями только успеха.

Герою, что рискует ради тебя своей жизнью, не желай ничего, кроме хорошего. Так всегда провожали того, кто мог и не вернуться с поля боя.

В этот раз разворачиваться к нему лицом было тоже страшно, как тогда у врат в Ахиллам. Внутри дрожало все, что там было. И все-таки, Сальвадор развернулась.

Пауль остановился в паре шагов от неё, и в этот раз стоял и смотрел прямо. Как обреченный в лицо собственной гибели. Он не мог её не узнать, хотя она и была по-прежнему все в том же наряде, который скрывал абсолютно всё её тело, оставляя только узкую полоску для глаз. Видимо, он мог узнать её по глазам.

За спиной Пауля Сальвадор успела заметить багрового, захлебывающегося яростью Мансула, который пытался торговаться до последнего, и сейчас остервенело стискивающему в пальцах маленькую серебряную шкатулку.

Пауль вернул ему награду «за возвращение беглой рабыни»? Ох... Ну, да, теперь-то ему терять нечего, но какой это жест... Не для Мансула, но для неё... Он не стал цепляться за эту награду. Хотя, она ведь была ему нужна... Божественный артефакт, дарующий мощь древнего Поссея на краткий бой. Он ведь давал Паулю все шансы против Судьи...

Лицо Мансула стерлось, смазалось, сил тратить на него время и внимание у Сальвадор больше не было. У неё и оставалась-то минуточка на разговор с этим неумемным...

И, наверное, она должна была вспомнить про приличия, про шумящих вокруг людей, что уже торопливо поднимали верблюдов, готовясь к тому, что вот-вот придется бежать бегом, и гнать верблюдов самым лютым бегом, куда самоубийца-эффинец отвлекает внимание салладовой бестии.

Да к шайтану пошли те приличия. Один только шаг— его она себе сейчас позволила без оглядки на нарушение традиций.

У Пауля были такие спокойные, сухие пальцы, и ладони— жесткие, от слишком тесной дружбы с оружием.

– Ты... – он что-то попытался выдохнуть, но голос будто отказал ему, и эффинец раздраженно скривился, – так долго думал, что тебе сказать. Ничего не придумал.

Ох, как она его понимала сейчас...

– Если попрошу тебя не рисковать, ты ведь не послушаешься?— тихо шепнула Сальвадор, и Пауль, виновато, но абсолютно по-своему, с легкой удалой шельминкой в ярких си-

них глазищах, развел руками.

– Я должен рискнуть, – спокойно откликнулся он, преодолевая свою растерянность, – я твой герой, так ведь? Мне нужно соответствовать.

– Мой герой, – она повторила это уже не с той насмешкой, с которой именовала его именно этим словом, – но почему ты попросил... То, что попросил?

– Ты слышала?

Его слова лукавили. Он же не мог клясться её именем и не понимать, что условия клятвы она не услышит. И все же – говорил не как с Судьей, это было верно. Даже имени не называл, будто не желая обращаться к ней по тому имени, что не было настоящим.

– Я слышала чуть-чуть, – уклончиво улыбнулась Сальвадор, хоть и слышала все.

Он попросил свободу. Для неё. То, чего она не ждала ни в коем случае, уж слишком удобны в некоторых случаях товарно-денежные вопросы передачи рабов...

Зачем мужчине рядом свободная женщина, если можно держать ту, что просто обязана подчиняться?

– Придешь на капище к закату?– Пауль шепнул хрипло, и явно уже ощущая, что все, их время совсем вышло. – Он распустит ошейник, ты не иди за караваном. Иди туда.

С ума сойти, он назначает ей встречу – и на её же капище. Было в этом что-то безумно забавное.

– А что будет там? – спросила только для того, чтобы за-

держат его хоть еще на чуточку.

– А там... Мы поговорим?– будто сомневаясь, что она захочет, неловко откликнулся Пауль.

Они поговорят? О чем же? О том, где жить и сколько заводить детей? Это так мило, так желанно, но почти невозможно, так о чем же еще? О том, как быстро им прикончить друг дружку, чтобы в легенде это сложилось совсем красиво?

Пауль осторожно сжал её ладонь, что-то в неё вкладывая. Нежное, гладкое...

Бутон. Это был тот самый бутон лотоса, что Пауль упер под носом у Нии-Фэй. Синий лотос, знак любви, тот, что становился символом сердца того, кто брал его в руки – лег на ладонь Сальвадор и раскрылся тут же, стоило эффинцу убрать ладонь. И этот жест был слишком красноречив, настолько, что слова, которые и так-то не находились— вдруг совсем закончились.

Признания в любви бывали многословнее. Но красивей— вряд ли...

Он любит её? Зная её истинную сущность? Помня, кто именно обрек его на рабство и Арену?

От этого уже даже не тряслись руки... От этого ходила ходуном вся душа.

– Пауль... – Сальвадор запнулась, пытаясь нашарить «под ногами» хоть что-то. Ничего. Она даже не находила, как ей ответить ему, чтобы это было хотя бы достойно.

– Все не сейчас, – Пауль дернул плечом, намекая, что ему

пора, и все-таки заставил её отпустить его руку. Шагнул к барьеру, толкнулся в него ладонью, прошел сквозь— его пропустила магия.

Обернулся и уже сквозь голубоватую перелену глянул прямо в глаза Сальвадор. А ведь на Мун он смотрел иначе...

– Ужасно жаль, что я могу дать тебе так мало, сердце мое. Я дал бы и больше. Если бы мог— отдал бы все.

Он бредил. Бредил и сам верил в истинность своих слов.

Он давал мало?

Он?

Тот, кто готов был отдать все, и даже жизнь принести в жертву ради её свободы?

Он ведь был смертен. Все еще...

Для неё— не было таких границ, лишь те, которых хочется избежать, следуя собственной гордости, она не потеряла бы ничего такого, аналогичного его жертве.

Пауль шагал к Фарею, и Сальвадор необдуманно шагнула вслед за ним. Не было сил расставаться с ним снова. Но вот её барьер удержал, оказавшись удивительно твердым.

– Са-а-алли, – тягуче шепнул Ворон, возникая за её спиной, и Сальвадор инстинктивно сжала пальцы, пряча лотос от его взгляда.

Впрочем— он ведь о цветке знал. Не мог не знать. Но показывать Эльясу такое – это было все равно, что пригласить этого ублюдка понаблюдать за первой брачной ночью.

– Ты пришла полюбоваться на то, как глупо сейчас твой

драгоценный покончит с собой? – тем временем, будто и не замечая лотоса, склонившись к уху Сальвадор, пришептывал Эльяс. – Ты же не собираешься ему мешать, а, негодница?

Он будто ощущал направление её мыслей. Вообще-то она собиралась... Но не говорить же об этом вслух!

У Эльяса была такая самоуверенная улыбочка... Он будто в уме уже доиграл партию и наслаждался собственной победой.

– Ты ведь не имеешь права отказываться от благословения, – усмехнулась Сальвадор, возвращаясь взглядом к Паулю, касавшемуся плеча с отпечатком крыла Ворона, – слово бога нерушимо.

– Кто же с меня спросит?– фыркнул Эльяс, а Пауль дернулся головой в сторону магического барьера, будто не понимал чего-то.

– Кажется, в нашем договоре было что-то про то, что я имею право вершить суд над бесчестьем в моих землях, – губы улыбались все злее, – по закону богов, я должна предупредить тебя об этом. Ведь твой промысел— божий. Я— правосудие этих песков. И ты ведь знаешь, что сильнее правосудия нет ничего? Таковы слова Ши-Ра, определяющие мою силу.

Ей показалось, или Эльяс скрипнул зубами, будто именно последние её слова как-то его задели.

– С каких пор ты разбираешь дела мужчин?– тем не менее небрежно бросил Ворон, а Пауль тем временем, не мудр-

ствуя особо, рванул клинок из ножен. – Эффинец ведь мужчина, или я чего-то не знаю?

– Не помню, чтоб в моей клятве Ши-Ра было подобное ограничение, – сладко улыбнулась Сальвадор, – я забочусь о тех, кому это необходимо. Если бог нарушает клятву, я могу его покарать. Так что?

Гулко грохнуло— это взвыл свободный и набравший силу Фарей, призывавший мощь пустынной бури. Саллад совершенно не поскупился, наделяя эту тварь магическими способностями.

Ну же, Пауль, давай, один удар клинком, лишенным силы благословения, и она получит право вмешаться. Получит право вогнать кинжал судьбы в сердце Эльяса, а потом— уже без необходимости следовать глупым правилам пари, бросится к этому несносному герою на выручку.

Пауль, сшибленный с ног ударившей рядом с ним молнией, увернулся от полосы пламени, вырвавшейся из пасти Фарея, и вскочил, снова вступая в бой. У него не было силы благословения, но была безбашенная самонадеянность и верное искусство. Он знал Фарея, он помнил, как сражался с ним в прошлый раз, и что тогда сработало. Поэтому и бросился к тяжелым огромным лапам, одновременно сокращая расстояние между собой и шайтановой тварью, лишая Фарея возможности пользоваться огнем или молниями, и подбираясь к уязвимым местам. Подобрался, замахнулся, и...

Эльяс склонил голову набок. Почему-то Сальвадор это

ощутила— видимо потому, что была напряжена как струна, ожидая уже, наконец, повода положить конец этому произволу. А может— этому поспособствовала волна магии, которую из-за вопиющей близости Ворона Сальвадор не могла не ощутить.

Там— за магическим барьером, за плечами Пауля вдруг плеснулась пара черных крыльев, вспыхнул ярким лиловым пламенем клинок, да и в силе он, кажется, прибавил. По крайней мере, от удара клинком Фарей взвыл так, что стало ясно— шкура пробита очень глубоко. Пес отпрянул, пятясь от врага, вдруг ставшему опасным.

За спиной зашумели караванщики, готовясь вот-вот двинуться в свой торопливый бег.

– Ты умеешь держать слово?– не получилось удивиться без сожаления. Нет, конечно, ей никогда так сильно не везло, но она уже поверила, что подловила Эльяса на малом, и сможет получить свое право на расправу с ним.

– Ему ведь это не поможет, – фыркнул Ворон, накручивая на палец собственную длинную прядь, – благословение ему я дал на один бой. Победит псину— и все.

– Ему не понадобится благословение на бой со мной, – она даже фыркнула, удивляясь, что Ворон этого не понимает, – одна его просьба, и я сама сниму с него его присягу. Так что...

– Не снимешь, Салли, – с притворным сожалением вздохнул Эльяс, – посмотри внимательнее, враг у твоего героя от-

нюдь не один.

В какую-то секунду она уже подумала, что Эльяс сам решил напасть на Пауля, и спешно начала прикидывать трактовку кармического закона справедливости. Боги не имели права трогать смертных. Без повода— не могли. Какой повод был у Эльяса? Да никакого не было...

— Глазами смотри, ядовитая моя, — Эльяс говорил так удовлетворенно, что стало ясно— нет, она искала ответ на свои вопросы не там.

— Я не твоя, — уже привычно и почти бесстрастно отрезала Сальвадор, вглядываясь в тот бой, что разворачивался сейчас перед ними.

— Уже почти моя, — хмыкнул Ворон, но продолжать перепалку не хотелось. Хотелось понять, о чем же он ведет речь.

Пауль выигрывал, с силой благословения оттеснял Фарея все дальше от дороги каравана. А если чуть-чуть сойти с этой дюны и заложив крюк вернуться на путь по соседней— так и вовсе времени почти не терялось.

О нет...

Глаза Сальвадор зацепились за дальнюю дюну, где медленно закручивался песчаный вихрь. Она сощурилась, пытается разглядеть получше. Ох, это смертное зрение...

— Позволь я тебе помогу, Салли, — хохотнул Ворон и опустил свою ладонь на её плечо. Это был повод для отрубления конечности, не меньше, но... Она не успела стряхнуть руку Эльяса. Силой его магии она смогла увидеть...

Пшенично-золотые волосы, стянутые на затылке в хвост. Золотая маска ястреба на лице— и поджатые надменные губы, плащ из рыжих перьев, развевающийся на ветру и сам создававший этот самый ветер. Саллад, Песчаный Ястреб, бог охоты, хозяин песчаных бурь. Он стоял на третьей дюне от Пауля, смотрел на того, кто бился с его псом, и тянул из колчана на спине длинную стрелу.

В то, что он явился здесь пострелять птичек, а не покарать того, кто обижает его любимца, верилось с большим трудом...

34. Глава, в которой не осталось ни времени, ни выбора

– Он нарушает закон, – тихо прошептали губы Сальвадор, хотя это была констатация факта. О паршивом нраве именно Саллада знали все, даже смертные, даже те, что ему поклонялись.

Там, где полагалось наградить доблесть, Саллад всегда поступал вот так – как обиженный мальчишка отстаивал свою честь согласно собственному видению.

– И ты, конечно, покараешь его, – издевка в тоне Эльяс становилась все более откровенной, – потом. Когда твой драгоценный уже не будет дышать. И какая же жалость, что твой сосуд оказался так хрупок. Сама-то ты своего эффинца защитить не можешь.

Нет, нет, нет...

Нельзя это допускать. Ни в коем случае нельзя... Нужно что-то придумать. Срочно! И где только мысли, когда они так нужны?

– Как я уже говорил, ты почти моя, Сальвадор, – с фальшивой нежностью хмыкнул Ворон, – защитишь его своими руками— и будешь принадлежать мне. А ты защитишь, куда ты можешь деться? Мы поженимся на закате. Уже не могу дожждаться. Пауля пригласим, он так мне помог, как же без него?

Она стиснула пальцы, отчаянно желая явить из воздуха верный кинжал. Нельзя. Нет у неё на то права. И её правосудие не даст ей сил, потому что судить собственным эгоизмом она не может.

Ворон не обманул Пауля, силой благословения его напитал, все рассчитав заранее. Нет, не могло быть так, что Фарей сам вышел к Белому Шелковому Пути. Не-е-ет. Пригнали! Пригнали, рассчитывая, что сюда же явится Саллад, разыскивающий того, кто отпустил его пса от врат Ахиллама.

Пауль бил пса. Именно бил, иначе это не называлось. То взлетая в воздух и проскальзывая под его брюхом в сложной воздушной фигуре, то опускаясь на песок и обрушивая на лапы, спину, бока Фарея удар за ударом. И шайтанова бес-тия, что питалась смертными на завтрак, обед и ужин— верещала так, будто была слабой голодной дворнягой, на которую набросился мужик с тяжелой дубиной.

Саллад уже натянул тетиву своего тугого, гнutoго из турьего рога лука и замер, явно выжидая. По всей видимости, пока он еще имел сомнения, что наглый смертный одолеет его пса. И лишится силы благословения, наверняка сейчас от стрелы Саллада бы защитившей. Вот тогда-то и можно будет ударить, меткой стрелой— в самое сердце наглеца, посмеявшегося над любимым псом Песчаного Ястреба.

Он ведь мог создать себе новую, еще более чудовищную тварь. А жизнь этого смертного так легко вернуть уже не удастся.

Сальвадор не успела придумать ничего. А по горлу резануло нестерпимой болью петля рабского ошейника.

Мансул... И как она умудрилась забыть про него? А вот он про неё не забыл. И сейчас, еще более яростный, он стискивал пальцы перед собой и волок к себе тело своей рабыни за проклятую магическую удавку, как какую-то собаку тащат за цепь.

– О, вижу, ты сейчас занята?– ядовито хмыкнул Ворон. – Не волнуйся, Салли, я тебе все потом расскажу.

– Ты все никак не насмотришься на своего белого пса, шайтанова потаскушка?– прорычал Мансул, когда она шлепнулась на песок у самых его ног, хватаясь за горло.

– Никогда не насмотрюсь, – бросила она отчаянно. Плевать на все, запретить смотреть, запретить любить не может никакой закон, никакой рабский ошейник. Мансул мог требовать повиновения, но на её сердце он не имел никакого права. И она уже устала прикидываться безразличной.

– Ты еще не свободна, – Мансул стиснул кулак крепче, и удавка ошейника сжалась еще сильнее, – и не будешь.

– Ты дал слово, хозяин, – выдавила она едва слышно, пока темнело в глазах, – дал слово, что дашь мне свободу.

Его глаза. Гневные, одержимые... Она и не думала, что он настолько хотел свою рабыню, чтобы вот сейчас, когда она сама проявила благосклонность к другому мужчине— так потерять контроль. Ведь никогда же раньше. Ни единого убитого раба. Мансул не любил терять свои деньги.

Видимо – никаким путем.

– Мы не ушли на фарс от этого места, – совершенно безумно улыбнулся Мансул, глядя на то, как она задыхается, с каким-то удивительным удовольствием, – и пока я твой хозяин — вот моя воля. Этому белому ублюдку ты принадлежать не будешь.

Темнота накрывала все ближе.

Неужели он все-таки осмелился, и вот сейчас готов убить её по-настоящему? Уже забыл, что до капища Сальвадор тут настолько близко, что и пары минут со смерти Мун не пройдет, как Судья уже будет тут?

Это было...

Это было неожиданно хорошо. Если проклятие возьмет свое, и смертное тело погибнет — она будет свободна от пари. Её проклятие уйдет Эльясу, и она ничего ему за это будет не должна. И с чистой совестью сможет расквитаться с Вороном по личным счетам.

Ну, давай же, Мансул, еще чуточку...

Он был готов. Его глаза сейчас были именно глазами решившегося убийцы.

Вот только... Вновь запылала огнем охранная нить на запястье. В длинном списке Смерти появилась душа Пауля Ландерса. Пока еще — в самом конце. Там, откуда можно было стереть. Если поторопиться...

– Ты сдохнешь медленно, Мун, – тем временем с холодной жесткостью выдохнул Мансул, – раз мне по твоей вине

встречать Судью, ты сдохнешь так медленно, что даже успеешь застать закат. Я так хочу.

Он понимал, что привлечет внимание Сальвадор. И был намерен "растянуть удовольствие", проявляя совершенно неожиданную жестокость.

Нить чар на запястье натянулась сильнее, буквально зазвенела от напряжения. Времени совсем не осталось. А победа ведь была так близко...

– Сейчас, Судья, – мурлыкнул Эльяс вторя той нити и даже не обернувшись. Он тоже умел пользоваться гласом истины – этим глухим ментальным шепотом, тем самым, которым можно было говорить только правду, – не спасешь его сейчас, не спасешь уже никогда.

Сейчас – так сейчас... Решение проиграть ради сохранения жизни этого смертного было принято раньше и было окончательно.

Мун закрыла глаза.

Она успела услышать удивленный вопль Мансула, перед тем как перестать существовать как Мун и появиться в другом месте.

Вовремя! Ворон был редкостной сволочью, но он все-таки не обманул с моментом. Она появилась именно в ту самую секунду, когда стрела Саллада, нацеленная в спину Пауля, сорвалась с тетивы. Именно тогда кинжал Тейлат рассек эту самую стрелу пополам, пустив щепки в разные стороны.

– Сальвадор?– недоверчиво переспросил Саллад, когда

увидел, кто именно стоит перед ним, скрестив руки на груди.

Что ж... У неё было что ему ответить...

Но, она не успела.

– Сальвадор, – запел воздух голосом Эльяса эль Мора. Протяжно, напевно, ядовито.

Она проиграла— он это знал. Он требовал, чтобы она признала свое поражение. Пока он не явился сам, зачем, если можно вот так— звать её чарами.

Обойдется. Немедленно к нему Сальвадор не собиралась бежать. Он сказал ведь— свадьба будет на закате. Зачем ему менять планы? Наверное, он будет в бешенстве потом, когда поймет, насколько сильно она его "обокрала", но и на это ей было плевать.

К шайтану... Сколько ей удастся выкрасть времени у Эльяса— все нужно использовать сполна. Все будет принадлежать Паулю и никому больше.

Лотос, что она обронила там, за далекой сейчас магической стеной, той, за которой брели каравашики, сейчас снова вернулся к ней и лежал в левой руке. Судья вплела его в кончик косы, только коснулась— и цветок будто сам впилился тонкими стебельками в её волосы. Коса легла на правое плечо, а лотос так кстати оказался напротив сердца. Там ему самое место. Такой она и будет в свои последние часы как Судья.

Любимой. И влюбленной!

Она всегда отрицала, что её сердце вообще способно хоть

для чего-то, кроме как для суда. Но сейчас— намеревалась гордиться тем, что все-таки сама в себе ошиблась.

Одно лишь жаль— для любви у неё было так мало времени...

Рукой Сальвадор махнула наотмашь, и вскрикнул Саллад— Трего, управляемый только силой мысли Судьи, подсек ему мышцы голени.

– Хромать будешь пять сотен лет, – бросила она через плечо, приплетая к этому пожеланию магию, делая его приговором, – за то лишь, что не соблюдаешь законы богов и не чтить воинскую доблесть. Умри этот смертный, и я бы лично сожгла твой храм, а самого тебя предала бы забвению.

– Ты пожалеешь!– яростно сплюнул Саллад. – Я в своем праве.

– Права богов ограничены законом Шии-Ра, – кинжалы легли в ладони, радуясь наконец полноценному воссоединению, – и покуда я— Судья, любое бесчинство в моих песках будет караться.

Неважно, что Судьей ей осталось быть пару часов от силы...

Тратить время на Саллада не хотелось больше ни минуточки. Сальвадор бросилась к Паулю почти бегом, на соседнюю дюну, на полпути остановилась, обругала себя за смертные привычки и просто топнула ногой.

Исчезла здесь, появилась в нужном месте.

Фарей лежал на песке, бездыханный. Через пару часов

Саллад коснется его, и пес оживет снова. Никогда эта тварь не подыхала, слишком уж любил её Песчаный Ястреб. А сейчас Пауль сидел на огромной лапе, побитый, пораненный, обожженный, но живой. Живой! Он, кажется, сам не очень верил, что смог, и временами поглядывал на все три головы Фарея, будто ожидая, что они снова оскалятся и залают.

– Ты?– при виде Сальвадор, возникшей всего в трех шагах от него, Пауль вскочил на ноги, и попытался стереть со щеки потек крови. Размазал только сильнее.

– Я, – она уронила ладони на его плечи, вцепилась в них с настоящим отчаяньем, – скажи мне, Пауль, ты хочешь уйти со мной?

Чтобы утянуть смертного в измерение духов нужно было соблюдать такие формальности.

– Куда угодно, – удачная формулировка пришлась ей только на руку, – с тобой— куда угодно, лилия моя.

– Спасибо, – шепнула она, отчаянно устав ничего не говорить, – закрой глаза, любимый.

Непривычное слово странно пришлось ей на вкус, но у Пауля настолько ярко вспыхнули глаза от услышанного, что жалеть не пришлось.

Он послушно зажмурился. Закрывает глаза и Сальвадор.

В мире смертных ей сейчас делать было нечего. А вот в её Чертоге...

Там были укромные места. Достаточно укромные, чтобы в них совершенно забыться.

Может быть, на закате она и выйдет замуж за Эльяса.

Может быть, на закате она перестанет быть Судьей.

Но кто сказал, что перед этим она не может нарушить все возможные правила?

Кто, если не она, в конце концов?

35. Глава, в которой Судья говорить не хочет

– И что дальше?– тихонько шепнул Пауль, пальцами рисуя на коже лежащей рядом девушки завиток.

– Дальше?– Сальвадор мурлыкнула как кошка и потянулась, сладко выгибаясь. – Мы искупаемся?

– Снова?– ей богу, за последние два часа он слышал это предложение уже четвертый раз. И каждый раз купание в целебных водах её источника заканчивалось там же, где и начиналось— среди шелковых подушек её ложа.

Она и в первый-то раз— бултыхнула его в этот источник с размаху, а сама— вынырнула с ним рядышком, восхитительно красивая с мокрыми слипшимися волосами и умными непокорными глазищами. И Пауль не смог удержаться, чтобы не потянуть её к себе, целуя со щек мелкие капли, а потом...

А потом тонкие пальцы распустили ремни на его броне, и весь мир замер. И уже сам Пауль коснулся мокрой ткани на её теле, развязывая завязки, разыскивая под ними гладкую кожу и ожидая, что она его остановит. Обязательно. Вот сейчас...

Так и не остановила...

Вода в источнике была напитана магией, утоляла боль, унимала усталость, заставляла силы бурлить в жилах.

И темный, колкий для взгляда Пауля, но едва заметный узор, что покрывал тело Судьи, в водах источника мерк. Но до конца не исчезал, снова проявляясь четче, стоило ей только выйти из воды.

– Мой герой устал? Просит пощады?– девушка бессовестно хихикнула, и Паулю пришлось двинуться к ней ближе, наваливаясь на неё всем телом.

– Устал ли я? Ты, верно, смеешься, сердце мое? Мне и не нужен твой источник, и так довольно сил.

– Ну, я же говорила, что тобой движет похоть, – бесстыже захихикала эта шайтанова девица и попыталась было вывернуться, но вот этого ей никто позволять не собирался. Впрочем, не так уж активно она выворачивалась...

– Знаешь, я сейчас даже спорить не буду, – шепнул Пауль, крепче прижимаясь к ней собственной голой кожей и глядя прямо в глаза, – похоть так похоть. Я безмерно тебя желаю. Будешь меня судить?

– И карать, непременно, – она шептала это, уже задыхаясь, когда Пауль вернулся к пристальному изучению её тела собственным языком. И не было ничего восхитительней тумана желания в глазах любимой женщины. Ему было просто невозможно не откликнуться.

– Мы все делаем неправильно, – заметил Пауль полчаса спустя, пытаясь разглядеть в танце мушек перед глазами хоть какую-то закономерность, – разве не в ваших традициях давать волю страсти после свадьбы?

– В наших традициях не спрашивать у женщины мнения ни по какому вопросу. И особенно не задумываться о её правах. Я уже сотню лет пытаюсь продвинуть иные идеи,— ровно заметила Сальвадор, и Пауль заставил себя приподняться на локте и уставиться ей в лицо. Что-то в её тоне изменилось. Нет, не добавилось холодности, но что-то поменялось совершенно точно. Будто она... Молчала. Как тогда по пути из Ахиллама.

– Чего ты мне не говоришь, Сальвадор?

Ну, точно, её лицо... Стало еще чуточку потерянное. И она шевельнулась, порывисто прижалась к Паулю, тихонько подрагивая.

– Секреты не идут нам на пользу, – ворчливо заметил Пауль, касаясь губам нежного плеча, – ты уже моя, я не отступлюсь от тебя ни на пядь, так в чем же дело, сердце мое?

– Ты голоден?— она даже слишком явно, почти отчаянно уклонялась от беседы. – Ты точно голоден. Идем, мы должны перекусить.

Она вскочила, гибкой змеей увернувшись от руки Пауля, попытавшегося её удержать. Ох, вот тебе и Судья Пустыни, столетний дух, полубогиня великой силы. Мег и в пять лет врала не особенно талантливей.

Ей оказалось достаточно просто встряхнуть рукой, чтобы на ней появились синие шелковые шаровары и расшитая золотым бисером чоли. Волосы, что Сальвадор распустила еще во время первого купания, вновь переплелись в косу.

Пауль оделся «по-простому» – руками. Остановился на тунике и затянул шнурки на штанинах. Броню оставил там, где она валялась— в Чертоге Сальвадор он принципиально не желал даже касаться боевого доспеха. А то местная хозяйка еще поймет превратно, решит, что Пауль все-таки не отступился от идеи боя с ней...

Когда она повела его по чертогу— чуть-чуть обгоняя, Пауль вновь зацепился взглядом за черно-белый браслет на её руке. Нужно спросить. В конце концов, что за ерунда, разве может его женщина быть обручена с другим? Она сильная, дерзкая, она не признает многих законов, но должны же оставаться хотя бы какие-то минимальные основы бытия. Что мужчина и женщина— друг для друга, и кроме них в их отношениях никто не участвует. Нужно как-то разобраться с этим вопросом!

– У тебя всегда так пусто?– А спросилось совсем иное...

В Чертоге Сальвадор на самом деле было тихо и очень уединенно. Сколько Пауль ни вспоминал легенды, в домах у богов вечно происходило какое-то безумство, и стоило, скажем, матушке отойти до кухни, чтобы приготовить обед, как к юному божественному отпрыску сразу набегала туча гостей, что принимала его за какого-нибудь дерзкого мальчишку, и начинала бурогозить...

А тут— так тихо было, и ни единой живой души. Хотя ведь должны быть тут друзья, слуги, мелкие духи, что непременно служили старшим духам-полубогам. Хотя— бы-

ло красиво, на самом деле.

Огромный дворец с темно-синими резными потолками, множеством потайных закоулков, и наверняка— таящий в себе не один секрет, не мог не впечатлять.

– У меня пусто, когда я того хочу, – это Сальвадор произнесла спокойно, – ты хочешь поговорить с Риком? Прости, любимый, я не сообразила сразу.

– Я не об... А с ним можно поговорить?– Пауль аж растерялся. Он не то чтобы забыл про брата, но совершенно не представлял, как поднять эту тему в разговоре с Судьей, особенно если этот разговор происходит в её постели. Ему казалось, что все успеется, будет идти своим чередом. И вот— кажется, все-таки дошло.

Они вышли к балкончику с невысоким эффинским столиком, накрытым к обеду. Фрукты, легкие закуски...

Рик, сидящий на перилах балкона и подбрасывающий в ладони яблоко, в этот натюрморт не вписался. При виде Сальвадор брат Пауля выпрямился во весь свой неслабый рост и церемонно склонил голову.

– Госпожа...

– Я не буду мешать, – тихо произнесла Судья, бросила взгляд на солнце, что практически подкатилось к границе между землей и небом, чему-то невесело улыбнулась и... Исчезла. Буквально исчезла.

– Это ты? И вправду ты?– Пауль вглядывался в лицо брата, выискивая несоответствия, хотя бы что-то, что намекну-

ло бы— это мираж, обманка, но...

— Это я, — Рик неловко улыбнулся, — хотя я сам не до конца в этом уверен.

Неловкая тишина продлилась с пару секунд, а потом Рик шагнул к Паулю навстречу. Братские объятия в воинской среде— вещь исключительная, но сейчас для неё было самое подходящее время.

В конце концов— один из них ушел от самого Владыки Вечных Снов, а второй— с Харибской Арены, что для смертного было не особенно легче.

— Любовь с Судьей? Я не сразу понял, но все быстро встало на место,— фыркнул Рик, тихонько пихая Пауля кулаком под ребра. — И как тебя угораздило так вляпаться, а, братец?

Еще бы он сам понимал... Интересно, что на эту тему думает сама Сальвадор. Её ведь тоже угораздило...

— А сам-то... — Пауль криво усмехнулся, — уж ты-то проклинал её похлеще моего... прок

— И стал её реликтом, — закончил Рик, задумчиво почесал затылок и пожал плечами, — знаешь, за чертой смерти меня перестало волновать собственное самолюбие. После Суда Предков и вовсе стало очевидно— я вас подвел. Тебя, Мег... Я должен был вас хранить, а сам— навлек беду и оскорбил единственную, кто вообще была способна нам помочь. Надо было идти на её капище, снова просить помощи, как только скрутило кровной связью, она бы ответила, а сейчас... Сейчас надеюсь только, что еще пригожусь госпоже. А еще, что

теперь она даст мне ответы, за которыми я к ней пришел. Она обещала...

– Как думаешь, где она может быть?– Пауль тревожно обернулся. Ему не нравилось, что Сальвадор ушла. Они толком и не поговорили, а сейчас она и вовсе куда-то пропала, будто и не собираясь возвращаться.

А задача «разыскать в одном огромном чертоге стройную юркую девицу, пусть и полубогиню», обещала быть простой.

– Я не думаю, я знаю, где госпожа, – Рик усмехнулся, – в конце концов, реликт я, или кто?

– Тогда показывай, – в философские споры Паулю влипать не хотелось.

Сальвадор нашлась парой этажей ниже, в круглой голубой комнате, основную площадь которого занимала круглая глубокая чаша с водой, в которой можно было искупаться четырьмя быками, не меньше. Судья, скрестив ноги и прикрыв глаза, сидела на восьмиугольном камне в самом центре чаши.

Именно здесь Пауль впервые наткнулся на незнакомку, когда она безмолвно преградила ему и Рiku вход в зал. Назвать её человеком— не поворачивался язык, потому что человеком она была ровно наполовину, на вторую будучи скорпионом. Или скорпионихой?

– Это Алима, – шепнул Рик Паулю, – самый первый реликт Сальвадор, её корона. Гордячка страшная, но Тариас не

особенно ей уступает.

– Тариас?– Пауль заметил шевеление в дальнем углу и увидел, как по полу вокруг чаши неторопливо ползет наг. Чешуя хвоста была темная, а кожа человеческой части— была расписана цветными узорами.

– Пропусти их, Алима, – голос Судьи звучал устало и нетерпеливо, – они мне не помешают.

Судья по взгляду скорпионьей девы— она не одобряла подобных попустительств, но посторонилась она так же безмолвно, как и оказалась на пути Пауля и Рика.

Чаша фонтана была хрустально прозрачной и в ней приплясывали темные тени, кружились странные туманные фигуры.

– Вы совсем не побеседовали, – Сальвадор произнесла это с легкой укоризной.

– С тобой мы тоже так и не поговорили, – прямо возразил Пауль, – есть у меня ощущение, что с Риком я наболтаться успею, а вот с тобой...

Судья открыла глаза. Это было так неожиданно, что Пауль сразу понял— он брякнул что-то такое, что попало в самое яблочко.

Время...

Потому она так смотрела на закат?

– Оставьте нас, – Сальвадор болезненно поморщилась, бросая взгляд на нага и скорпидеву.

– Все, – с нажимом уточнила, задевая глазами и Рика.

Зал опустел, снова оставляя их наедине друг с дружкой.

– Мне кажется, или ты от меня сбегашь?– спросил Пауль, скрещивая руки на груди.

– Не кажется, – девушка вздохнула и сменила позу, просто подтянув колени к груди и обняв их. Она смотрелась настолько беззащитной, что Пауль и сам не удержался от вздоха и закатал штаны повыше.

Когда он влез в чашу бассейна и по колено в воде зашагал к камню, у Сальвадор полезли на лоб глаза. При этом— она не пикнула ни слова, проследив путь Пауля ровно до той поры, как он крепко ухватился за камень и, подтянувшись, уселся позади Судьи. Камень был широкий, девушка была хрупкая. Места хватило на двоих, ровно так, чтобы она прижималась к груди Пауля лопатками, и даже опустила ему затылок на плечо.

– Первый раз вижу, чтобы Зеркало Истины проходили подобным образом, – Сальвадор недоверчиво покачала головой, а Пауль крепче стиснул объятия.

– У тебя тут много смертных по Чертогу разгуливает?

– Да нет, – девушка откровенно так задумалась, – за сто лет, пожалуй, ты первый. Просто... Это не простая вода. Она показывает правду. Не прошлое, не будущее, а именно правду, в настоящем. Суть тех, кто смотрит в неё. А ты вошел в неё, и она отражала только тебя.

– Оно покажет мне, о чем ты молчишь?– Пауль шепнул это в самое девичье ушко, но вода в чаше тут же потемнела.

– Нет, не может такого быть, – тихонечко прошептала Сальвадор, впиваясь в пальца Пауля только сильнее, – не может...

Она не выдержала, вскочила на ноги, вытянувшись стрункой, и Пауль поднялся за ней и замер, глядя в воду.

Сальвадор отражалась в воде. Но как она отражалась. Браслет на её руке был будто частью какой-то цепи, а за спиной у девушки черным туманом парили крылья. Чуждые для неё, абсолютно ей не соответствующие, но крылья! Черные... На диво знакомые...

– Что это значит? – тихо произнес Пауль. – Скажи мне ты, потому что придумаю я хуже.

– Хуже этого ничего не придумаешь, – Сальвадор говорила горько и как-то ссутулившись, – ты ведь все понял, Пауль. Меня ты не обманешь. Я принадлежу другому. И это никак не переменить с моей стороны.

В груди мертвело быстро...

– Но как так? – Пауль скрипнул зубами, стискивая свои руки вокруг этой девушки. Хорошо бы, если бы её удалось удержать так просто.

Где-то над их головами грохнул гонг – грохнул и рассыпался звонким эхом.

– Ну, вот сейчас ты и узнаешь, – едва слышно откликнулась Судья. Если и был голос у безысходности, то он звучал именно так, как слова Сальвадор сейчас, – потому что наше с тобой время вышло, любовь моя.

36. Глава, в которой герой обретает силу

Пальцы стиснулись на тонких запястьях раньше, чем Сальвадор успела шевельнуться.

– Ты, верно, спятила, сердце мое, – сипло выдавил Пауль, буквально притискивая к себе Судью. Без трепета, без должного уважения, лишь с жадностью, как и надлежало вцепляться в личное бесценное сокровище. – Я тебя никому не отдам. Кто бы там ни пришел. Я не дам тебя забрать.

– Пауль, ты ведь понимаешь, что если бы вопрос можно было решить силой, я бы справилась и сама? – Сальвадор не сопротивлялась ни единой мышцей, а гонг над их головами ударил снова. Громче. Нетерпеливее.

– Я понимаю, что иногда мужским кулаком по морде бить проще, чем девичьей ладошкой, – фыркнул Пауль, – в твоей силе я не сомневаюсь. Ты — Судья. Но... Что вообще происходит? Кто на тебя претендует? По какому праву? Почему ты не можешь послать его к Шейахе, шайтанов кормить?

– Как много вопросов и как мало времени на объяснения, – Сальвадор зажмурилась и накрыла ладошкой пальцы Пауля.

– Не хочешь говорить?

– Я не могу, – она призналась в этом с сожалением и даже с болью, – я не могу, я ограничена обетом. Но я не могу от-

казаться от данного слова. Боги не нарушают своих обещаний. А я...

– А ты— моя, – Паулю уже хотелось рычать, – не хочешь говорить ты— пусть говорит твое Зеркало. Пусть покажет мне истину, кто смеет лишать тебя права выбора?

Гладь воды зеркальной чаши снова потемнела, будто подергиваясь туманом. На этот раз Пауль ощутил, как заостренела девушка в его руках.

– Как ты это делаешь?— неожиданно произнесла она. – Как у тебя получается?

Только сейчас Пауль понял, что она уже не в первый раз этому удивляется.

– Я не знаю, сердце мое, – шепнул он, вглядываясь в медленно проясняющуюся воду, – просто получается и все...

Она повернулась, выпутываясь из объятий Пауля, пытливо вглядываясь ему в лицо, будто пытаясь разглядеть в нем что-то, чего она не замечала раньше.

Гонг ударил в третий раз, и от этого даже земля вздрогнула. Кто бы ни торопил сейчас Сальвадор— он был недоволен тем, что ему приходится ждать.

Казалось, что-то дрогнуло в глазах Судьи, будто она на что-то решилась, и она сама потянулась к губам Пауля. Это был не самый подходящий момент, но Пауль пока не был пресыщен её поцелуями, и не смог отказаться. А вот к вероломному «Прости» – он не был готов.

Камень под его ногами вдруг стал зыбким, и Пауль про-

валился в него по колено.

– Я не могу позволить тебе рисковать, любовь моя, – виновато шепнула Судья, вдруг резко исчезая из его хватки, – ты смертный, и просто обречен, идя против бога. Не дергайся. Это магия зыбучего песка, он заберет тебя здесь, проснешься ты в Эффинах. Про меня не вспомнишь. Судьба твоя будет счастливой, даю тебе слово.

– Да к шайтану катись ты с такими предложениями, – рывкнул Пауль и ударил ладонью по той части камня, что осталась твердой, – мне не нужна счастливая судьба в Эффинах и без тебя. Убери магию. Я не смогу помочь тебе вот так.

– Мне не нужна помощь, – Сальвадор произнесла это упрямо, будто пытаясь кому-то что-то доказать, – я— Судья.

– Помощь бывает нужна и Судьям, – яростно выдохнул Пауль, впиваясь в эту строптивницу гневным взглядом, – сила не дает гарантии, что судьба будет к тебе справедлива. Отпусти меня, сейчас же. Тебе еще не надоело надо мной смеяться?

– И ты хочешь помогать?– Сальвадор сощурилась, скрепя руки на груди. – Мне, сильным, слабым, всем без разбору, всем, кому нужна справедливость?

– Начну с тебя, на остальных продолжу, – Пауль бросил это с искренней досадой.

– Ну, будь по-твоему, – от этой тихой фразы Сальвадор рассыпалось странное эхо. А потом— полыхнуло. Две яркие белые молнии ударили в камень прямо перед Паулем. Как

ни странно, его даже не ослепило— он ясно увидел два кинжала, ушедших в темный гранит аж по рукояти. Знакомые такие кинжалы. . .

– Достань их, Пауль, – так же негромко и с таким же странным эхом проговорила Сальвадор, – достань их до того, как уйдешь в зыбучий песок совсем. Достань— и будешь свободен. Сможешь помочь. Мне и другим. А нет. . . Так прости.

– Не смей уходить, – прорычал Пауль, но было поздно— эта бесстыжая шельма попросту испарилась. Испарилась тут — и появилась в Зеркале.

Вот она – неожиданная радость— теперь Пауль точно видел, куда сбежала от него Сальвадор. И одно он знал точно— когда он до неё доберется— вполне может допрыгаться до еще одного проклятия. Но эта шайтанова девица заслуживала только трепки и ничего больше. Осталось только придумать, как именно Пауль может покарать полубогиню.

Вода показывала Паулю огромный темный зал, в котором с появлением Сальвадор вспыхнули лиловые огни. Много-много лиловых огней. Столько, что сразу стало видно резной черный алтарь, каковой стоял во всяком храме, имевшем право проводить венчальные церемонии. А еще Паулю наконец показали и высокую мужскую фигуру, что стояла у алтаря, небрежно опираясь на него спиной. Эффинец даже подался вперед, надеясь разглядеть получше, кому же именно нужно дать доходчивые объяснения насчет того, насколько далеко нужно держаться от Судьи.

Белая костяная маска... Черные крылья, вплетенные в магические узоры на плечах...

– Ты заставляешь меня ждать, нареченная моя, – с ехидной укоризной улыбнулся навстречу шагающей к нему навстречу Сальвадор Эльяс эль Мор...

Нареченная, значит? Так вот ты какой— вкус подлинного предательства...

Зыбучий камень медленно и неотвратимо засасывал Пауля в себя все глубже.

В рукояти кинжалов Пауль вцепился, не особенно раздумывая. Вцепился и сразу понял, что его на самом деле ложно обнадежили.

Кинжалы в камне сидели так плотно, что казалось— они и не были никогда отдельно от него. Вросли, вгрызлись в камень, как две голодные хорлы в последнюю кость.

А еще— казалось, что под пальцами Пауля внутри гладких черных рукоятей что-то бьется, будто два маленьких живых сердца...

– Зря ты не привела с собой Пауля, Салли, – хмыкнул Эльяс насмешливо, – я так хотел выразить ему благодарность. Без него я бы это пари не выиграл. И тебя— тоже.

Сальвадор промолчала, скрестив руки на груди. Её глаза были красноречивей всего на её лице— и в них не было ничего живого. Её ненависть к Эльясу была настолько глубокой, что Пауль даже удивился, как он не замечал её раньше. Ну... Теперь-то ему были ясны её причины.

Причины же Ворона...

Паулю не хотелось задумываться, насколько потешно Эльясу было его использовать.

Вся суть игры этого странного бога пока что от Пауля ускользала, но общий смысл он представлял. Ворон сам в них сознался.

А ведь это он недавно клялся «как только, так сразу снять с Пауля присягу».

– Кинжалы, дорогая, – Эльяс протянул вперед ладони, – я говорил тебе, моя жена Судьей быть не может.

– Я и не Судья боле, – Сальвадор говорила бесстрастно, но Пауль ощущал ехидство, спрятанное глубоко под этим хладнокровием, – кинжалы мне больше не принадлежат. И тебе не будут.

Ворон сощурился. На самое краткое мгновение в его лице мелькнуло недовольство, но оно истаяло, выражение лица же у Эльяса стало еще более безмятежным.

– Ну что ж, пусть так и остается. В конце концов, мой приз уже тут... Ты не волнуйся, Салли, скоро ты будешь моей Королевой, это куда почетней.

Пальцы так стиснули рукояти кинжалов, что не будь это оружие магическим— на темном металле точно бы остались отпечатки ладоней беглого гладиатора.

Нет, были симптомы, Аман частенько отзывался о Мун как к о вещи, которую можно было просто присвоить, сделать своим трофеем, но Паулю казалось, что это все всегда

происходит в шутку, чтобы сильнее его поддеть. И вот Эльяс, истинное лицо Шейла али Амана, невозмутимо смотрит в лицо гордой, сильной, отважной Сальвадор, и в глаза именуется её призом. Выигрышем в споре.

Если бы Пауль видел в нем хоть какой-то интерес к Судье, хотя бы какую-то приязнь или страсть, возможно, это хоть как-то смягчило бы вину Короля Воронов. Нет. Этого не было. Ему, кажется, просто было забавно заполучить себе в жены именно ту, что так отчаянно воевала за равенство женщин и мужчин.

Взять и сломить её в качестве одного только своего каприза...

Не должно было быть так!

Ни с ней— и ни с какой другой женщиной.

Рукояти кинжалов будто слегка потеплели

На то, что происходило в Зеркале, Пауль решил не обращать внимания. Его и вправду занимал вопрос того, как не уйти в зыбучий камень слишком уж быстро. Иначе и вправду проснется уже в Эффинах, забыв то самое, что забывать ни в коем случае нельзя.

Он старался. Но игнорировать это абсолютно просто не получалось.

То, как Эльяс по-хозяйски касается светлых плеч Сальвадор, заставляя её подойти ближе к алтарю и опустить на него ладони.

То, как он удовлетворенно улыбается, укладывая на ал-

тарь два серебряных кубка, прямой короткий нож, две свечи, кувшин с водой и пару собственных перьев.

Люди бы пошли в храм, чтобы венчаться там «перед глазами бога», Эльясу это, кажется, было и вовсе не нужно.

— Руку, Салли, — невозмутимо произнес Эльяс, вставая на против девушки.

Осталось совсем немного. Коль скоро помнил Пауль — дальше этим кинжалом “жених” проведет по ладони невесты, капнет кровью в эти самые кубки, перья — вероятно, должны были служить его кровью, по всей видимости, делиться своей силой Эльяс эль Мор с Судьей не желал.

Два глотка из кубков и совместное зажжение свечи. И обручальный браслет распустится, за счет особой магии, превращаясь уже в брачный, свидетельствуя, что для этих двоих пути назад больше нет и судьба для них отныне только одна.

Ши-Ра, эти кинжалы вообще реально сдвинуть с места?

Пауль, ушедший уже по грудь в камень, держался только за счет собственной выносливости, потому что зыбучие чары тянули его так упрямо, что в Эффины вот-вот могли отправиться одни только оторванные ноги Пауля Ландерса. Остальные части тела остались бы тут сражаться за кинжалы...

Это казалось таким нереальным— выдернуть эти кинжалы из камня. Кажется, они только крепче заседали в камне, чем сильнее Пауль пытался их оттуда вытянуть.

Сальвадор же сказала, что достать их можно! Что Пауль—

может их достать.

Значит, он мог это сделать. Мог. Он должен был! Прямо сейчас! Просто ради неё, чтобы не допустить этого.

Когда по напряженным рукам Пауля, уже по грудь ушедшего в зыбучий камень, вдруг побежали тоненькие лапки черной скорпионихи, и заскользило прохладное тело пестрого аспида. Вот только этого еще не хватало.

Из близкого общения с этими ядовитыми тварями Пауль знал только одно— рядом с ними нельзя было дергаться. Как ни крути— а животные эти чувствовали страх...

Животные ли?

Скорпиониха быстро-быстро забралась по убранным в узел волосам на самую макушку Пауля, и замерла там, абсолютно неподвижная.

Аспид в два витка обвился вокруг шеи Пауля, а потом опустил свою головку так, чтобы заглянуть эффинцу в глаза.

Пауль никогда в жизни не видел настолько умных змеиных глаз...

А потом Тариас медленно качнул головой и опустил её Паулю на плечо, будто погружаясь в ленивую дрему.

Камень дернул Пауля за ноги. Уже натурально— дернул, резким рывком, видимо, отчаявшись просто тянуть, и Пауль удивленно понял, что все-таки уходит вглубь, в мягкую бархатистую тьму уже с головой.

Но он же не разжимал рук! Не разжимал! Он держался за кинжалы, он не должен был...

Кинжалы...

Оба кинжала Сальвадор, Трего и Тейлат, Истина и Судья — лежали в ладонях Пауля, тихонько между собой перешептываясь.

Она сказала — вынешь кинжалы — и сможешь помочь. Он вытащил. А значит сейчас — нужно к ней. Немедленно. Пока есть еще время дать Эльясу по морде...

Ему стоило только подумать это, как вокруг него затрещало, будто камень оказался простой скорлупой, и та затрещала, потрескалась и разлетелась во все стороны. А сам Пауль оказался посреди того самого зала, затопленного лиловыми огнями, с темным алтарем, у которого Эльяс сжимал за запястье руку Сальвадор.

– Ну, здравствуй, Судья, – безмятежно улыбнулся Эльяс, склоняя голову на бок, – спасибо, что заглянул. Хочешь принести нам свои поздравления? Подожди немножко, мы примем их в конце церемонии.

Тейлат!

Одна только мысль, и кинжал истины яркой молнией сверкнул в воздухе, рубанул по алтарю наотмашь, рассекая его на мелкие каменные куски. Что было восхитительно в этой сцене? Сальвадор не выглядела удивленной. Она облегченно улыбалась. Будто и не сомневалась, что все будет именно так.

– Красноречиво, Пауль, – улыбка на лице Эльяса стала менее яркой, – вот только я — в своем праве здесь. Она — мой

выигрыш. И лучше тебе сейчас отступить и не вставать на моей дороге.

– Нет таких прав, что могут лишить человека его воли, – Пауль встряхнул запястьем, и кинжал Тейлат вновь скользнул в его ладонь, – и нет такого права, чтоб считать женщину вещью, которую можно взять и выиграть.

– Пойдешь против меня?– Эльяс не сдвинулся с места, но татуировки, что покрывали его плечи, вдруг зашевелились и начали подниматься над его кожей тонкими гибкими щупальцами. – Против бога?

– Справедливость настигает всех, – невозмутимо откликнулся Пауль, и кинжалы в его ладонях потяжелели, удлиняясь и превращаясь в длинные сабли, – боги— не исключение.

37. Глава, в которой находится ответ на старую загадку

Вообще-то Сальвадор терпеть не могла такого бессмысленного и беспощадного явления как мужские драки. Оказывается, дело было только в том, кто и кого бьет...

Зрелище того, как Пауль не мудрствуя лукаво равняет с песком Эльяса эль Мора— Сальвадор, пожалуй, попросила бы повторить на бис, если бы ей кто-нибудь предложил.

Она устроилась на месте расколотого алтаря, уселась, опираясь спиной на невысокий остов, уцелевший от соприкосновения с силой кинжала. Вид открывался отличный. Мимо уже дважды пролетал Эльяс, чьи магические приемчики были отражены ему же обратно. Красиво так пролетал...

Только блюда с изюмом Сальвадор для полноты удовольствия и не хватало.

Теоретически она могла бы предупреждать Пауля о чарах Эльяса, но... Он был одарен взором, что видел сквозь магические иллюзии, он держал в руках орудие Судьи и он, в конце концов, был этим самым Судьей. Сам вызвался! И зачем ему, спрашивается, нужна её помощь?

Когда-то Ворон смеялся над Сальвадор, говоря, что быть полубогиней бессмысленно, когда всегда есть всеильные боги. Вот только у богов решала древность, количество верующих и жертв, принесенных к алтарю, а сила Судьи— бо-

жественная по сути, дарованная высшей и абсолютной в её могуществе Солнцеликой Ши-Ра, но сложенная со смертной вольной душой, никаких границ не имела.

И на пути Судьи, идущего к справедливости, не стоило вставать ни единому богу. В этом и был абсолют её власти, в этом крылась причина нелюбви к Сальвадор многих богов, того, почему в местах, где обитали боги, ей никто не был рад.

Она и не настаивала. Чертога в измерении духов ей вполне хватало.

Эльяс давал отпор.

Еще бы он не давал. Это богом он был юным, и десятка лет не прошло с того момента как в Махасаре появился высокий черный храм, покрытый каменными перьями, будто черепицей. Но до того Король Голода был древнейшим из демонов, имевшим не один культ, его почитающий.

По сути— потому Сальвадор и пришла когда-то к нему. Перед её проклятием пасовали обычные боги. И тогда... Тогда она не настолько ненавидела Эльяса. В одной большой пустыне они умудрялись расходиться.

Паулем можно было залюбоваться.

Такой когда-то была и она, когда только-только взяла в руки кинжалы, когда сила билась в её руках как необъезженный мерин, и это ощущение всемогущества еще пьянило. Подумать только— ведь исполнялась любая мысль.

Только она дралась по-другому. Изящней, что ли... В движениях Пауля было больше жесткости, больше прямооты, ко-

гда Эльяс швырял в него каким-нибудь темным магическим шаром, когда пытался выбить оружие своими магическими плетьюми, что поднимались из его татуировок— Пауль не уворачивался, а просто рубил, рубил, рубил... Благо новая форма кинжалов ему в этом способствовала.

И все же... Вот здесь можно было ускользнуть. Вот здесь уйти влево и полоснуть Эльяса по плечу, подсекая ему целую ветвь теневых щупалец. Вот здесь...

В какой-то момент Сальвадор поняла, что смотрит не на Пауля. Не на его клинки, те самые, что она сама ему передала, как только поняла, что Зеркало Истины уже признало в нем достойного титула Судьи.

Она смотрела на босые ступни Эльяса. Вот это было возмутительней всего— она смотрела на Ворона! Не на того, кто пришел защищать её, а на того, кто уже доконал её до ручки и к кому бы она сходила только на почетные похороны.

Это было странно... И то, что она не могла отвести глаз от происходящего— не объяснялось ничем. Она будто смотрела на пританцовывающие ноги Ворона, и понимала, что эту легкую, совершенно особую боевую поступь уже видела раньше. И вот это— было точно исключено, потому что она могла сказать такое только про тех, с кем сражалась ранее. Она не сражалась ни с кем, кто не попадал под её Суд. Эльяс не попадал. Вроде бы...

О том, куда смотреть во время битвы, сломали много копий не в одном трактате. И много тех философов, что гово-

рят «смотри в глаза», «смотри на противника, но внутрь себя», на деле же...

На деле во время драки важно все. Лицо противника, ноги, руки, глаза, любой уступ, что может оказаться под ногой.

И чем дальше она смотрела вперед, тем крепче становилось ощущение— Эльяса в бою Сальвадор уже видела.

В какой-то момент Пауль поймал огненный шар Короля-Ворона на перекрестие своих клинков, и швырнул его назад, преумножив силу раз в десять.

Пламя окутало Эльяса секунд на пятнадцать, не навредил— так просто магией его было не проковырять, но на несколько секунд полыхнула и одежда Ворона, точнее— штанины на его шароварах.

И на голой (о боже, какое бесстыдство) голени Ворона, до того, как он восстановил форму своей одежды, Сальвадор успела заметить короткий белый шрам.

На том самом месте, куда она так любила пускать кинжалы, подсекая противника, чтобы быстрее его обезвредить...

И вообще откуда шрам на теле бога? Мало того, что их сложно достать, так ведь и рану любую им заживить ничего не стоит. Любую, нанесенную божественным оружием. Или... Почти любую?

А ведь именно кинжалы Судьи оставляли от себя такие следы «на память».

– Стойте!– рявкнула Сальвадор так, что даже у неё самой заложило уши.

Кажется, Пауль услышал её не сразу, и Эльяс тихо охнул, хватаясь за нос. Ну, ничего, вот ему-то корректировка формы не помешает.

– Сердце мое...

– Ш-ш-ш, – Сальвадор вскинула палец. У неё ломило виски. Настолько сильно, что хотелось снять голову с плеч и попросить у Шии-Ра новую.

Ей хотелось поднять глаза. Посмотреть в глаза Эльясу и задать один простой вопрос.

Вот только она уже сомневалась, что он сможет ответить прямо, для чего именно она здесь. Слишком изощрен был тот путь, которым он привел её сюда, в его Чертог, в этот зал. Зал...

Да, пожалуй, дело было именно тут.

Пол в зале был исписан демоническими письменами. Это был круг силы Эльяса. Сердце его Чертога, место, где он был сильнее всего. И он, при всем при этом, развлекался простенькими магическими атаками, как дотошный учитель, заставляя Пауля прочувствовать его силу Судьи?

Он ведь мог бить сильнее! Еще как мог! Да, ему бы это вернулось преумноженное, да— вошедший в медвежий раж Пауль смел бы в этом случае Эльяса как мешок с соломой, но...

Эльяс и вполовину силы не дрался... Почему?

Истина была где-то рядом... Сальвадор ощущала её чутьем опытной ищейки и ничто кроме этой истины сейчас её

не интересовало.

– Лилия моя... – снова кашлянули за спиной.

– Пауль, замолчи, – Эльяс прошипел это сквозь зубы и— судя по запаху магии— в ход пошли чары немоты. Судя по звуку удара за спиной— за это Ворону впечатали кулаком в солнечное сплетение.

Почему-то именно сейчас перед ним стало самую чуточку неловко... Впрочем, это все равно не отвлекло сейчас Сальвадор от её странного состояния, отчасти напоминавшего легкий транс.

Она ступала по мозаичным плиткам. Она ступала, пере-скакивала, со стороны, возможно, даже казалось, что танцевала, отчасти так и было— тело пыталось вспомнить, как именно оно сражалась здесь. Куда шагала. Откуда начала...

Здесь...

Ноги сами остановили её посредине двойного белого кольца.

Все начиналось здесь... Именно здесь она и вошла в этот зал.

Трего.

Сальвадор позвала кинжал спокойно, точно зная, что он к ней придет. И он нырнул в её ладонь послушным любимцем, будто бы даже слегка ласкаясь.

– Уже не твои, говоришь?– тихонько хмыкнул Ворон, а девушка в ответ лишь едко фыркнула. Венчание бы непременно ослабило её связь с кинжалами, но все-таки— Судьей

Сальвадор назначили в обход всех противоречащих этому традиций. И брак не помешал бы ей быть тем, кем она сама решила. Хотя бы потому, что воля Шии-Ра была выше воли Эльяса эль Мора.

Вот только сама за себя Судья вступиться не могла. А вот Пауль— смог. Но сейчас не это имело значение.

– Покажи мне, – кратко велела Сальвадор, и кинжал послушно скользнул вперед по причудливой траектории, и белесым туманом от пола потянулись тени прошлого. Немного, совсем чуть-чуть, дело было давнее, но самое важное Сальвадор увидела.

Белый мешочек на маленькой черной мозаичной плитке. На белой ткани— крохотное красное пятнышко. Такие ладанки носили многие женщины Махасара, чтобы Судья могла слышать их в любом месте пустыни. И кровь на ткани.

Здесь Сальвадор призывали на помощь.

Шии-Ра, ну почему же так отчаянно болит голова? Все было бы так просто, если бы не эта проклятая боль, мешающая... вспомнить?..

К Эльясу Сальвадор развернулась прыжком. Взглянула в бесстыжие лиловые глаза, на выжидающую ухмылочку Эльяса эль Мора, и резким движением кисти дернула к себе и второй нож.

Он даже не пытался давать ей сдачи.

Было что-то в движениях Ворона болезненное, будто он уже знал, чем все это закончится. Да, он точно сражался с

ней однажды. Он просто знал, что она в любом случае победит, если её дело – правое.

Все так и закончилось – так же, как и в первый раз. Когда Эльяс оказался на обеих лопатках, когда Трего любовно прижался к его горлу, когда Сальвадор самолично уперлась коленом в ребра Короля-Ворона.

– Что ты сделаешь, Судья, с тем, что её предназначенный – это я?– выдохнула Сальвадор, впиваясь взглядом в лиловые глаза Эльяса. Это были его слова... Старые, что сумел нашептать Сальвадор кинжал.

– Читаем по ролям?– насмешливым шепотом откликнулся Ворон. – Тогда, позволь, я прочитаю твою партию. Я давала ей благословение. Её предназначенным был не ты.

Этого просто не могло быть...

Пальцы легли на плечо Эльяса, на его испещренную темными знаками белую кожу.

Она не видела.

Она и не должна была видеть.

Если все то, что сейчас она поняла, вспомнила верно— глазами она не увидит ни за что. И никакая магия не способна этого преодолеть, потому что— это была магия самой Судьи...

То, что не видели глаза— ощущали пальцы. И они нашли, то, что искали— еще один длинный белый шрам, оставленный кинжалом Тейлат. Именно сюда в тот забытый Сальвадор день притянул её нож Эльяс, чтобы доказать правдивость

ЭТИХ СЛОВ.

Нож скользнул только по его плечу, но в ту же секунду за спиной Судьи раздался и девичий вскрик. Истинные— делящие напополам и боль, и радость, и сны, и мысли...

— За это Нии-Фэй готова убивать всякого, кто носит знак твоего благословения на плече? Ты осквернил её связи истинных пар, похитив чужую истинную?

— Я её не похищал, — ровно откликнулся Ворон, безмятежно, будто к его горлу и не был прижат нож, — припомни сама, что там было.

Жертва. Жертва, принесенная добровольно. Величайший дар фанатика-культиста своему кумиру. Истинная... Дар такого рода и вправду мог возвысить демона до бога. В конце концов, в пустынных храмах приносили в жертву скот и дичь, урожай и воду.

Только откровенный фанатик решился бы принести в жертву вторую половину своей души...

Которая была совсем не готова к такому предательству от того, к кому шла столько времени.

Да и Судья, которую несчастная призвала на помощь, оказалась не готова к такому положению дел. Сейчас Сальвадор будто заново ощутила то ощущение безысходности, что одолело её тогда.

Сто лет...

Сто лет биться за то, что у женщины должно быть больше прав, чем у курильной лампы, а после— пустынный прино-

сит в жертву демону живую женщину. Как вещь. Дарит из рук в руки, с поклоном и последующим целованием стоп кумира.

И она не смогла бы забрать девушку, не имела права отрывать её от “предназначенного”...

– Я наказала тебя за грех твоей паствы, – проговорила Сальвадор выпрямляясь и глядя на разрушенный Паулем венчальный алтарь, – я не могла казнить тебя, от этого пострадала бы девушка, я не могла нарушить истинной связи, поскольку перед этим я просто бессильна. Но я...

Она замолчала, поскольку вспомнила и это.

Обратить против Эльяса нить связавшей их идеи смертных, существовавшей до той самой поры, куда ходила по пустыне нелепая сказочка о наглom демоне, что сделал предложение самой Сальвадор.

Дать ему согласие— и проклясть саму себя в ту же секунду, на бесконечное перерождение в телах смертных женщин, чтобы ни минуты, ни секунды не провести в своем истинном обличье, и не сдержать этого слова, не выйти за Эльяса замуж, или, искусившись собственной свободой – все-таки рассечь их связь, в любом из случаев позволив ему брак с той самой истинной, которую он так вождделел...

После всего этого ей оставалось только стереть себе память, чтобы ненароком не снять проклятие самой. Не слушать и не слышать, ничего, что могло бы подсказать, оставив лишь одну лазейку – вспомнить самой, и только вот так,

случайно оказавшись в том самом месте, при очень схожих обстоятельствах.

Она просто запретила себе видеть напоминания, в упор не видела ту, что когда-то просила её о помощи, не видела и этого самого шрама, что врезался в память и мог заставить вспомнить. Да что там, она заставила себя не понимать самый очевидный факт – никто в пустыне не мог проклясть сильнее, чем могла проклясть Сальвадор. Никто не снял бы проклятие, наложенное Судьей. Ни один бог. Поэтому они и отступали...

Сальвадор снова опустила глаза.

Ворон все так же невозмутимо лежал на полу, разметав по нему длинные волосы и положив под голову руки. Для побежденного он был как-то уж слишком безмятежен. Он выглядел усталым. Еще бы...

Его грандиозная партия почти подошла к концу.

– Ты ведь не можешь снять с меня проклятие, не так ли, Эль? – сладко улыбнулась Сальвадор. – И наше пари, как бы это сказать... Ломанного метикала не стоит?

– Но ты можешь сказать мне спасибо, потому что теперь ты можешь снять его самостоятельно, – Эльяс самодовольно прищурился, – имя проклявшего — ключ к самому проклятию, в качестве благодарности приму рассечение нашей с тобой связи твоим славным кинжалом судьбы.

– Сначала ты мне скажешь, где сейчас находится Мег, – ровно произнесла Сальвадор и заставила кинжалы раство-

риться.

– А вот с этого момента я попрошу рассказать поподробнее, – кашлянул за её спиной все это время молча наблюдавший всю эту разборку Пауль.

Потрясающее у некоторых героев все-таки терпение. Но на данный момент, кажется, закончилось и оно!

38. Глава про очевидное, невероятное и несбыточное

– Мег...

Ворон произнес это имя негромко, но было вполне очевидно— он позвал. Позвал и закрыл глаза, вроде как самоустраняясь и прикидываясь, что он тут просто лежит, а не валяется, прижатый к полу ногой Сальвадор. Устал, болезненный...

Ну, хоть в кои-то веки обошелся без всякой лишней болтовни.

У зала тут же нашлись двери, хотя, Сальвадор была уверена— раньше они были скрыты, и попасть сюда можно было только магическим путем и точно зная.

Из груди Пауля вырвался неясный хрип. Кажется, он даже забыл, что ему нужно дышать, или говорить. Даже Рiku он удивился не так.

Она вошла в зал тихо, как мышка. Вошла и замерла на пороге, отчаянно переплетая пальцы и опустив взгляд. Боялась...

– Падме... Я могла бы догадаться...

– И я, – эхом откликнулся Пауль, и подался вперед, явно намереваясь подойти к сестре, чтобы убедиться, что это и вправду она. Смешной. Он ведь видел сквозь иллюзии, он видел истину. Но глазам при этом все равно не верил.

Сальвадор поймала его за локоть. Пауль оглянулся на неё умоляюще, будто она намеревалась ему мешать.

– Позови Рика, – тихо посоветовала она, – мне кажется, он тоже захочет этой встречи...

Она могла бы и сама. Но сейчас реликты были отданы Паулю, и в отличие от кинжалов, именно ими Сальвадор воспользоваться было несколько сложнее.

Ну, и опять-таки, Пауль должен был учиться пользоваться связями с реликтами.

Он прикрыл глаза всего на секунду и точно тут в трех шагах от Мег появился рыжеватый пустынный медведь. Так вот какую форму придала магия Судьи Рику. Медведь... Нет, с ассоциациями ей следовало быть как-то поаккуратнее...

И что с ним делать, чтобы взаимодействовать с его силой? Ездить верхом?

– Может, уберешь с меня свою ногу, Судья?– явно уже исчерпав весь свой крохотный лимит терпения, раздраженно поинтересовался Эльяс.

Сальвадор в сомнении опустила взгляд, раздумывая над тем, стоит ли, насладилась убийственно-острым взглядом Ворона еще несколько секунд, а потом отступила на шаг назад, позволяя Эльясу подняться.

Меж тем медведь при виде Мег замер истуканом, и только через минуту сообразил перейти в человеческую форму.

Сближались Ландерсы медленно. Так, будто были уверены:– еще один шажок – и магия миража разрушится и кто-

то из них троих точно исчезнет. И все равно, в итоге Мег всхлипнула и разрыдалась, пытаясь обнять обоих братьев сразу.

С учетом их медвежьих габаритов и хрупкости Мег это было... Непросто...

Сальвадор успела заметить движение Эльяса— нет, не агрессивное, Ворон просто чуть прикрыл глаза и касался груди ладонью, будто там его что-то жгло. Заметив взгляд Сальвадор, Эльяс даже вздрогнул, будто пойманный с поличным.

– Она скучала, – все сильнее раздражаясь собственными оправдывающимися интонациями, огрызнулся Ворон, – сейчас она счастлива так, что может залететь на пятое небо к Мафрею. А я все это чувствую...

– Ты же понимаешь, что когда до Пауля дойдет, что ты осознанно прятал от него его любимую сестру— он снова задаст тебе трепку?— мягко поинтересовалась Сальвадор, в кои-то веки решив побыть милосердной и избежать темы, задевая которую Эльяс ощущал себя уязвимым.

Подумать только, Эльяс эль Мор— и уязвимость... Да, это стоило запомнить. И никому не рассказывать. В конце концов, за это откровение она заплатила недешево.

– Пауль бы слил мне всю игру, – Ворон вздохнул, сетуя на этих непутевых смертных. – Он не должен был увидеть её слишком рано. Узнай он сразу, он бы много времени проводил с сестрой. Ты бы лезла на стену и, в конце концов, просто

«уступила» бы его «Падме». Это был очень плохой вариант развития событий, и мне даже пришлось убирать Мег из поля зрения, когда он вернулся из Ахиллама с даром Нии-Фэй.

– Думаешь, все это сработает как оправдание?

Эльяс потер переносицу, явно припоминая, насколько болезненно бьет по носу кулак младшего из братьев Ландерсов, подкрепленный силой полубога. Кажется, Ворон здраво оценивал свои перспективы и терпимость Пауля.

– Зачем же такие сложности?– она скрестила руки на груди, во многом потому что в зале было зябко. – Ты мог сказать мне по-хорошему.

– Да брось, – Эльяс поморщился недовольно, – ты ведь уже поняла, что прямо я сказать не мог. Ты думаешь, я не пытался? Думаешь не разыскивал тебя в реинкарнациях и между ними? Не пытался обсудить хоть какой-то вариант мирного соглашения? Твои приговоры обратной силы не имеют. Я приближался к тебе в смертной форме, и твоя судьба выдерживала тебя из этой реинкарнации принудительно. Я приходил к тебе-духу, приходил на капище— и ты тут же ныряла в реинкарнацию и забывала даже о том, что мы встречались. Шии-Ра дала тебе право управлять судьбой. Тебе единственной. Даже богом за тобой не угонишься...

– Тогда ты не был настроен на мирное соглашение, – задумчиво припомнила Сальвадор тот самый день, когда она едва не потеряла веру в смысл собственного существования.

– И ты нашла, как меня прижать, – Эльяс проговаривал

это недовольно, – этой шайтановой помолвкой, запретив мне хоть как-то присваивать Мег... Я семь лет хожу рядом с половиной своей души, и я не могу...

– Прости, мне не стыдно, – Сальвадор, не удержалась и хихикнула, а затем задумчиво покосилась на собственные стопы, с которых исчезли знаки чистоты, – а я смогла...

– Видимо, себе ты оставила лазейку, – фыркнул Король Воронов, – мне— нет. Вообще ни одной. Никого и никогда не хотел так убить, как тебя, после этого откровения. Если ты сейчас засмеешься, я все-таки попробую исполнить эту свою мечту!

– Я... Я попробую не смеяться, – Сальвадор всхлипнула и спрятала в ладонях пылающие от веселья щеки. Ох, Пресветлая, это было сложно...

Магический пояс верности на Эльясе.

Наверное, это была самая гениальная её мысль от начала времен!

Клубок Ландерсов, сидящих на полу и обнимающихся, зашевелился и, кажется, попытался все-таки развалиться. Не... Это была неудачная попытка... Они там еще не натрепались.

– Но я все-таки дошла до твоего храма, – задумчиво припомнила Сальвадор, – при условиях моего проклятия...

– При условиях твоего проклятия ты должна была просто угаснуть лет этак за сто, как дух, исчезнуть, оставив мне на память браслет и свое заклятие, – Эльяс скрипнул зубами,

припоминая этот факт, – ты вообще не должна была хоть как-то страдать от своего проклятия. Есть и есть.

– Но все-таки я пришла...

Эльяс вздохнул и зарывшись в волосы всей пятерней, отвел их, обнажая шею. Там, под самым его ухом чернело черное, солнечное колесо, с изломанными пополам лучами. Благословение Шии-Ра...

– Боже, тебе, наверное, сложно было перед ней склониться...

Это уже получилось без смешка. На самом деле— о гордости Короля Воронов, доходящей до высокомерия, ходили громкие легенды даже до его вознесения. И тогда еще владыка Тэммари, измерения демонов— Эльяс чуть не на всю пустыню заявлял, что никогда не признает даже Солнцеликую выше себя. Нет, мол, границ у его возможностей. И он скрутил гордыню, и пошел за помощью...

– Тогда... Я уже подыхал, – устало откликнулся Эльяс, – она дала тебе твою силу. И я не мог с этим справиться сам. Поэтому... Я пошел в её храм. Мы с Мег пошли. А на следующее утро ко мне явилась ты.

– Значит, вы оба?– на всякий случай проговорила Сальвадор. Нет, она уже не сомневалась в ответе, но все-таки это хотелось обсудить.

И все-таки, Шии-Ра не дала бы своего благословения Эльясу, думай он только похотливым мужским местом. Солнцеликая вообще очень любила держать мужиков в уз-

де...

– Оба, – тихо подтвердил Эльяс, будто и сам до сих пор в это не верил.

Будто ощущая, что речь все-таки зашла о чем-то, что казалось её, у дверей закопошилась Мег. Выпуталась из рук братьев— нужно было отдать должное её ловкости— и все-таки зашагала в сторону Эльяса и Сальвадор.

Хрупкая как молодое дерево оливы, с яркими лазурными глазами и мягкими кудрями, рассыпанными по плечам.

– Если бы ты её сам выбрал, я бы сказала, что у тебя отличный вкус, – усмехнулась Сальвадор.

– Скажи, Судья, не ошибешься, потому что я именно сам её и выбирал, – безмятежно откликнулся Эльяс, – только об этом я тебе расскаюсь как-нибудь потом.

Судя по коварной улыбке— Ворон прекрасно понимал, что такой ответ Сальвадор совсем не устроит... Нельзя было говорить такое, и напоследок. Что это вообще значит?

– Я сейчас...

Про отрезание ушей и медленное их поедание на глазах у Ворона же Сальвадор договорить не успела.

Влюбленная улыбка Мег Ландерс, подаренная Эльясу безвозмездно, заставила даже не замолчать— а заткнуться. О расправах потом. Тем более, что взгляд Эльяса намертво зафиксировался на Мег и в ближайшие минуты отлипнуть не собирался.

Сальвадор вдруг явственно ощутила, что все те “жесты

внимания” в её сторону, что допускал Эльяс, были лютой актерской игрой, по сравнению даже с тем, как он сейчас просто смотрел на Мег Ландерс.

– Мы давно не виделись, госпожа, – Мег выглядела виноватой. Так некстати вспомнилось странное «Прости», сказанное Падме в далеком Турфане. За что она все-таки извинялась? За все это? Глупышка!

– Меня ты можешь не бояться, сестрица, – усмехнулась Сальвадор, – уж могла бы понять, что за любую из пустынных я буду биться до конца.

– Просто... – Мег смущенно сморщила нос и потянулась к Эльясу, явно надеясь найти в нем опору, – вы столько вынесли из-за меня.

– Ну не из-за тебя, – чуть поднимая взгляд на Ворона, заметила Сальвадор. Во всем этом виноват был он. Возможно, даже больше, чем ей казалось до этого.

Возможно— именно он усилил Зов истинной связи, достучавшийся до Мег аж в Эффинах. Именно из-за него она сломя голову бросилась в пустыню. И именно Эльяс самостоятельно нашептал своему адепту про величайшую жертву.

Нет, он не заставил, заставляя в этом вопросе нельзя, но попросил...

Такие как он не становились богами случайно.

Эльяс не стал оправдываться, просто увел взгляд в сторону все с той же пакостной улыбкой на губах. Так явно подтверждая все её невысказанные обвинения.

Ох, не зря она его покарала, ох, не зря...

И все же... Ши-Ра считает, что с него довольно...

– Мег, – кинжал судьбы сам лег в ладонь, и Сальвадор подняла руку с венчальным браслетом, – я вижу, у тебя не хватает решимости попросить самой, значит, я спрошу тебя. Ты хочешь, чтобы я разрушила эту связь между мной и Эльясом эль Мором? Хочешь ли ты, чтобы я уничтожила свое проклятие, что сковывает и его? Без твоего согласия... Без твоего согласия я могу отрезать Эльясу уши. Я давно хочу. Остальное останется как есть.

Ворон не удержался и фыркнул, тут же пряча бесстыжую морду в светло-русых кудрях Мег.

– Я очень этого хочу, – отважно пискнула Мег, этот нежный пугливый цветочек, отчаянно краснея. Кажется, она неплохо представляла, в каком именно месте Эльясу что-то сковывает. Но думать об этом еще не привыкла.

Магией не пахло. И семь лет спустя она сама об этом просит. В какой-то мере... Было ли что-то удивительное? Это ведь была истинная связь, две половины души, сросшиеся друг с другом, чувствующие напополам...

То святое, что даже Ши-Ра при всей своей милости к Сальвадор разрушать ей запретила.

И глаза у Мег так сияли... Становилось ясно, это – того стоило...

– Что ж, – Сальвадор улыбнулась и чуть отступила, чтобы ей было лучше видно их обоих, – раз таково твое желание...

Будет так.

Обручальный браслет от прикосновения Трего лопнул сначала на её руке, потом— на руке Эльяса. И он тут же, словно это сломало какой-то последний барьер, буквально вгрызся в Мег руками, прижимая её к себе. Еще не ощущая ничего, но явно уже предвкушая, и этим предвкушением явно делящийся с Мег... Если прислушаться – можно было явно слышать его тихий шепот. Девушка краснела и пыталась выглядеть спокойной, но улыбка становилась все более смущенной.

Прикрыв глаза, вооружившись собственным именем, Сальвадор прикрыла глаза и коснулась нитей проклятия, опутывающих её сущность.

Сейчас она вспомнила, как его плела – торопливо, так, чтобы убежденный в собственной победе Эльяс не успел вмешаться, но никто не сказал бы, что проклятие было выполнено плохо. Напротив – оно было идеально. И сколько было создано ограничивающих витиеватых условий, мешающих ей вспомнить то, что она себе запретила вспоминать.

Когда нити проклятия лопнули, разлетаясь в пыль, – она даже слегка пошатнулась, и теплые крепкие ладони тут же поддержали её плечи.

Пауль...

Он был такой теплый, что даже не хотелось открывать глаза. Только податься спиной к нему и утонуть в нем еще глубже.

И все-таки она глаза открыла. Его глаза, чуткие, нежные глаза – они точно стоили того, чтобы их увидеть. И весь он сам...

– Сбежим отсюда?– шепнули уставшие губы. Уставшие без него...

– Сбежим, – согласно кивнул Пауль. Событий было слишком много. Их надлежало обсудить, переварить, принять. А времени друг с дружкой им не хватало и до этого. И все что надо сейчас – только переплестись пальцами, и...

– Куда это ты собралась, Сальвадор, – вкрадчиво мурлыкнул Эльяс, ничуть не ослабляя своей хватки, но все-таки поднимая лицо от волос Мег, – а венчать нас кто будет, по-твоему?

– Венчать? – самое забавное, что Ворон выглядел серьезным, ровно как и Мег – они явно это уже обсуждали, и не один раз. – Ты издеваешься надо мной, сын шайтана?

Нет, как полубогиня – она могла. Как мог и сам Ворон, как он и планировал якобы при их несвершившемся венчании. Вот только – после всего, что случилось между ними – он серьезно её об этом просил? Именно её?

– Я не сын шайтана, я – его старший брат, – усмехнулся Эльяс, но после этого даже почтительно склонил голову, – я не издеваюсь, я прошу. Окажи нам честь, Судья. Благослови наш союз. Я действительно хочу, чтобы это сделала именно ты. А потом я благословлю ваш. А потом в честь наших свадеб будут гудеть все четыре измерения, потому что на мень-

шее я просто не согласен.

Самое поразительное, что-то в этом было... Вкусное. То, ради чего действительно хотелось остаться.

– Как ты думаешь, Пауль, как это звучит? – задумчиво поинтересовалась Сальвадор, чуть поворачиваясь. В конце концов, тут без его ответа было просто никуда не деться. И... Кто его знает, может, ему это вообще не нужно?

– Я думаю, что это звучит заманчиво, – широко улыбнулся Пауль, – если ты, конечно, хочешь выйти из этого зала моей женой, Сан-Сальвадор.

Ох, уж этот герой... Он еще и спрашивал...

Конечно же, она хотела...

39. Глава про свадьбу, свадьбу, кольца, кольца

– Не подглядывай, Салли, – этим замечанием Эльяс будто отвесил ей щелбан. Не подглядывать? Он в здравом уме предлагал ей довериться его сомнительному вкусу?

Кто вообще придумал, что можно доверить Эльясу эль Мору приготовления к венчанию двух Судей? От него же подсознательно можно было ожидать только подвох. Один большой подвох, завернутый в другой подвох, еще больше!

Никто не придумывал, никто ему ничего не разрешал. Ворон сам почему-то взялся об этом позаботиться, бросив при этом небрежно: «Ну, а что с вами делать, раз вы сами не готовы ни в одном месте».

Почему они должны были быть готовы вообще? Если еще вчера она была уверена: ей придется Пауля потерять, и быть готова была от той неизбежности, что ей рисовалась на горизонте в виде того же Эльяса в качестве мужа.

И почему это все-таки они вдруг оказались первыми в этой очереди? А, это потому что Пауль вытащил длинную соломинку, когда они с Эльясом бросали жребий? Вот зачем он это сделал? Не мог вытянуть короткую и дать им хоть час на приготовления?

Но вот! Часа не было! Зато была «восхитительная» необходимость стоять с закрытыми глазами и терпеть, как щеко-

чут кожу перья колдующего Ворона. Чувствовать, как ложатся на кожу лба, волосы, плечи какие-то украшения, как меняется, тяжелеет ткань шаровар, как укорачиваются рукава рубашки, и не знать, даже приблизительно, как именно это все выглядит! Ну... Хотя бы цвет знать!

– Если промахнешься с нарядом, я тебя самого в него одену, – Сальвадор даже сложила пальцы особым образом, заставляя эти слова стать обетом, – и зачарую так, чтоб ты в нем к своим адептам являлся.

– Ты сейчас допросишься, Салли, и останешься голышом, – фыркнул Ворон, а по коже все бежали и бежали мурашки от его магии, – вот уж в таком-то виде я к своим адептам явиться не постесняюсь. Поверь, они только восхитятся и падут ниц передо мной даже с большей охотой.

Её ладонь крепко сжала ладонь Пауля. Они стояли спина к спине, чтобы уж точно не видеть друг друга, чтобы соблюдать одну из примет смертных. Смешно было. Хотя, если не боги будут соблюдать традиции и верить в приметы – то кто вообще будет?

– Не бойся, сердце мое, – произнес Пауль вполголоса, – ты ведь знаешь, что женюсь я на тебе, а не на твоём наряде.

– Знаю, – она невесело вздохнула. Все это она знала. И что этот безбашенный герой любит именно её, со всеми теми нюансами её характера, с её непокорностью, с её неумением замолкать и уклоняться от спора. Для любого другого пустынного подобные черты характера были даже не недостат-

ками, а поводом обойти женщину как можно дальше. А для него... Нет, Пауль был невозможен, в него было так непросто поверить, но он был и остался рядом с ней. И готов оставаться дольше!

Все это она понимала. Но не волноваться из-за того, что на собственной свадьбе она будет в каком-нибудь несуразном, чересчур откровенном, или напротив – слишком невыгодном для неё наряде – этого не могла даже Сальвадор. В конце концов, женщина она была или кто?

– Все, можете открывать глаза, – в голосе Эльяса звучало столько самодовольства, что ясно – он уверен, что постарался на славу.

Это было... Как первый шаг в воду, когда ты еще не знаешь, какая она – теплая ли или ледяная. Но пальцы Пауля по-прежнему переплетались с её пальцами, и это сделало этот шаг проще. Вместе не страшно. Вместе они, если что, куда быстрее прикопают Ворона в первом попавшемся бархане.

Ворон...

Ворон был прав. Он и вправду постарался. Во всем. По крайней мере от темного зала не осталось ни следа. Зато был свет, много свободного пространства и небо над головой. А еще – были цветы. Очень много цветов... Ужасно много – и все они или белые, или синие.

Все ведь знают, что цвет любви – именно синий, да? В Махасаре было так. А вот в Эффинах явно белый выделяли больше. И было даже понятно, почему Эльяс переплел оба

этих цвета в оформлении зала сейчас. Хотя... Зала ли?

Потолка не было, стен в обозримой близости не наблюдалось. Нет, Сальвадор тоже умела проворачивать эти фокусы с расширением пространства, поднятием потолка в Чертоге, и обращением его в зеркало небес, когда казалось, что от неба тебя ничего не отделяет, но... Так быстро? Да еще и имея несколько дополнительных целей, требующих сосредоточения. Кто молодец? Эльяс молодец. Главное – вслух этого не произносить!

– Закат я не планировал, кстати... – задумчиво произнес Ворон, видимо, заметив то, на что именно залюбовалась Сальвадор, – уже время ночи по всем правилам.

Да. Должна была быть именно ночь. Но над их головами в зеркале небес отражался именно закат. Сочно-рыжий, нежно-розовый, он пылал и не догорал, замерев в одной точке.

– Шии-Ра...

Понявшая, что к чему, Сальвадор вдруг ощутила, что её стискивают крепкие материнские объятия. Солнцеликая умела быть везде, при этом никому не показываясь.

– Удивлена, дорогая? – ментальный глас Шии-Ра был теплым, как и её прикосновения.

– Скорее польщена, – Сальвадор благодарно улыбнулась. Солнцеликая редко являлась на земли Махасара. Любой знак её внимания стоил дорого. И такое внимание к свадьбе какой-то полубогини...

– Моя любимая дочь выходит замуж, я не могла упустить

такой день.

Это было даже не лестно, это было настолько приятно, что хотелось лопнуть от гордости. А чем гордиться? Свадьбой? Ну, не такая уж в том была её заслуга... Но гордиться все равно хотелось.

– И вы даже не поймаете меня на жульничестве, – хихикнула Сальвадор ментально, – ведь вы мне обещали одно смертное счастье. Пауль теперь отнюдь не смертен.

– Я была бы удивлена, если б ты не нашла эту лазейку, – усмехнулась Солнцеликая и расплела объятия, – будьте счастливы, дети, а я – освещу вам дорогу.

Вот это явно услышал и Пауль – он явственно вздрогнул, осознавая, чей именно глас он слышал.

– Вы можете посмотреть друг на друга, – милостиво позволил Эльяс, видимо, закончив колдовать над мелочами, – и, кстати, ты так и не одобрила наряд, Салли.

Да... Так волновалась об этом и только сейчас обратила внимание.

Но как оценивать внешний вид без зеркала? Глаза-то находили красивыми и золотые узоры, и изящные драпировки юбки, и шлейф из бирюзового шелка, и красивый покрой чоли, но как все это выглядит вместе? И юбка... Как она вообще сидит? У Сальвадор не было любви к юбкам, вне реинкарнаций она их вообще не особенно привечала. Для частых поединков куда удобнее были шаровары, и вот теперь в юбке Сальвадор вдруг враз почувствовала себя неуклюжей.

Делать было нечего, пришлось повернуться к Паулю вопреки собственным опасениям.

Глаза мужчины – самое правильное зеркало, так ведь?

Восхищения в глазах Пауля оказалось столько, что Сальвадор простила Эльясу даже юбку. Если бы не эти самые глаза – то, пожалуй, Ворону бы все-таки что-нибудь пришлось отрезать. Увы, Эльяса пришлось помиловать.

Кстати цвет слоновой кости Паулю шел просто удивительным образом.

– Тогда ты тоже была в бирюзе... – едва слышно заметил Пауль, и вопроса, про какое «тогда» ведется речь, не возникло.

Их первая встреча, тогда – на капище.

Когда еще юный Пауль Ландерс не нашел более оригинального приветствия, чем сделать комплимент той, что мужского одобрения не искала. И все-таки его слова ей почему-то запомнились. Но та встреча... Она закончилась нехорошо. И так ли хорошо, что сейчас Эльяс одел её именно в этот цвет?

Да, это был именно цвет Сальвадор, именно в нем ей и правильной было бы венчаться, но...

– Мне кажется, я потерял надежду на спасение именно тогда, – Пауль улыбнулся и крепче сжал её ладонь, – я бы не смог покинуть Махасар, наверное. Так и ходил бы к тебе на капище, только ради твоих глаз.

– Насколько я понимаю, претензий ни у кого нет, я моло-

дец, и мы можем продолжить? – конечно же, Эльяс не мог не влезть и не испортить момент, – Салли, улыбнись подру-желюбнее, я впускаю гостей.

Гостей?!

Он не пошутил. Совсем не пошутил. Потому что в этом бесконечном зале, разумеется, тут же нашлись золотые ворота, которые, конечно же, распахнулись, и сквозь них в зал хлынула толпа. Толпа!

Она ведь думала, что все обойдется по-тихому. Ведь был же ритуал Эшлама, быстрый, краткий, не включавший в себя гулянку на половину мира.

– Зачем их так много? – в тихом ужасе простонала Сальвадор, крепче вцепляясь в руку Пауля.

– Они пришли к тебе, Судья, – рассмеялся Эльяс, – кажется, все хотят посмотреть на того смельчака, что решил на тебе жениться. Даже не наши прибывают. Ты узнаешь старину Посея? Ты успела и с ним познакомиться?

– Я доходила до берегов Ларанского моря по делам своим судов. Эльяс эль Мор, не пытайся меня уболтать, зачем ты созвал весь Ахиллам на мою свадьбу?

Шайтан её дернул согласиться на это совместное венчание «по-семейному»... Одним коварным движением руки Ворон превратил свадьбу Сальвадор в самый настоящий Бельвас – день пира богов, когда замирают светила и не случается никаких бед у смертных.

Самое ужасное – бежать было некуда.

– Не капризничай, а иди встречать гостей, Са-а-алли, – медовым голосом пропел Эльяс уже откуда-то сверху – он, кажется, понимал, на что конкретно нарывался. И решил временно уйти из зоны поражения.

Нет, он был в абсолютной эйфории, в таком хорошем настроении Сальвадор Эльяса давно не видела, но даже в этом состоянии он не мог не пакостить.

– Я тебя убью, Эльяс эль Мор, – тихонько выдохнула она мысленно, адресуя все это Эльясу, а сама – натягивая на лицо самую лучезарнейшую из имевшихся в запасе улыбок.

– Будешь убивать Эльяса, не забудь оставить мне половину, – фыркнул Пауль, но все же разглядывал гостей больше с интересом, чем с опаской. Оно и понятно, вряд ли ему доводилось видеть всех богов разом.

Да-да, абсолютно всех пустынных богов и несколько десятков «иноземных» гостей.

Вот в зал влетел вечно пьяный эффинский Бахрус, как всегда – как это водится – плеснул из золотого кубка в своей руке, окатывая ближайших к нему гостей алым вином «для благополучия», и жениха с невестой – конечно, тоже, особым золотым сортом вина «на счастье». Благо его вино тут же испарилось, не оставляя следов на ткани...

Вот с кривой ухмылкой с белым цветочным венком шагает к Сальвадор Саллад. Прихрамывает. Но явился без оружия и с благодушным выражением физиономии. Ворчит, что ради такого праздника ему и глаза не жалко, не то что но-

ги... Ох-х...

– Счастья тебе, сестрица, – еще один длинный цветочный венок ложится на плечи Сальвадор. Мафрей... Она ведь обижалась на него, так зря, получается... Владыка Снов же был безмятежен и улыбался. А его луна скромно притаилась на почтительном расстоянии от солнца.

Венки приносили многие. Это была традиция. И в какой-то момент Сальвадор даже удивилась, сколь много цветочных венков может поместиться на её шее.

Но, оказывается – приветствовать гостей, расцеловываться с богинями – не так уж и сложно. Особенно если в это время планируешь долгую, очень долгую, и ужасно кровавую расправу над Эльясом. Вот он проведет ритуал, женится на Мег, и вот тут, сразу же и настанет его час...

Когда Сальвадор наткнулась на Нии-Фэй – она не поняла. Просто Ния внезапно возникла рядом с ней и Паулем, невозмутимо перебирая в пальцах серебряное веретено, с которым её так часто изображали на фресках.

– Значит, все сложилось, Судья, – богиня улыбнулась безмятежно, будто и не было ничего, и боя в её озере не было, и побежденного её любимца-динихтиса, и глядя на Сальвадор и Пауля, немножко опешивших при её появлении, звонко рассмеялась, – да бросьте, дорогие, вы же не думаете, что я сюда пришла громко мстить и сыпать проклятиями?

А почему нет?

– И золотое яблоко не припасла с надписью «Самой кра-

сивой», чтоб мы ради него передрались всем нашим рассадником красоты? – не удержалась Сальвадор, припоминая последствия одной божественной попойки, где-то в соседнем мире. Грандиозные были те последствия. На целую поэтическую сагу хватило.

– Да вот еще, – Ния насмешливо хмыкнула и встряхнула золотыми кудрями, – буду я кому-то уступать этот титул, переживете. Я пришла радоваться за тебя, Судья. Точнее, за вас, Судьи.

– А за него? – что конкретно заставило Сальвадор оглянуться и разыскать взглядом Эльяса. Эльяса и Мег. Они стояли в обнимку под цветочной аркой, и... Пресветлая, как же Ворон смотрел на Мег...

Наверное, поэтому Сальвадор и тревожилась за них обоих, и Нии-Фэй, которая совершенно точно была до коллик зла на Эльяса.

– Скорее за неё – невесело вздохнула Нии-Фэй, – его спасает лишь её любовь. И то, что когда я дала ей выбор, когда срезала её нить и вложила её в руки Мег, она все равно выбрала именно... Его.

– Ты... Срезала?

– Ну, не думаешь же ты, что я могу безнаказанно позволить демону порочить нити моих истинных, – Нии-Фэй развела руками, – все равно... У неё был выбор. И тут... Тут он все-таки победил.

– Тебе жаль?

– Может быть... Немного... – богиня любви встряхнула головой, будто сбрасывая с себя излишнюю тревогу, – сейчас мы не будем грустить, Сальвадор. Я пришла не за этим. И вам пора!

Пора...

Откуда-то донесся звонкий удар колокола – Эльяс тоже был согласен с тем, что гостеприимство гостеприимством, но пора бы уже и церемонию начинать. И он, чудовищно претенциозный, в черном и лиловом, даже отчасти похожий на собственных магов-жрецов, мягко приземлился у алтаря.

И гости тут же расступились в стороны, освобождая жениху и невесте дорожку к белому кругу с уже восстановленным, увитым синим плющом алтарем. Все было готово. Свечи, кубки, нож... И цельный бог для благословения этого союза.

Пора. И вправду пора. Вот прямо сейчас, да!

Пресветлая, это и вправду происходило? Въявь? И их запястья сейчас и вправду свяжет золотая лента, которая позже обратится брачными браслетами? И вправду прямой венчальный нож в руке Эльяса вычертит через минуту ритуальный треугольник сначала на ладони Пауля, потом – на ладони Сальвадор, чтоб они принесли друг для друга малое жертвоприношение? И завтра, уже завтра – она проснется с Паулем в постели, как с мужем? И вместе с ним ступит на капище, чтобы вершить Суд рука об руку? А потом – он будет её спрашивать, каким способом у полубогов заводятся

дети – классическим или мифическим, и не надо ли для этого станцевать какой-нибудь особый танец?

Сальвадор выдохнула. Потом выдохнула еще разок, чтобы уж точно успокоиться. Потом – плюнула на тщетность этого занятия. Выдыхай, не выдыхай – толку не было. Внутри все равно все дрожало и мелко позванивало.

– Ты не передумала? – мягко поинтересовался Пауль, подавая руку Сальвадор.

– А ты, мой герой? – тихонько спросила она, опуская свою ладонь на ладонь Пауля. Он не ответил вслух. Впрочем, его глаза оказались гораздо болтливей...

К алтарю они шагнули вместе.

Больше информации о книгах автора можно найти в группе VK: ["Джисна Шэй | Вера Волховец"](#)